

Главная героиня романа
постоянно борется с непреодолимой
любовью из рук, она постоянно
портит. Это значит, она узнает
любимый муж Саша. Сначала
отомстит, но тоже изменит, но
Саша практически против своего воле
расстается с этой женщиной
задумался

Лариса Кондрашова

Бурные страсти тихой Виктории

«Кто сказал, что у человека в жизни
может быть только одна любовь?»

Лариса Кондрашова

Бурные страсти тихой Виктории

Тихая, скромная Виктория внезапно оказывается в центре бурных страстей...

Узнав, что ее «идеальный муж» Саша в действительности — гуляка и бабник, она решается на разрыв. Однако вычеркнуть изменника из своей жизни окончательно героиня не в силах — Саша ее первая и единственная любовь.

Но, как известно, лучшее лекарство от несчастной любви — новая любовь. В жизни Виктории появляется Леонид — он и хорош собой, и богат, но тем не менее ей очень нелегко сделать выбор.

Однако все решает сама СУДЬБА...

Содержание

Глава первая.....	0005
Глава вторая.....	0012
Глава третья.....	0020
Глава четвертая.....	0027
Глава пятая.....	0034
Глава шестая.....	0041
Глава седьмая.....	0048
Глава восьмая.....	0056
Глава девятая.....	0064
Глава десятая.....	0072
Глава одиннадцатая.....	0078
Глава двенадцатая.....	0082
Глава тринадцатая.....	0088
Глава четырнадцатая.....	0096
Глава пятнадцатая.....	0103
Глава шестнадцатая.....	0110
Глава семнадцатая.....	0117
Глава восемнадцатая.....	0124
Глава девятнадцатая.....	0131
Глава двадцатая.....	0139
Глава двадцать первая.....	0146
Глава двадцать вторая.....	0153
Глава двадцать третья.....	0158
Глава двадцать четвертая.....	0166
#25.....	0172
#26.....	0173

Русский романс

Лариса
Кондрашова

Бурные страсти
тихой Виктории

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2005

Лариса Кондрашова
Бурные страсти тихой Виктории

Глава первая

Пронзительный женский визг разорвал тишину небольшого домика молодых супругов Петровских на окраине города, прокатился по двум его комнатам, отталкиваясь от стен и взвихриваясь в маленький звуковой смерч. И вернулся на кухню, втянувшись, как в воронку, в издавший его рот.

От неожиданности глава семьи, который как раз в этот момент чинил сломавшуюся дужку очков от солнца, модных и потому дорогих, с силой воткнул себе в руку маленькую, но тонкую и острую отвертку. Он нецензурно выругался, отбросил очки — они со звоном ударились о керамическую настольную лампу и разбились.

Глава семьи с простым русским именем Александр — жена звала его Санькой — выругался еще круче и поспешил на кухню. Стиснув зубы, он гнал перед собой тапку, но никак не мог попасть в нее ногой, потому вынужден был ступать на холодный пол босой ногой.

— Ну что опять?! — Он прошипел свой вопрос свистящим шепотом, что получилось вовсе не зловеще, как ему хотелось, а не по-мужски истерично и даже скандально.

— Вот!

Его жена Виктория вытянула вперед правую ногу, не переставая поскуливать, словно побитый щенок. На кончике домашней тапки, зажав ее, а заодно и большой палец ноги, болталась захлопнувшаяся мышеловка.

«Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!» — Александр происходил из интеллигентной семьи, был хорошо образован, потому частенько вспоминал стихи классиков и афоризмы знаменитых людей.

— Ну и чего ты орала?

— Больно же!

Александр сплюнул, но аккуратно и в сторону. Неудобно, кухня все же, снял с ноги Виктории мышеловку.

— Ты говорила на прошлой неделе, что видела мышь?

— Говорила.

— И при этом визжала еще громче.

— Тебя же не было дома!

— Ничего, я себе это отчетливо представляю. Я поставил мышеловку. В самом дальнем углу. За отопительным котлом. Чего ты туда полезла?

Последнюю фразу он произнес отдельно, почти по слогам, таким образом сдерживая выплескивающееся через край раздражение.

— Я уронила за котел разливательную ложку.

— А почему доставала не рукой?

— Сань, но там же узко. Это надо было перегнуться, залезть между котлом и трубой...

— И ты решила выпихнуть ее ногой.

— Ну!

— И выпихнула?

— Так мышеловка же.

Вика смотрела на мужа испуганными глазами и не могла понять, чего он так злится. Ведь это она пострадала, не он. Вон как ноет у нее палец! И потом, ничего не сломалось, ничего не разбилось. Подумаешь, ему-то всего и придет-

ся, что повторно зарядить мышеловку...

Раньше, когда с ней случались какие-нибудь неприятности, Санька ее жалел. Баюкал как маленькую и даже сюсюкал. Например, прежде он сказал бы так:

— Что же это с моей малышкой случилось? Ах ты гадкая мышеловка! Поймала совсем не того, кого должна была ловить...

А сегодня он как с цепи сорвался. Вон, даже глаза побелели от бешенства и губы вытянулись в неприятную узкую линию.

— Из-за тебя я уже заикаться начал! Ты вывела бы из себя ангела! Надо же в конце концов что-то делать! По-моему, тебе следует обратиться к врачу!

Он именно так и восклицал в конце каждой фразы, будто словами бил Вику по лицу. Но лучше бы бил, потому что слова его ранили ее куда больше, и она съеживалась, скукоживалась и превращалась, как под воздействием заклинания, в испуганное, затурканное жизнью существо.

И в ответ она даже не оправдывалась, а жалобно повизгивала, чем тоже раздражала Саньку. Да и как она могла его не раздражать?! Такая неловкая, жалкая.

— Я же не нарочно, — прошептала Вика. Ей хотелось плакать, но она знала, что разозлит мужа еще больше.

Однако он не заметил ни ее усилий, ни преданного, любящего взгляда — продолжал разжигать в себе злость к ней, к Вике, и, надо сказать, ему это неплохо удавалось.

— Я не знаю, где проснусь наутро, — сквозь зубы процедил он, — на полу, среди головешек или вообще на том свете!

Вику его слова рассмешили, но и смеяться сейчас ей было нельзя. Потому она пошевелила губами, словно зажевала смех внутрь: проснуться на том свете, надо же такое придумать!

— Сань, а чего на полу-то?

— Кровать под тобой рухнет.

— Но она же новая. На металлокаркасе. Ты сам говорил, сто лет простоит.

— Ну и что же. Под кем другим, может, и простояла бы, а под тобой рухнет! — Он уже почти кричал. — С тобой опасно жить рядом. Ты — тайфун Виктория, цунами, тридцать три несчастья!

— Санька!

Вика потянулась к нему дрожащими руками и смахнула со стола чашку с нарисованным на ней персиком, ту, из которой ее муж любил пить чай. Чашка упала на пол и разбилась вдребезги.

— Ничего, это к счастью, — попыталась успокоить его Вика, но тщетно.

В какой-то момент ей даже показалось, что Санька как раз ждал такого вот повода, последней капли в чаше терпения, после чего... Почему в трудные минуты жизни ее всегда тянет на красоты? Скажи проще: он тебя разлюбил, вот и придирается.

— Все, ты меня достала! Я уйду!

Он рванулся к двери, но так, словно какие-то путы его не пускали. И спружили от рывка, удерживая его на месте.

Вика почему-то старалась не думать о самом плохом: в каком смысле уходит? К маме? К какому-нибудь другу? Выйдет из дома, хлопнув дверью, походит, позлится, а когда успокоится, вернется... Чего она гадает, можно же спро-

сильно.

— А куда ты уходишь?

— К черту на рога! — заорал он. — В преисподнюю, на край света! Только чтоб подальше от тебя!

— То есть насовсем? А как же я?

— А ты главное за котел не лезь. Возьми швабру и подтяни к себе то, что за него упадет... Вот видишь, мышеловку я опять зарядил. Мышь попадетса, ногой ее не доставай. Вот так ножом отогнешь... Нет, ножом не надо, порежешься...

Он прямо весь дрожал от злости и, показывая, как мышеловку разряжать, тыкал в нее ножом. А Вику, как ни странно, это его непривычное состояние не то чтобы успокоило, но заставило прийти в себя. По крайней мере больше не унижаться перед мужем — ни в чем таком особенном она не виновата. Просто очередной случай невезения. Одним больше, одним меньше. Пора бы уже привыкнуть.

— У тебя есть другая женщина? — тихо спросила она.

Санька смутился так очевидно, что Вика поняла — есть. Господи, они прожили вместе всего полгода. Шесть месяцев и двенадцать дней! Неужели она успела ему так сильно надоесть? А как же другие супруги живут вместе не шесть месяцев, а шесть лет... и даже некоторые шестьдесят...

Вика, конечно, слышала, что мужья изменяют женам, но что с ней это случится, да еще так быстро, не ожидала. Впрочем, чего в своей жизни она могла *ожидать*, если каждую минуту с ней самой могло произойти непредвиденное. Что поделаешь, раз она не такая, как все.

Подумала унижительно о себе, словно приговор зачитала. Интересно, почему прежде, живя с бабушкой, она такой никчемной себя никогда не чувствовала? Наверное, оттого, что бабушка искренне ее любила, а когда любишь, прощаешь подобные мелочи. И ее друзья, в числе которых был одноклассник Гоша Стрельников, и подружки не видели в ней особых недостатков. Разве что посмеивались иногда:

— Наша Витуська как учудит!

Если Вика что-то роняла или разбивала, Гоша снисходительно говорил:

— Кто в детстве не усирался!

Конечно, бабушке его слова бы не понравились. Она не любила ненормативную лексику. Но Вику слова друга не коробили. Наоборот, она чувствовала, что Гоша Стрельников говорит так нарочно, чтобы ее успокоить, и вовсе не считает ее каким-то уродом.

Воспоминания о друзьях давали ей силы сносить недовольство Александра.

Лицо мужа оставалось чужим и отстраненным. Наверное, он думал, что Вика кинется к нему, станет плакать, умолять ее простить. Упадет перед ним на колени...

Может, у нее нет хозяйственной жилки или практичности, обычного житейского везения, наконец, но гордость есть!

Санька таки некоторое время помедлил, укрепив Вику во мнении: ждал ее унижения...

Потому что сам был перед ней виноват! Начни его Вика уговаривать, он, пожалуй, согласится остаться, и тогда его вина не будет им ощущаться, так

что на беде своей жены Александр Петровский хочет в рай въехать!

Он ведь все время попрекает ее невезучестью. И косорукостью. И считает, что два таких недостатка — это уже перебор...

Выходит, он постоянно разбирает ее по косточкам. Постоянно высказывает недовольство. А может, уже и жалеет, что женился на ней?

Но ведь раньше Санька ее любил, Вика уверена. Или думал, что любит... Ага, значит, она все же не уверена? Какое унижение вот так гадать: любил — не любил? Главное, сейчас не любит. Поэтому когда ему встретилась другая женщина, он сразу понял, что его чувства к Виктории кончились.

Не дождавшись никакой реакции Вики, Петровский обиделся: неужели же не все равно? Это ведь она во всем виновата! Если бы она не была такой... такой... росомахой, он не смотрел бы на других женщин, тех, что способны дать мужчине обычную семью, а не... филиал эмчээс.

И потому, чтобы посильнее обидеть — сама виновата! — он сказал, глядя ей в глаза и кривя губы:

— Да, у меня есть женщина. Между прочим, нормальная. На ровном месте не падает. Когда готовит ужин, использует для первых блюд соль, а не сахар, не разбивает посуду...

Какой он, однако, злопамятный. Да за все полгода Вика только один раз заправила борщ сахаром, а не солью. Сколько можно ее этой оплошностью попрекать?!

— Надо же, как тебе повезло.

Он с удивлением взглянул на Викторию — ее реакция была для него неожиданной, — упрямо продолжил:

— Представь себе, она и стрелки на брюках заглаживает как положено, вдоль, а не поперек, и в рубашках дыры не прожигает...

— И ничего не роняет и не забывает, — спокойно подсказала Вика.

— Я устал от тебя, Виктория!

— Вот бог, а вот порог, Александр. Никто тебя не держит!

Он чуть не задохнулся от возмущения. Его жена даже в такие моменты остается верна себе. Вместо того чтобы всеми силами сохранять семью, бороться за нее! Разве не может Александр ошибаться?

Но она не только не утомилась, а, как всегда в неприятные моменты, продекламировала стихи любимого поэта Владимира Высоцкого:

*Что тебе придумать в оправданье?
Интеллекты разные у нас, —
Повышай свое образование!*

Санька так и замер с открытым ртом. То есть он привык, что Вика поэта все время цитирует, но чтобы в такую минуту!..

Это ее дурацкое пристрастие к поэту простонародья!.. Сам он любил Лермонтова, Пастернака, но до женитьбы его не раздражало ее постоянное цитирование Высоцкого. Она как-то умела ввернуть кстати, но сейчас...

Вообще, у мужа Вики, в отличие от нее самой, имелось высшее образование. И потому прежде он относился снисходительно к слабостям своей недоучившейся жены. Объяснял их недостатком образования.

И Вика признавала авторитет мужа именно по этой причине: она недоучка, а Санька инженер! Но теперь она подумала, что уж если ты женился на

женщине, которую называл любимой... хотя бы некоторое время, то и относиться к ней соответственно. Она процитировала стихи про образование индусов. Мол, тоньше надо быть, деликатнее...

Санька, конечно, все не так истолковал, не пожелал больше ничего слушать, а стал с остервенением собирать вещи, бросая их в большую дорожную сумку.

Но потом опять передумал, расшвырял вещи по комнате как попало, оставил бесстыдно распахнутую сумку валяться на полу и выбежал вон, решив, что сделает это как-нибудь потом, не под презрительным взглядом жены. Когда она будет на работе. Можно ведь приехать в обед и спокойно все собрать...

Санька завел машину — не новые, но вполне приличные «Жигули» — и поехал на работу, не сразу сообразив, в чем это красном у него руки. Оказалось, что он довольно глубоко воткнул в руку отвертку и в запале не заметил, что кровь из раны продолжает сочиться.

Он развернулся на соседней улице и опять поехал домой, при этом отчетливо представляя себе, как безутешно рыдает оставленная им жена. Ему стало жаль бедняжку, ведь по большому счету она не так уж и виновата. А еще ему было стыдно, будто он ударил беспомощного ребенка.

В самом деле, девочка такой уж уродилась. Как порой замечает его мать, руки не тем концом вставлены...

Не то чтобы Вика ничего не умела. Она и готовила хорошо, и дом содержала в чистоте, но была при этом до невозможности рассеянная и какая-то невезучая, что ли. Все била, ломала, теряла. Дня не проходило без каких-нибудь потерь.

Раньше это его не напрягало. И сегодня он мог бы обойтись с ней добрее, если бы... не случилось того, что случилось, и он элементарно влип!

Санька не хотел сейчас думать об этом. В таких делах чувство вины совсем ни к чему. Оно лишает мужчину силы, и вместо того чтобы идти намеченным путем, он начинает метаться туда-сюда...

Но оказалось, что Виктория сидела на кухне и пила кофе и совсем не рыдала, а, наоборот, выглядела весьма оживленной и даже читала какую-то книгу.

Она безразлично смотрела, как Санька достает из домашней аптечки йод и бинт и неумело перевязывает руку, но не сделала и попытки ему помочь. Еще вчера она бы бросилась к нему, и заглядывала в глаза, и спрашивала, не больно ли, а Санька бы делал вид, что раздражен ее сюсюканьем. Это же не смертельная рана! Но в глубине души он чувствовал бы удовлетворение от ее суеты. Приятно, когда тебя *так* любят.

Кстати, перевязки Вика делала классно. На первом курсе университета, который его жена так и не окончила, она сдавала «Гражданскую оборону», один из разделов которой была как раз «Медицина». Учили студентов оказывать пострадавшим первую помощь, похоже, неплохие преподаватели. В какой-то момент Вика увлеклась этой дисциплиной, даже сокрушалась, что не стала поступать в медицинский институт...

— У меня к тебе просьба, — сказала Саньке жена, и он напрягся в предчувствии: вот сейчас она попросит его не уходить, скажет, что не может без него жить... — Раз уж ты все равно уходишь к другой, почему бы тебе не остаться у нее на ночь уже сегодня? У меня в гостях будет мужчина. Я скажу ему, что мы с тобой развелись. Ну, чтобы он не дергался понапрасну.

— То есть как это развелись? — начал было возмущаться Санька, но в последний момент опомнился: не хотел ли он этого только что? Однако как ловко его супруга перехватила инициативу!

Но по большому счету заявление Виктории его позабавило.

— У тебя, мужчина? — снисходительно проговорил он, словно потрепал Вику по голове, как трехлетнего ребенка, заявившего, что он, к примеру, может запросто сварить борщ.

Вообще этого не следовало говорить. Может, Вика и была неловкой, но только не страхолюдиной, это уж точно!

У нее вьющиеся каштановые волосы, густые и блестящие, и выразительные серые глаза, и длинные ресницы. Кожа у нее чуть смугловатая, но нежная, на щеках всегда легкий румянец, а губы вполне могут обходиться без помады, такие они сочные и яркие. Когда Виктория смеется, ресницы ее подрагивают, как крылья бабочки. Точеный прямой носик придает ее лицу законченность, подобно восклицательному знаку в конце изящной фразы.

А какая у нее фигурка! Хоть сейчас на подиум.

Раньше Санька все это в ней любил и мог часами сидеть на кухне, украдкой любуясь молодой женой. Она все делала быстро, ладно, даже странно, что порой у нее проявлялась некая угловатость движений. Так ведут себя люди, которые стесняются чего-то или волнуются. Понятное дело, если они на сцене. Но ей чего волноваться в своем собственном доме?!

Взять хотя бы тот же сладкий борщ, когда она перепутала соль с сахаром. Правда, потом ей как-то удалось это исправить. Борщ даже получился вкуснее обычного, но Санька разозлился: надо же ему было влюбиться в девчонку, у которой не все дома, а если дома, то спят.

За те полгода, что они прожили вместе, он такого насмотрелся, что, когда Виктория однажды заговорила о ребенке, Санька шарахнулся от нее как от зачумленной.

Вытаскивать свою жену из ям, куда она вечно сваливается, поднимать с тротуаров, где она на ровном месте подворачивает ногу, ловить, когда она падает со стремянки, с табуретки и вообще с любого возвышения, на котором стоит, прикладывая лед к шишкам, получаемым ею с невероятным постоянством, задевая головой, ногами, руками все выступающие части мебели, — это одно, к этому он привык, но если то же самое она станет проделывать с ребенком на руках? О таком страшно подумать.

Теперь эта невероятная женщина говорит про какого-то другого мужчину. Понятно, тот клюнул на ее женские прелести, но в любом случае мужик этот и не подозревает, что жить с ней все равно что курить, сидя на пороховой бочке. Не знаешь, когда рванет.

Да он сбежит от нее тотчас, как она начнет проделывать свои фокусы. Минуточку! Выходит, Санька допускает, что этот посторонний мужчина может, хоть и ненадолго, в их доме задержаться? И это при живом муже?!

Вика отчетливо видела его возмущение и размышляла о том, как несовершенна мужская природа в части той самой логики, которая якобы по плечу только мужчинам. Он собирается жить с другой женщиной, но все равно не допускает и мысли о том, что жена тоже может завести себе кого-нибудь.

Словом, Александр Петровский ушел из дома злой как черт, вроде на работу — интересно, он свою фифу на работе нашел или познакомился с ней, когда

подвозил на машине? — а его жена принялась продумывать план мести. Под названием: «Как изменить своему мужу не лишь бы с кем, а с женщиной, достойным во всех отношениях, так чтобы потом было не стыдно вспоминать о минутах блаженства, проведенных в его жарких объятиях?»

Глава вторая

Нет, до сего момента ни о чем подобном Виктория и не помышляла. Она любила своего мужа, и других мужчин для нее не существовало. Да и зачем бы ей понадобились эти самые другие мужчины, когда у нее был Александр Петровский. И целых полгода он принадлежал только ей. Это ли не счастье?!

Когда после близости между ними муж засыпал, Вика тихо лежала рядом, как мышка, и делала вид, что тоже спит, а сама через неплотно прикрытые глаза смотрела на него.

Прежде чем лечь спать, Петровские обычно включали во дворе электрический фонарь в форме газового. Свет от него проникал через плотные шторы и создавал в их спальне особое интимное освещение. В его свете красивый Санькин профиль смотрелся особенно романтично. У Вики сладко щемило сердце при одной мысли о том, что этот мужчина, прекрасный как принц, принадлежит ей.

Поэтому она и боялась его потерять. Когда еще судьба пошлет тебе принца? Если пошлет. Это Вика себе так объясняла чувство приниженности, которое она испытывала перед Санькой. Стоит ли она его? Средней внешности, без образования, с кучей недостатков, главные из которых — рассеянность и неловкость.

Вот она боялась, боялась и добоялась! Точнее сказать, бойся не бойся, а конец один. Счастье долгим не бывает.

Вика не хотела осмысливать трагедию в полном объеме — вот, она лишилась самого дорогого, жизнь ее потеряла всякий смысл и прочее, — так и с катушек съехать недолго.

Но и представлять сейчас, что у нее будет интим с посторонним мужчиной... Не знаешь, кому в таком случае отомстишь: ему или себе за то, что вздумала мстить.

Однако думая о возможной мести, Вика на время забывала Санькину измену — какой-никакой выход из ступора. Тот самый клин клином. Хотя, кажется, она слишком торопится.

И наметила себе Вика в качестве будущего любовника человека, которого у них на оптушке, то есть на оптовом вещевом рынке, где она работала реализатором, все звали Майором. Говорили, что прежде он служил в армии — не то в моторизованной пехоте, не то в ракетных войсках. И этот самый Майор, по выражению ее коллеги и приятельницы Кати, подбивал к Виктории клинья.

То есть поклонник у нее уже был готовый, не надо тратить время, чтобы к себе его приручить. Остается лишь поманить.

Как аукнется, так и откликнется! На этой решительной ноте Вика стала собираться на работу, запретив себе думать о Саньке. О том, как он отнесется к ее предстоящей измене...

Она не подозревала о том, что в это же время Санька думал вовсе не о нормальной женщине, которая не падает и ничего не роняет, а о том, что отдавать за здорово живешь свою жену кому ни попадя ему не хочется.

Таким образом, совсем недавно владевшее им желание круто изменить свою жизнь отошло на второй план.

Поразмышляв о своей семейной жизни, он стал видеть в ней не только минусы, но и плюсы. И чем больше думал, тем больше плюсов находил.

Если уж на то пошло, неизвестно, что ждет его в новой жизни. И будет ли ему там так же комфортно и уютно, как было совсем недавно с Викторией. До того, как в его жизни появилась Лизавета.

Петровский решил проследить, кого жена приведет в их семейный дом, и потом уже, увидев изменщицу в объятиях другого мужчины, с чистой совестью уйти к другой.

В чем Санька не сомневался, так это в том, что упрямая женщина непременно осуществит свои намерения в самый ближайший вечер. Его Виктория всегда отличалась нетерпением, всего ей хотелось добиться побыстрее, и, может, поэтому ей так не везло, по причине этой самой торопливости? Переизбыток эмоций?

Просто Вика еще молодая — всего двадцать один год, вот она и не умеет соизмерять свои желания и скорость, с какой бросается их выполнять...

Он сколько раз говорил ей:

— Вика, почему ты все время спешишь? Осмотрись, куда идешь, погляди вперед, погляди назад, под ноги в конце-то концов! — Санька даже по-латыни нужную фразу выучил: «Фестина ленте» — «Торопись медленно»!

Но она его никогда не слушала и потому вляпывалась во всякие такие неприятности вроде этой, с мышеловкой. И еще хохотала:

— Представляю, как все люди ходили бы по твоему рецепту! Пока они осматривались бы да оглядывались, куда эту самую ногу поставить, никуда бы не успевали.

— А ты, конечно, всюду успеваешь и никуда не опаздываешь.

Он тогда съехидничал, а Вика потупилась: он прав, с ней постоянно происходили события, которые с нормальными женщинами не случались.

Мало того что она роняла и разбивала все, что бьется, в доме! Едва Виктория Петровская входила в трамвай или троллейбус, как в нем что-то ломалось. Или отключали электроэнергию. Или впереди оказывался затор. Например, несколько столкнувшихся машин, которые перекрывали рельсы трамвая и всю дорогу троллейбусу. Сама себя при этом она шутя называла «трамвайным вирусом».

Санька мог бы подумать, что его жена какая-нибудь ведьма. Были же такие в прежние времена. Но ведь от этих аварий и заторов страдала прежде всего сама Вика, так что подозревать, будто она делает пакости не только всему городу, но и самой себе, было просто глупо. Или бывают неудачливые ведьмы?

Впрочем, это все мелочи по сравнению с заявлением, будто она приведет домой какого-то мужчину!

В минуту такого праведного гнева бесполезно было указывать Саньке на его собственные грехи. В конце концов, он мужчина. То, что дозволено Юпитеру... Санька любил читать и при случае мог процитировать кого-нибудь из классиков. Как и сама Виктория. Любовь к чтению в свое время их тоже сблизила.

Помнится, он с удовольствием хохотал, когда она сказала его приятелю, пытавшемуся при Саньке ее обнять:

*Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!*

Тот тоже засмеялся и уважительно сказал Петровскому:

— Прикольная у тебя девчонка.

Прикольная. На самом деле вовсе не смешно, что тоненькая, хрупкая девчонка тяготеет к сугубо мужскому поэту. У нее что, матери не было? Ах да, у Вики была бабушка, говорят, филолог, но и она тоже почему-то не придавала значения такому неженскому увлечению внучки.

Да и он, как муж, занимался вовсе не тем. Следил, чтобы она ничего не роняла и не падала. Нужно было почаще объяснять, что женщина хороша именно своей женственностью. И когда она говорит: «У меня запой от одиночества, по ночам я слышу голоса...», это не смешно! Молодую женщину подобное увлечение ничуть не красит.

А может, такой поэтической грубостью она лишь прикрывает собственную беспомощность и растерянность? Придумывает себе некий лихой имидж, приплетает неизвестно откуда взявшегося мужика?..

Он и представить себе не мог, что как раз в эту минуту Виктория соображала, как пригласит Майора к себе домой. И если он согласится... Тут Вика стала продумывать меню, потому что всем известно, путь к сердцу мужчины... Она приготовит что-нибудь вкусненькое. Бабушка научила ее готовить. Санька врет, будто она все время варит что-то несъедобное.

Вот назло ему, принимая у себя дома Майора, Вика сделает все, чтобы ничего не испортить!

Изобретать повод, чтобы пригласить к себе Майора, особенно и не пришлось. Он сам нарисовался возле Виктории, едва она появилась на своем рабочем месте.

Вика только стала раскладывать товар, который привез для нее со склада грузчик Петя. Тоже, между прочим, человек, к Виктории равнодушный. Конечно, он и в подметки не годился бравому, молодцеватому Майору. Внешне. А Вике, если она хотела поменять Саньку на кого-то другого, нужно было найти человека достойного, точнее, эффектного. Петр — человек хороший, вот только тщедушный очень. Этак каждый подумает, что она поменяла часы на трусы! И сразу решит, будто она поступила так от безысходности.

Вика поймала себя на этой мысли и смутилась. Выходит, не важно было, что за человек окажется рядом с ней, а каков он внешне. Она даже некоторое время старалась не смотреть на Петра, как будто он мог подслушать ее мысли и обидеться.

Вообще, если бы сейчас кто-нибудь остановил Вику и спокойно спросил, действительно ли она хочет закрутить роман, она бы недоуменно посмотрела на вопрошавшего: у нее что, ума нет? Она любит своего мужа и не представляет на его месте никого другого.

Но пока, словно в безумном угаре, закусив удила, как сказала бы бабушка, Виктория продолжала осуществлять свой нелепый, на посторонний взгляд, план.

Так вот, едва она установила столик и начала выкладывать товар, как Майор появился.

— Ага, вот и Победа пришла.

Он так всегда про Викторию шутил.

Вообще-то шутки Майора Вике не нравились. Она их находила грубоватыми, а порой и откровенно пошлыми. И анекдоты Майор частенько рассказывал скабрзные, так что Вика ежилась.

Зато Анька, работающая за две секции от Викиного места, от такого юмора ржет как лошадь. Ну, например, на днях про ребенка, которого отец взял с собой в баню... Анекдот длинный и пошлый, а в конце его этот ребенок говорит: «Ешьте сами с волосами!» Ну не противно?

Санька другой. У него юмор тонкий, деликатный... Они с Викой иной раз по полночи смеются, если смешинка в рот попадает. Друг другу всякие смешные случаи рассказывают из детства или из юности... Что это — Вика уже начала расхваливать своего изменника-мужа? Значит, все-таки ему было с Викторией не очень хорошо, если он решил уйти к другой. Из-за какой-то мышеловки?!

И потом, никакие личные качества мужа не оправдают его предательства, хотя, если честно, таких мужчин, как Санька, на свете раз-два и обчелся. Что бы и красивый, и умный, и мастер на все руки. И непьющий.

«Прокуковала ты свое счастье, Виктория!» — сказал кто-то внутри ее.

Что значит — прокуковала? Разве она хоть раз взглянула на какого-то мужчину с той минуты, как стала женой Саньки? Она всегда делала для их семьи что могла. А если у нее не все получалось...

Бабушка любила Вику всякой. И не относилась к ней по-другому, если у внучки что-то сторало или падало. Пусть и маслом вниз. Она говорила:

— Ты, Витуся, талантливый ребенок.

— В чем же мой талант, бабушка? — спрашивала Вика.

Мама и папа в порыве раздражения — они не сразу развелись, а еще некоторое время жили вместе и подолгу ссорились — обзывали Вику то неуклюжкой, то горем луковым, то еще как... Незло вроде бы, но обидно. Даже если она им в то время просто под руку попадала, все равно должны были бы думать, какую моральную травму наносят своей дочери. Может, именно тогда у нее развился комплекс невезучести... Ну вот, теперь она стала винить в своих бедах родителей!

— Со временем узнаешь, — загадочно улыбалась бабушка. — Он сам проявится.

В смысле талант.

Ах да, Майор же стоит, смотрит на нее, а она все о своем думает. И слова не сказала в ответ на его приветствие.

— Здравствуй, Саша.

Вика тяжело вздохнула. Она на время забыла, что собиралась его обольстить. В темпе.

По странному совпадению обоих мужчин, и ее мужа, и того, кого она собиралась использовать для мести, звали Александрями. Но «Санька» звучало по-особому, лично, и Майора она так звать не могла.

— А что это мы такие грустные? — тут же всполошился Александр-второй.

— Муж меня бросил, — сказала Вика; она совсем не умела кокетничать. Другая придумала бы что-нибудь поинтереснее, вроде: «Я мужа выгнала».

Ее любимая подруга Таня наверняка сказала бы:

— Вот ты, Хмелькова, просто дыра!

По Викиной девичьей фамилии. Но Таня вышла замуж, живет в Питере и до сих пор не видела Викиного мужа. Надо думать, теперь и не увидит.

Майор после слов Вики сразу взбодрился, оглядел ее с ног до головы каким-то новым, будто оценивающим взглядом и сказал:

— Значит, теперь можно в гости приходите?

— Можно, — уныло согласилась Вика.

— А когда?

Майор, кажется, решил немедля взять быка за рога.

— Ну, не знаю.

Решимость Вики падала с каждой минутой. Чего это в самом деле она решила закрутить роман с Майором? Она никогда на него не смотрела как на мужчину — применительно к себе. Так, всего лишь тот, кто работает рядом, знакомый на уровне здравствуй — до свидания. Нужен он ей как прошлогодний снег!

Но он, похоже, совсем так не думал. Потому не отставал:

— Давай сегодня?

— Сегодня?! Но я не готова. У меня и дома-то ничего нет, чтобы гостей встречать.

Она уже не просто отработывала задний ход — убежала прочь, насколько хватало сил.

— Я все принесу с собой, — стал настаивать Майор.

Решил, очевидно, что если не сегодня, то завтра может быть поздно. Тут как у старателей: застолбил участок, поставил колышек, а там — можно и дух перевести.

В обед Вика решила пойти перекусить в шашлычную, которая располагалась здесь же, на территории оптушки. Она попросила Александра — как делала и прежде — присмотреть за ее вещами.

— Саша, я уйду ненадолго, приглядишь?

— О чем вопрос!

Он обрадовался, потому что в какой-то момент усомнился в успехе своего предприятия. Уж больно девчонка выглядела расстроенной. Ну ничего, клин клином вышибают. Он, Александр, сумеет утешить малышку. Как там говорят? Кто умеет ждать, тот получает все. И ведь правильно говорят!

Вика вернулась, и Майор передал ей четыреста рублей.

— Вот, Витусенька, я тебе кофточку продал, ту, под леопарда.

— Так она же триста пятьдесят стоит.

— Ничего, тебе и навар будет. Глядишь, что-то к вечеру прикупишь. Может, селедки, а? Очень я ее уважаю...

Вика могла бы сказать, что уважать можно человека, а не какую-то там еду. Ее воспитывала бабушка с высшим филологическим образованием, между прочим.

Саньку своего... Тоже по привычке «своего»... Какой он теперь свой! Так вот, Саньку она поправляла обычно, когда он говорил не класть, а положить или если ударение делал не там. Он не обижался. А этот, Александр, кто его знает, еще обидится... Но отчего-то его уважение к селедке не хотело идти из головы. Такая мелочь, и чего она привязалась?!

День прошел для Виктории как-то бесплодно — она вся была в раздумьях. Точнее, прополз, будто виноградная улитка, оставляя какой-то мутный осадок напрасно прожитого.

Интересно, что Вика ни разу не ошиблась ни в свою пользу, ни в пользу покупателей. Она вообще никогда не ошибалась на работе, будто здесь была совершенно другим человеком, и Саньку это удивляло:

— Как ты, такая рассеянная, несобранная, можешь в торговле работать? Ты

же из недостатч должна не вылезать!

Но у нее недостатки никогда не было. Тьфу-тьфу! А Санька... Он просто в нее не верил. Ну и что, что невезучая? Люди вон инвалидами живут, и ничего, а у нее все на месте и исправно действует... Можно подумать, она совсем конченная!

Вике захотелось плакать. Но она лишь покрепче сжала зубы и заставила себя думать о хорошем — говорят, есть такое психологическое упражнение. Вспомнить, например, о выезде на природу ранней осенью. Тогда она замариновала мясо, а Санька изогнул под нужным углом металлические прутья, которые потом просто воткнул в землю. И получился такой дежурный мангал... Вот опять! Неужели у нее нет хороших воспоминаний, не связанных с присутствием Петровского?!

К ней сегодня вечером придет мужчина, которому она давно нравится, и можно будет сразу забыть о неверном муже, который с какой-то бабой в это же время... Нет, об этом лучше не думать! Почему-то сегодня мысли о хорошем будто пачкаются, стоит заглянуть в себя поглубже...

Раньше Вика жила с бабушкой в этом же, теперь их с Санькой, доме. Не потому, что она осталась сиротой. Просто ее отец и мать в конце концов разошлись, каждый завел свою семью, и каждый стал тянуть Вику к себе. Она пожила в семье у мамы — с отчимом, потом в семье у папы — с мачехой. Нигде, между прочим, ее не обижали и ничего плохого ей не делали, но именно тогда Вика впервые узнала, что такое одиночество. У нее появилось ощущение, будто она — одна на свете и никому не нужна. И тогда Вика попросила бабушку взять ее к себе.

Бабушка тогда еще вовсе не старая была. Шестидесяти двух лет. Она еще в университете преподавала. И внучку свою заставила поступить в университет. На иняз. Но потом бабушка заболела и умерла от рака, а Вика с третьего курса ушла. Даже за второй курс сдала не всю сессию. Некому было ее заставить учиться.

Вика ухватила за хвост эту ускользнувшую было мысль. Это же надо, она жалуется на весь свет, хотя дело всего лишь в ее лени, которую так легко оправдать: никто бедную девочку — великовозрастную дылду! — не заставил восстановиться в вузе и доучиться каких-то три года!

Санька сказал:

— Я тебя и недоучившуюся любить буду.

Обманщик.

Хорошо было жить с бабушкой. Ее единственную не раздражала Викина рассеянность. Мало того, что подозревала в любимой внучке какой-то скрытый талант, но еще и ее неуклюжесть оправдывала:

— Великие люди частенько бывали рассеянными. Это у тебя возрастное, пройдет.

И Вика верила, что пройдет. Правда, бабушка еще добавляла:

— Вот родишь...

Они с Санькой поженились, когда Вике исполнилось двадцать лет, через год после смерти бабушки. А Санькина мать, Викина свекровь, все уговаривала их хотя бы годик подождать с детьми. Деньжат поднакопить, как она сказала. Мол, тогда Вика уйдет в декрет, а Саньке не так трудно будет одному семью тянуть.

Санька работал старшим менеджером на лесоторговой базе.

— Он еще не успел себя как следует проявить, — говорила свекровь.

Этим она подкрепляла свои рассуждения насчет детей. Но ведь проявлять себя можно очень долго. Почему свекровь уверена, что именно годик?

Викин папа, например, сказал ей:

— Не тяни с ребенком, дочь. Если вы любите друг друга, то и малыш не будет вам в тягость. А я помогу. Слава Богу, пока при силе.

Вика не собиралась обращаться к отцу за помощью, но такие полярные мнения ее отца и свекрови сбивали с толку. Рожать — не рожать? Главное, Санька никак не выказывал своего мнения о детях. Молчал как рыба, едва Вика принималась на эту тему рассуждать.

А ведь благодаря покойной бабушке по ее завещанию у молодых супругов Петровских было свое жилье — одноэтажный уютный домик с двумя комнатами и такой большой кухней, что она служила им столовой, а порой и гостиной, — они могли не думать, где жить, и не платить обалденные деньги за съём квартиры.

Вика бабушкин дом любила и украшала его, как могла: вязала на кухню забавных зверушек способом «макrame», — руки у нее были умелые на всякие поделки. И еще она любила покупать в магазине «Русский лен» оригинальные прихватки и грелки на заварной чайник.

Санька тоже любил теперь уже их с Викой дом и отделывал прямо-таки до тошно. Везде, где можно, деревом.

— Когда в доме много кафеля, — говорил Санька, — он становится похожим на операционную. А когда повсюду дерево — это тепло и уют.

Вика и не спорила. Столовая-кухня у них была стильная. Почти вся деревянная. И на стенах, кроме вязаных вещиц, висели мини-веничек из магазина сувениров и расписная деревянная коробочка под спички. На новой плите «Гефест», кстати, с электророзжигом, отчего-то две конфорки загорались только с помощью спичек.

— Надо будет посмотреть, — говорил Санька, но все время об этом забывал, а Вика забывала ему напомнить.

Но в остальном все было хорошо. Наверное, слишком, потому так быстро и кончилось.

Этот их домик, их семейное гнездышко, как говорил он сам, столь любовно обустроенное, Санька бросил.

Или он так сильно полюбил другую, неведомую ей женщину, или настолько охладел к Вике, что она стала раздражать его даже из-за всякой ерунды. Вроде той дурацкой мышеловки. Кому скажи, что в ней причина его ухода, засмеют. Не поверят. И правильно сделают. Потому что на самом деле мышеловка просто стала последней каплей в чаше его терпения... А точнее, поводом, которого он ждал, чтобы объявить о своем уходе!

Вика вспомнила сегодняшней визит Майора и помрачнела. Как будто не она сама все это надумала! Куда она вечно торопится? Ищет на хвост приключений!

Собственно, пока в ее жизни ничего плохого, кроме ухода Саньки, не случилось, но перспектива провести вечер с посторонним мужчиной — всего лишь назло мужу — перестала ее привлекать. Вика начала подумывать, как из такой ситуации выкрутиться без потерь. То есть изобрести что-нибудь остроум-

ное, чтобы избежать... того, на что Майор как раз и надеется.

Глава третья

Теперь уже Виктория стала злиться на себя за дурацкое желание отомстить мужу, вместо того чтобы просто выставить за дверь его вещи. Кому и что она этим докажет? Мало того, что у нее на сердце рана, теперь на душе будет дерьмо...

Вот что она себе насочиняла! Хотя, возможно, тот, кого она в гости пригласила, вовсе не собирается сразу тащить ее в постель.

Сразу или не сразу, все равно — зачем рисковать? Почему Майор вначале не пригласил ее пусть не в ресторан, но хоть в какое-нибудь недорогое кафе, где можно было бы выпить по коктейлю, послушать хорошую музыку, а захотел непременно прийти сразу к Вике домой? Он такой неромантичный или считает, что Вика не заслуживает самого элементарного ухода?

Наверное, оттого, что ее бросил муж. Вика сдуру в этом сразу призналась. Майор и решил: чего нянчиться с такой женщиной, возле которой мужчины не задерживаются? В смысле пока один мужчина. Уход мужа снизил цену ее как женщины. Александр-второй решил воспользоваться моментом. Он и надеялся как раз на то, что она захочет отомстить. Как все это пошло и неоригинально.

И вообще, Вика обязана, что ли, принимать его в своем доме! Какой он беспардонный, этот Майор! Женщина ему русским языком сказала, что у нее горе...

Она осталась одна, надо дать ей время прийти в себя, а этот сразу кинулся занимать чужое место. Можно подумать, что он сможет Саньку заменить...

Лучше было бы найти Майора и сказать, что сегодняшняя встреча отменяется. Или уж махнуть на все рукой, посидеть с ним, немного поесть-выпить? Как, оказывается, трудно сделать первый шаг!

Но при этом Вика понимала, что он все равно просто так не уйдет. Вон какой конь здоровый. Одна из реализаторов-женщин говорила Кате по секрету, что Майор — трахальщик бесподобный.

Вообще-то она говорила другое слово, но Вика терпеть не могла мата. Хорошо, что и Санька никогда не ругался. По крайней мере при ней...

Кому хорошо? Теперь той стерве будет хорошо, а Вике... В запале она вонзила ногти себе в ладонь и закусила губу. Не хватало еще зареветь на рабочем месте!

Скорее всего Санька никогда ее и не любил. Даже когда говорил, что любит. Даже когда целовал ее всю, так что Вика покрывалась гусиной кожей и начинала тяжело дышать.

Она подумала так и невесело усмехнулась. Наверное, слишком легко уступала всем его желаниям. Стоило Саньке ее поцеловать, как Вика в момент забывала все свои обиды, если у нее таковые были, и покорно шла за ним в спальню... Нет, не под гипнозом, конечно, а вполне понимая, что будет хорошо им обоим.

— Девушка, сколько стоит вон та кофточка?

— Какая — вон та? Цвет, фасон? — вяло поинтересовалась Вика.

Да что это с ней сегодня?! Видно же, покупательница спрашивает не из праздного любопытства. Ей нужно именно это купить. Встань, подними свою ленивую задницу! Покажи товар. Расскажи, какой он хороший! И недорогой, и

модный...

— Блестящая фиолетовая.

— Двести пятьдесят.

— Вы уступите?

— Уступлю!

«Я могу все уступить, — безразлично подумала она, — в том числе и свою законную двадцатку, и этот дурацкий ширпотреб, и даже свое место. Садись здесь, милая, и никому ничего не уступай! Или уступай всем желающим...»

Девчонка — лет шестнадцать, не больше — взглянула на нее испуганно, хотя свой монолог Вика произнесла мысленно. Как всегда, у Вики все было написано на лице. И девчонка пошла дальше. Правильно сделала. Что ей здесь, эксклюзив от Юдашкина? В каждой второй секции такой товар...

Довиталась, подруга, в облаках. Рассеянная она, видите ли! Блажен, кто верует. Признайся самой себе: разве *это* вчера случилось? С месяц, наверное, Санька стал приходить домой почти такой же, как Вика. Рассеянный. А потом эта рассеянность переросла у него в раздражительность.

Раньше он смеялся, когда Вика по всякому поводу цитировала Высоцкого, она почти все его стихотворения знала наизусть. А позавчера...

Санька пришел какой-то смурной, как сказала бы бабушка. Не переоделся, руки не помыл, а сразу сел с пультом к телевизору и начал каналы переключать. Этак бездумно, бестолково. Хотя прекрасно знал, что Вика этого терпеть не может.

Она его ждала, такой вкусный обед приготовила!

— Не хочу! — только и буркнул он в ответ на ее предложение поесть.

И тогда Вика насмешливо сказала в его напряженную спину:

*Вместо чтоб поесть, помыться,
Уколоться и забыться,
Вся безумная больница
У экрана собралась!*

Он тут же вскочил, посмотрел на Вику с ненавистью. Заорал:

— Перестань, сколько можно, это ни в какие ворота не лезет! У тебя что, своих слов не хватает?! Чужим умом живешь!

И даже тогда она не забила тревогу. Объяснила самой себе: «Устал. Неприятности на работе».

И совсем не обиделась на его откровенное хамство.

Нет, сегодня от нее — никакой пользы. Скорей бы уже кончался этот день. По крайней мере в два часа можно свернуть торговлю. Потом она свое возьмет... Ну, когда переживет свалившуюся на нее беду, привыкнет к ней. Хотя разве можно привыкнуть к тому, что теперь у нее не будет Саньки?!

Пробежал мимо Майор по своим делам. Крикнул на бегу:

— Ну что, ждешь меня?

— Жду, — кисло отозвалась Вика, но он ничего не заметил.

Или сделал вид. Подумал небось, что можно решить на бегу? Вот сядут они за стол... Опять стол. Можно подумать, Вика обжора или выпивоха... Нет, мужчина думает, наверное, по-другому: вот обнимет он Вику покрепче да... Стоп! Однако как ее бросает из стороны в сторону.

Надо взять себя в руки. Вика стала прикидывать, что у нее есть в холодильнике

нике. Она делает для своего гостя пиццу. Майор вечно покупает ее у торговки, которые развозят по рядам обеда. Говорит, очень любит.

Вика как-то попробовала. Это мог быть совсем уж неприятный в еде мужчина. Тем лучше. Она делает такое, что Майор язык проглотит!..

Теперь Вика решила для него постараться. Неужели ей не все равно, как оценит Майор кулинарные способности реализатора Петровской? Хотя и во все его не покормит. В самом деле, обязана она, что ли? Катька, которая к себе Майора заманивала, небось на него особые виды имела. Замуж там или еще что. А Вике-то зачем? У нее муж есть... вернее, она с ним официально еще не развелась, так что и торопиться некуда.

И как бы Вика себя ни уговаривала, мысленно она продолжала крутить варианты, как избежать постели с Майором. Пусть лучше он так ее стряпне порадует, что не станет слишком выступать, когда она выпроводит его ни с чем. Пиццу она приготовит как награду за несостоявшийся интим.

Как жалко, что умерла бабушка. Когда у Вики что-то не ладилось, из рук валялось, она всегда успокаивала внуку:

— Ничего, это у тебя крылышки растут, вот головка кругом и идет.

— Бабушка, какие крылышки! — кричала Вика.

— Те, на которых ты по жизни летать будешь.

Но то ли крылышки у нее так и не выросли, то ли выросли не те, а только у Вики и до сих пор все валялось из рук. Падало маслом вниз. Разбивалось. Не складывалось. Застревало...

Теперь вот и муж ушел, а раньше Вика думала, что судьба сжалась над ней хоть в этом: послала любимого человека и сделала так, что он стал принадлежать ей.

Все оттого, что бабушка умерла слишком рано и не поддержала ее первые неумелые полеты... Это Вика так романтически объясняла самой себе собственную же невезучесть.

Как время ни тянулось, оно в конце концов свое дело сделало. Солнце перевалило за полдень. Некоторые реализаторы стали складывать свои вещи. Засобирались и Вика, хотя обычно уходила гораздо позже. Но хозяин не требовал, чтобы она непременно работала допоздна. Главное, чтобы недельная выручка укладывалась в определенные им рамки.

Вика отправилась домой и по пути зашла в «Магнит», купила продуктов.

Она совершенно не представляла себе, кто должен вкладывать деньги в такое предприятие, как совместный взаимопознавательный ужин.

Ведь это Майор к ней напросился, он должен был бы все принести, а не перекладывать расходы на плечи женщины. То есть поначалу он сказал ей, что все принесет с собой, но что именно, так и не уточнил.

А в конце дня к ней даже не подошел, хотя в том, что он, несмотря ни на что, вечером припрется, Вика не сомневалась.

Он потому и не подошел, что боялся получить отказ. Видел, что сегодня она никакая. Знал, что, когда женщина не в настроении, к ней лучше не соваться. Согласилась принять его у себя, значит, так тому и быть. В том смысле, что теперь отступать поздно, а настроение можно и поднять.

Так что в конце концов Вика вовсе не стала ложиться, чтобы передохнуть, как вначале собиралась, а сразу включилась в работу, да так увлеклась, что пришла в себя только от звонка у калитки. И пошла открывать ворота.

Александр-второй приехал на своей «тойоте», в костюме-тройке, в белой рубашке с галстуком. Слово не всего лишь вечер вместе со знакомой провести собрался, а по крайней мере предложение руки и сердца сделать.

Он вручил Вике букет цветов, две бутылки шампанского и коробку конфет, на которой было написано «С Новым годом!». Это в мае-то.

Вика была уверена, что конфеты — из тех, срок хранения которых истек. Но она запретила себе об этом думать, зная по опыту, как трудно ей будет, настроившись в таком негативном ключе, потом по-новому взглянуть на своего поклонника.

Надпись «С Новым годом!» может означать что угодно. Например... на кондитерской фабрике закончились коробки с майскими картинками. Или в стопку с коробками мая попала вот эта, старая, и конфеты в ней вполне съедобны. Или... он знает, где можно по дешевке покупать конфеты, срок хранения которых истек. Или вот-вот истечет. Не графья!

Не получалось у Вики мысленно рисовать облик гостя светлыми красками. Раньше, когда Майор ее совсем не интересовал, Вика замечала, что он скуповат. И теперь он вряд ли переменялся. В любом случае Санька Петровский такую коробку ей бы не преподнес.

Она прислушалась к собственным ощущениям: нет, желания оправдывать Майора у нее не возникало. И напрасно Вика уговаривала себя посмотреть на кавалера доброжелательно. Майор вел себя с ней так же, как и с другими женщинами. Не считал ее той, ради которой хотя бы на время стоит перемениться. Хотя бы сделать вид!..

Осознавать это было не очень приятно, но для копилки негативных замечаний в отношении Александра-второго годилось. По крайней мере ее не станет мучить совесть, когда... Впрочем, об этом думать пока рано.

Стол Вика уже накрыла, все было готово за исключением пиццы... Боже, она же забыла убавить огонь в духовке! Едва Майор, то есть Александр, потянулся к ней губами, рассчитывая на вполне невинный дружеский поцелуй, как хозяйка дома с воинственным кличем оттолкнула его от себя и бросилась прочь.

— Что случилось? — растерянно спросил гость, ощутило ударившийся об угол письменного стола — Виктория в своем неистовом движении приложила его с такой неженской силой, какую в ее хрупкой фигуре трудно было предположить.

Пицца не сторела. Но она так запеклась, что вместо мягкого хрустящего чуда кулинарии теперь являла собой нечто похожее на подошву с намертво приклеившейся к ней начинкой.

— Посмотри!

Вика стояла перед ним с противнем в руках, на котором что-то, видимо, готовилось, но теперь имело вид неаппетитный. Понятное дело, хозяйка кинулась встречать гостя — Александр ни на минуту не усомнился в том, что она так сильно ему обрадовалась — потому обо всем и забыла.

— Чего ты расстраиваешься? — стал успокаивать Вику наконец пришедший в себя Майор. — Вон на столе еще сколько всего. С каждой хозяйкой может такое случиться. Давай-ка присаживайся, мы сейчас с тобой по соточке накатим... Кстати, у тебя нет ничего покрепче?

— В каком смысле? — не поняла Вика.

— Ну, водки или коньяка. Не буду же я с тобой пить эту шипящую водичку! Шампанское я тебе принес.

«Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд!» — привычно подумала Вика стихами Высоцкого. — Мужик пришел в гости, а я ему должна, кроме закуски, еще и водку ставить?.. Жаль, что я у девчонок поподробнее не спросила, как это делается. Может, теперь так принято? Может, я от жизни отстала?»

— У меня есть бутылка «Кристалла», с Санькиного дня рождения... со дня рождения мужа осталась.

— Тащи! — обрадовался Майор. — Мы под селедочку да кристально-чистую водочку! Видала, стихи сочинил! Со мной это бывает.

Вика вышла из гостиной и вернулась с бутылкой.

— Из заначки достала? — понимающе кивнул ее гость.

— Почему из заначки? В холодильнике стояла.

— В холодильнике? — не поверил он. — А когда у твоего мужа день рождения?

— Восемнадцатого апреля.

— Что? Бутылка больше месяца стояла? Не п... не звезды то есть!

— Хочешь верь, хочешь не верь... Я водку не пью. Санька... муж то есть, тоже не слишком увлекался.

— Ну, само собой, он же у тебя по другому делу... ходок!

Вике обидно было это слышать, но потом она и вовсе разозлилась: чего это Майор обсуждает ее мужа! Его приняли как человека, а он еще позволяет себе говорить гадости про хозяина дома... в смысле хозяйке говорить неприятные вещи, как будто так и надо... От злости она даже не подумала, что Майор ничего нового не сказал, а всего лишь констатировал факт. Сама дала повод.

Но не будешь же ссориться с ним, когда они еще и крошки не съели и капли не выпили... Кажется, о каплях она заговорила преждевременно.

— Что это ты за наперстки поставила? — Ее гость скривился при виде водочной стопки.

— Как положено, по этикету, — пролепетала Вика.

— Этикет, Виктория, для европейцев придуман, для всяких там худосочных французиков или голландцев, а наша русская душа в эти рамки не втискивается. Стаканы у тебя есть?

— Есть.

— Неси!

Вика принесла стакан — она хоть и не француженка, и даже не голландка, будет пить шампанское из бокала. Или Майор считает, что и шампанское надо пить стаканами, как положено русским?

Александр открыл для нее шампанское, предварительно осведомившись:

— Ты как любишь, с шумом или потише?

— Пожалуйста, потише, — взмолилась Вика, хотя соседи все были за своими заборами и стенами, и вряд ли кто из них мог услышать хлопок вылетающей пробки.

Майор посмотрел на нее разочарованно, видно, его душа просила куража, но просьбу исполнил. Он таки хотел непременно налить ей полный бокал, однако Вика отстояла право, как она сказала:

— Пить понемногу, но часто.

— Смотри, я сачков не люблю, — шутливо сказал ее гость, но отчего-то про-

звучало у него это зловеще.

Водки он набулькал себе полный стакан. Вика с тревогой покосилась на него. Подумала, неужели он столько выпьет? Майор стукнул своим стаканом о ее бокал и провозгласил:

— За присутствующих здесь дам!

И одним махом опрокинул содержимое в рот. Вика содрогнулась. Саня если пил, то небольшими рюмками. И старался не показывать, что это ему не нравится. Майор же пил водку, как воду, шумно и с удовольствием, даже прихлебывал, будто его вкусовые рецепторы воспринимали крепкоградусный алкоголь как компот или лимонад.

Между тем Майор хекнул, нацепил на вилку кусок селедки и отправил ее в рот. В тот же момент его лицо исказилось, видно было, что он сделал усилие, чтобы проглотить селедку.

— Что ты сделала с селедкой? — хрипло поинтересовался он.

— А что я сделала? — пискнула Вика.

— Это же чистый уксус. Небось не разбавила, так девятипроцентный и сданула?!

Вика тоже попробовала: Боже мой, испортить то, что, казалось, испортить невозможно! Она окинула беспомощным взглядом стол, на котором оставалось все меньше съедобных закусок. Сожженная пицца на краю стола, поставленная на всякий случай. Фаршированные яйца.

— Саша, яйца ешь, — предложила она.

— Спасибо, — скривился он, — на яйца у меня аллергия.

— Тогда колбаску. Или вот сыр российский.

Майор опять наполнил стакан водкой и выпил ее так же залпом, даже не подумав чокнуться с ней или произнести какой-нибудь тост. Вика наивно подумала, что сейчас он начнет требовать, чтобы и она допивала свое шампанское, но Майор ткнул вилкой в колбасу и процедил:

— И это ты мужика в гости ждала?.. Кстати, чем у тебя воняет?

Вика оскорбилась. Почему она должна терпеть у себя в доме эту наглую морду? Она что, чем-нибудь ему обязана?!

— Воняет? — угрожающе спросила она. — Это ты воняешь!

Но он не обратил на ее выпад никакого внимания. Он наконец нашел для себя выход. Толстым слоем масла намазывал куски хлеба, сверху клал колбасу, потом сыр и отправлял в рот. И при этом поднимал вверх указательный палец, будто призывая Вику к молчанию в тот момент, когда пицца торжественно движется по его пищеводу.

— Третий тост — за любовь! — изрядно заплетающим языком провозгласил Майор, не обращая на слова Вики ни малейшего внимания.

Три стакана водки подряд! Почти без закуски. Гость в ее доме ест бутерброды, словно они соображают на двоих где-нибудь в подъезде на подоконнике. Только газетки не хватает. Когда у них в доме такое было?

А впрочем, так ему и надо! Воняет у нее, видите ли!

— Киска, иди ко мне, — пробормотал между тем гость и протянул к Вике руки.

Она сидела по другую сторону стола от него и даже не пошевелилась, но Александр, кажется, тут же об этом забыл. Нетвердой рукой он вынул зажигалку, решив закурить. Но тщетно стал щелкать ею, для чего-то зажигалку

тряс, стучал ею об стол, а в конце концов разозлился и так сильно размахнулся, что задел хрустальный графин с компотом — Викин любимый! — и небрежным жестом смахнул его на пол.

Он присвоил себе даже Викино право смахивать на пол и разбивать посуду!

Вика побежала за тряпкой, потом стала собирать с пола осколки, вытирать компот, а когда после всех трудов подняла голову, то увидела, что Майор спит, некрасиво запрокинув голову на спинку дивана и открыв рот.

*И если б водку гнать не из опилок,
То чё б нам было с пяти бутылок! —*

как всегда, стихами пробормотала она себе под нос, в который раз удивляясь, что у любимого поэта есть строчки на все случаи жизни.

И в эту же самую минуту...

— Вика, чего это у тебя так газом воняет? — услышала она голос мужа.

Она обрадовалась этому голосу так, что у нее задрожали руки. Она даже глаза опустила, чтобы Санька эту радость в них не прочел.

«Так это газом!» — сообразила наконец Вика и опрометью кинулась на кухню.

Самая большая газовая конфорка, открытая, но невключенная, со свистом выпускала газ. Как это получилось, ну как?! Вика хотела включить плиту, а тут Майор подъехал и стал сигналить у ворот, и спичку она так и не зажгла, чтобы разогреть мясо... У нее же было еще жареное мясо! Со вчерашнего дня. Она совсем про него забыла! Мало того, что с закусками так получилось... Три стакана на голодный желудок! Она все не могла успокоиться — как нехорошо вышло с Майором!

Санька с усмешкой наблюдал за ее метаниями.

— А ты откуда взялся? — недружелюбно поинтересовалась у него Вика.

— Как откуда? С работы, — почти натурально удивился Санька.

— По-моему, ты ушел к другой.

— Я передумал.

— А твое место уже занято!

— Интересно посмотреть, кем?

Санька вошел в гостиную, посмотрел на спящего Майора.

— Этим, что ли, занято? — ядовито поинтересовался он. — Кажется, ты давно ничего не цитировала. Твой Высоцкий сказал что-то как раз об этом... Ага, вот: «Перед тем как приставать, пьет для куражу!» Значит, надо думать, кураж уже пошел.

В другое время она, наверное, тяжело бы перенесла такое унижение. Но сейчас...

Вика готова была убить Петровского за издевательство над тем, что она хотела бы представить как триумф, однако она почувствовала облегчение, хотя и старалась этого не показывать. Раз пришел Санька, теперь ей не придется ломать голову, что делать с вырубившимся Майором и, вообще, как разрядить такую дурацкую обстановку.

Глава четвертая

Санька еще некоторое время помолчал, что-то прикидывая, а потом подошел к Майору и слегка толкнул его в грудь. Тот ничком завалился на диван.

— Давай-ка бери его за ноги, — скомандовал он Виктории, — я возьму за плечи, вытащим его отсюда.

— А куда? — спросила Вика, неожиданно для себя безропотно подчиняясь.

— Как куда? Это его машина во дворе стоит?

— Его.

— Вот в машину твоего поклонника и загрузим. Не знаешь, где он живет?

— Где-то на кожзаводе.

— Посмотри, может, у него паспорт с собой?

Вика открыла барсетку.

— С собой. На Осипова, двадцать пять.

— Вот туда мы его отвезем и в машине оставим. Протрезвеет, домой пойдет. Ключи не забудь взять.

Он стоял и смотрел, как Вика вынимала все из той же барсетки ключи, словно не мог ей доверить даже этого.

Виктория почувствовала раздражение: чего вытаращился! Радует, что застал жену все в таком же привычном унижении? Небось думает, что, если бы вовремя не пришел, она бы и дом на воздух подняла. Вроде аденоидов нет, от чего же она-то запаха не учуяла?!

— Так я не поняла, почему ты все же вернулся? Что, у твоей крысы критические дни?

Сказала гадость и смутилась, но тут же подумала, что он первый начал, пусть и получает.

— Это мне надо злиться, — назидательно сказал Санька, — а не тебе. Я хоть не дома фортели выкидываю, а ты... к нам его привела!

Она все же не выдержала: ставит себе в заслугу то, что кобелирует на стороне!

*Здесь и вправду ходит Кот, —
Как направо — так поет,
Как налево — так загнет анекдот...*

— Ты посмотри, опять стишки вспомнила! — сказал обидевшийся Санька; когда он бывал виноват, всегда становился особенно обидчивым. — Недолго музыка играла. В смысле молчала.

— И вообще, не к нам я гостя привела, а к себе! — решила уточнить Вика.

— К нам, — поправил Санька. — Я здесь тоже прописан.

Нет, это же надо! Он не только не раскаивается в своем... семейном преступлении, но еще и ведет себя так, будто прав. Ага, он думает, что теперь в своей провинности они уравнились, потому он сам как бы получил индульгенцию, а ей это еще предстоит.

Так они препирались, но дело продолжали делать. Санька мимоходом отметил, что они все же вполне гармоничная пара. И умеют вместе заниматься чем угодно без суеты и хлопот, и если бы Вика не была такой косорукой... нет, временами у нее все получалось достаточно гладко. Может, есть какое-нибудь лекарство?..

«Ага, против невезучести!» — ядовито откликнулся внутренний голос.

Возможно, если бы Александр этим занялся серьезно, почти научно, то смог бы вычертить какой-нибудь график и выяснить, отчего у Вики бывают дни, когда ей все удается, а когда наоборот — идет наперекосяк. Тогда нашлась бы не только причина, но и возможность ее устранения...

Супруги Петровские оба были худощавыми и не слишком сильными, потому они с превеликим трудом вытащили спящего, не в пример им тучного гостя из дома и положили на траву, — благо на дворе стоял май и ночи были теплые.

— Я пойду переоденусь, — сказала супругу Вика, и он сухо кивнул.

Вырядилась! Платье надела голубое, то, которое он любил. Хорошо хоть вовремя сообразила переодеться.

Он тоже вернулся в дом и еще раз внимательно посмотрел на стол — там стояли две бутылки шампанского: одна початая, а другая нераспечатанная. На стареньком пианино «Кубань» лежала коробка конфет ассорти «С Новым годом!». Этот козел что, конфет свежее не нашел? Видимо, жадюга еще тот. Сам на иномарке ездит, а девчонке старье какое-то притащил!

Странное у него было настроение. Злость на Вику прошла, и теперь он готов был обвинять во всем неизвестного мужика, который нагло обманул его жену, втерся к ней в доверие...

Санька воровато оглянулся и сложил в подвернувшийся под руку пакет непечатую бутылку шампанского и новогоднюю коробку конфет, чтобы незаметно сунуть их на заднее сиденье. А начатую бутылку он потом потихоньку на огороде выльет. Виктория ничего и не заметит.

Она, кстати, как раз вышла из спальни переодетая в спортивный костюм — вот это другое дело!

Пока Санька запирает дом, Вика открывала машину и ворота. А ее муж решил подогнать машину поближе к лежащему мужику, чтобы вдвоем его в машину втащить.

Вика между тем склонилась над спящим. Майор на мгновение очнулся. Он безразлично посмотрел на Вику, а потом устремил отвлеченный взгляд в звездное небо и сказал задумчиво:

— На этот раз, Шурик, тебе с бабой не повезло!

Между прочим, Вике стало обидно, хотя ее несостоявшийся любовник тут же опять заснул. Хорошо, что Петровский его не слышал, то-то бы повеселился!

Санька хорошо водил машину. До знакомства с Викторией свой автомобиль ему давал отец, а недавно они купили себе подержанную «девятку», чем Санька очень гордился. Машину свою холил и лелеял, отладил так, что нигде у авто ничего не стучало, не гремело, не хрипело.

Иной раз он с гордостью рассказывал Вике:

— Сегодня ехал на новой «семерке» Петьки (или Кольки). Она у него совсем убитая. По сравнению с моей... с нашей не сравнить!

О машине Викиного гостя такого не скажешь. Эх, японское качество есть японское! Везет некоторым. И все же каким надо быть жлобом, чтобы экономить даже на женщинах, к которым идешь в гости!

— Мы-то сами как обратно вернемся? — спросила Вика. — Поздно ведь уже.

— Такси возьмем.

После этого они больше не разговаривали. Санька молча остановил машину у подъезда девятиэтажного дома, где жил Александр-второй. Ключи сунул ему в карман, чтобы какой-нибудь любитель легкой добычи не мог вот так запросто их найти и... И тут в голову Саньке пришла одна мысль.

Он окинул храпящего мужика внимательным взглядом. Нет, на одинокого, неприсмотренного он не похож. Рубашка белая, не новая, но отлично выстиранная, белые носки... Какой мужчина, живущий один, станет покупать себе белые носки, пусть и летом? Да их попросту стирать замучаешься!

Конечно, есть мужики, которые могут кое-какие домашние дела делать и получше женщин, но Викин ухажер вовсе не был похож на такого.

— Какая, говоришь, у него квартира? — спросил он.

— Что ты задумал? — поинтересовалась Вика. — Ну, тридцать вторая.

— Сиди в машине, я сейчас вернусь!

И вышел, не забыв прихватить с заднего сиденья приготовленный пакет.

Санька звонил в квартиру и уже мысленно посмеивался над своими рассуждениями, как дверь открылась. В проеме стояла худенькая миловидная женщина.

— Вы от Саши? — спросила она встревоженно.

— А вы ему кто? — ответил Санька вопросом на вопрос.

— Жена. Гражданская, если это вас интересует, но мы собираемся пожениться. Я, между прочим, даже прописала его у себя!

Она сказала это ожесточенно, словно сообщая Саньке о некоем подвиге, так и оставшемся неоцененным. Видно, несладко ей с этим его тезкой, если высказывается она в таком тоне первому встречному. Но он сделал вид, будто ничего особенного в ее тоне не услышал.

— Интересно. Куда, он вам сказал, сегодня идет?

— Он мне ничего не сказал, — вздохнула женщина. — Можно, конечно, догадаться. У меня от свадьбы дочери пол-ящичка шампанского осталось. Я вернулась с работы, смотрю, двух бутылок нет.

— К сожалению, мне удалось спасти только одну, — сказал Санька, подавая ей пакет. — И конфеты.

— Господи, да им сто лет в обед, этим конфетам! Выбросьте их.

— Нет, это вы уж сами выбросьте. Для чего-то же вы их хранили.

А про себя подумал, что скорее всего и женщина под стать этому кабану с «тойотой». Хозяйственная.

— Скажите, а Саша... Александр, где он?

— Спит в своей машине у вашего подъезда.

— Как спит? — всполошилась женщина. — Тогда надо его поднять домой!

— Нет, я его сюда доставил и больше задерживаться ради него не собираюсь, — твердо сказал Санька женщине, в глазах которой светилась надежда. — Мне еще обратно возвращаться, через весь город.

Он вначале хотел сказать «нам», но потом решил не добивать эту женщину. Наверное, любит такого козла, вон как беспокоится.

— Но как же вы...

— Такси возьму, — во второй раз, теперь уже незнакомой женщине, пояснил Санька.

Санька бегом спускался по лестнице, думал о Вике, которая ждала его в чужой машине, и недоумевал, как он мог пустить на самотек такую ситуацию.

Ну ты, с Лизаветой. Ведь из-за этого они с Викой не сидят дома перед телевизором, не лежат в своей уютной супружеской спальне, а занимаются неизвестно чем на другом конце города...

Когда Санька понял, что влип, было уже поздно. Лизавета сидела у него на шее, сунув пятки в рот. Это он самому себе так описывал ситуацию.

Он напоминал теперь того Зайца из русской сказки, в лубяную избушку к которому попросилась погреться Лиса. То есть сначала она попросила погреть всего одну лапу, а потом не только угнездилась в его жилище, но и самого хозяина выгнала вон.

Или — что там было на этот случай у Викиного любимца?

*Конец простой — хоть не обычный, но досадный:
Какой-то грек нашел Кассандрину обитель, —
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как простой и ненасытный победитель.*

Санька вспомнил стихи Высоцкого и хмуро посмеялся. Это что ж получается? Лизавета его поимела? Как ни грубо это звучит, но именно так. А он, как последний придурок, позволял ей все это с собой проделывать будто под гипнозом. Как телок безмозглый. На поводу.

По большому счету Лизавета ему не очень нравилась. Внешне она была хуже его Виктории, да и характер у нее был не сахар. Знать бы, что так все случится...

Началось падение Саньки с того, что в обеденный перерыв Лизавета стала присаживаться возле него и угощать тем, что приносила с собой из дома.

Прежде он обходился бутербродом с горячей сосиской и кофе, которые покупал в павильончике здесь же, на территории базы. Это его вполне устраивало, но Лизавета хорошо готовила, и Санька потихоньку приохотился к ее кулинарным изыскам.

Вкусная пища, съеденная совместно, располагает к откровенности. И слово за слово, Санька стал рассказывать сотрапезнице о своей жизни с Викой и о том, какая у него жена рассеянная и невезучая. Нет, он вовсе не жаловался, а как бы посмеивался над женой. Вполне, впрочем, беззлобно.

Вот — от озарения он даже остановился — вот с чего началось его падение! Так это и бывает с людьми, про которых говорят: ради красного словца не пожалеет и отца. Ему было приятно восхищение, с которым Лизавета на него смотрела. Это их как бы объединяло. Санька сам себя любит, и эта молодая женщина — его.

Вначале Лизавета только ахала и сочувственно кивала: бедная, ох бедная! Но потом тон ее соболезнований потихоньку сместился: уже бедный был Санька, а вовсе не его непутевая жена.

Однажды он разозлился на Вику всерьез: она сожгла утюгом его любимую рубашку. Поставила терморегулятор на «хлопок», да так и забыла перевести на меньшую температуру. А в рубашке было тридцать процентов синтетики. И горячий утюг «свез» целый кусок рубашки на самом видном месте.

Словом, он пришел на работу не в настроении, и тут к нему подкатила Лизавета:

— Хочешь, угадаю, почему ты такой расстроенный? Твоя психичка опять что-то учудила.

Раньше она не осмеливалась вот так напрямую говорить плохо о его жене, но в тот день поняла: сегодня можно. И Санька ее не одернул.

— Почему ты не разведешься и не женишься на нормальной женщине? — Лизавета долбила его теперь чуть ли не ежедневно, очевидно, считая, что капля и камень точит. — Детей-то у вас нет... Кстати, и хорошо, что нет, а то представь, родит тебе такая женушка какого-нибудь дебила. Тебе это надо?

Слова Лизаветы задели его за живое, но к тому времени Санька уже побывал у нее дома — по просьбе Лизаветы подвез ее и, конечно, получил приглашение на кофе, — познакомился с ее маленькой дочерью.

Он не мог не заметить, как у Лизаветы все чисто и ладно устроено, и слова, которые она ему в уши упорно вкладывала, наконец стали давать ростки.

А потом случилось то, к чему Лизавета его упорно подталкивала. Причем не где-нибудь, а на складе ящичной тары. Она его туда заманила под каким-то смешным предлогом...

В любое другое время Санька сообразил бы, что к чему, а тут его голова была занята серьезной недостаточей, с которой не мог разобраться заведующий складом, а директор базы приказал, чтобы старший менеджер Петровский в этом помог...

Он и разобрался, и обрадованный завскладом побежал докладывать шефу, что все в порядке, и при этом пообещал Саньке куб вагонки — тот собирался построить в огороде небольшую баньку, как они мечтали с Викой, — на предбанник дерева как раз ему и не хватало.

Словом, так все сошлось, что голова Саньки была занята всеми этими событиями и он ничего особенного в предложении Лизаветы не усмотрел, а она его затащила в междурядье, и прижалась к нему, и начала целовать, а Санька почему-то не смог ее оттолкнуть...

После этого он начал почти каждый день бывать в квартире Лизаветы, приходить домой все позже, и от того, что Вика верила его неуклюжему вранью, стал ее за это как бы отодвигать от себя. А потом и откровенно выталкивать из своей жизни. Кому же понравится постоянно чувствовать себя виноватым?!

Подумать только, он едва ли не стал презирать свою жену за веру в него, в его порядочность!

Вообще до сегодняшнего он как бы не принадлежал самому себе. И даже уверенность в необходимости развода с Викой казалась ему чуть ли не выстраданной им самим. Оказывается, его таки сумела убедить в этом Лизавета.

— Ты не беспокойся, все у нас будет хорошо, — как раз накануне убеждала она. — А то, что ты чувствуешь себя неуютно, тоже понятно. Это от неудобства — сидишь ведь на двух стульях. Пора уже что-то решать...

Она просто не могла его не подкалывать, потому что тщетно силилась его понять. В самом деле, ну чего он тянет? Ведь это так явно: где ему будет хорошо, любой поймет. Трусит он, что ли? И дома у нее побывал и видел, какая хозяйка ждет его в своей уютной квартирке. Наверное, привычка — вторая натура. Тот, кто живет в психдоме, может привыкнуть и к его обитателям. Вот он и привык к своей ненормальной. Боится, что без него пропадет. Такой совестливый. Она могла бы его не торопить, но ее задевала нерешительность Александра. Другой бы счастлив был, ведь такая необыкновенная женщина обратила на него внимание.

Как раз сегодня Санька пообещал Лизавете, что наконец переберется к ней насовсем. И возможно, это бы случилось, если бы не заявление Вики о том, что и она последует его примеру.

Александр Петровский целый день ходил под впечатлением нарисованной его же воображением картины: Виктория в объятиях другого мужчины! Получалось, что это ему далеко не безразлично. У него словно открылись глаза, и он наконец смог по-другому посмотреть на свой предполагаемый уход из семьи, которую совсем недавно считал счастливой.

А Лизавета ни о чем не подозревала. Накануне она отвезла дочку матери. Рассказала своей лучшей подруге, что выходит замуж, приготовила все к интимному ужину на двоих, но когда под вечер она заглянула к Александру в кабинет и выжидающе уставилась на него, тот отвел глаза в сторону и пробурчал:

— Сегодня, Лизок, я никак не могу. Отложим переезд. Так складываются обстоятельства. Непредвиденная задержка...

Трубы победы так громко звучали в ее ушах, что Лизавета слова Петровского не сразу услышала.

Уж не собирается ли он сорваться с ее крючка?

— Надолго? — с нажимом поинтересовалась она.

— Как получится, — ответил Санька неопределенно.

Он и в самом деле пытался ускользнуть! Тут Лизавету трудно было обмануть, потому что нюх у нее был отменный. А когда она хотела добиться своего, то этот нюх обострялся.

— Назад тебе дороги нет, — напомнила она. — Если твоя жена узнает...

Так пугала она его последнее время. Но при всем при том очень умной назвать ее было нельзя. Она даже не пыталась быть изобретательной и хотя бы не твердить Саньке одно и то же, от этого он только стал колебаться еще больше.

— Она уже знает, — с неудовольствием пробурчал он.

— Но без подробностей! — выкрикнула ему в лицо Лизавета.

Что она себе позволяет? Решила, будто Петровский такой лопух, что можно его запугать. Вика так себя никогда бы не вела. А если Лизавета выступает, еще будучи никем для него, то что станет устраивать в качестве жены?!

Словно пелена упала с его глаз. В последний месяц Санька жил... какой-то несвойственной ему жизнью. Мягкий шантаж Лизаветы — впрочем, как ни назови, а шантаж и есть шантаж! — совсем выбил его из колеи. От этого он стал терзать ни в чем не повинную Викторию. Даже вообразил, будто возненавидел ее. Но вот нажим со стороны любовницы усилился, а он вдруг стал освобождаться от своей зависимости.

Санька прислушался к себе: есть в нем ненависть к жене? Ее не было. Даже раздражения нет. Улетучилось без следа. А вот к Елизавете... Что это она на него так смотрит? Ах да, ждет его решения. Но какое может быть решение, когда он чуть было не совершил непоправимую глупость.

— Так я жду, — опять напомнила ему Лизавета.

Опять она не попала в струю. Сейчас бы ей притвориться слабенькой, пустить слезу, рассказать, как она его любит и как страдает без него. А вместо этого наглый наезд с угрозой в голосе.

Санька взял ее за руку подчеркнуто нежно:

— Какие у тебя тонкие, нежные пальчики...

Лицо молодой женщины расплылось от удовольствия.

— Если ты попробуешь, — таким же вкрадчивым тоном продолжал он, — хотя бы приблизиться к моей жене, не говоря о том, чтобы сообщать ей какие-то подробности, я переломая тебе их все, один за другим.

Он взглянул ей в глаза, и от его взгляда Лизавета страшно испугалась: откуда в нем это?! Она невольно рванулась прочь, но Санька держал ее крепко.

— Ты поняла? Я спрашиваю, ты поняла?!

Лизавета ничего не понимала. Только что он был в ее руках. Она упивалась своей победой над этим рохлей. Над этим красавчиком, в котором нет никакой воли, нет стержня. Упивалась своей властью над ним. И думала, пусть рохля. Главное, не пьет, и директор говорит, что Петровский перспективный работник.

Она собиралась научить его, как жить, иметь деньги и пользоваться всеми благами. Смешно сказать, но он, наверное, единственный на базе, кто ничего не имеет с излишков и пересортицы. То есть упускает хорошие деньги. Никто ведь не станет считать за доход те несколько реек, которые выделил ему начальник склада, что называется, с барского плеча. Старшему-то менеджеру!

И вот он ускользнул. Лизавета ничего не понимала. Неужели она так в нем ошиблась? Главное, Александр совсем не выглядит силачом, скорее наоборот, такой худой, чуть ли не хрупкий. Но в тот момент показался ей здоровенным амбалом, который вот так возьмет ее за шею, сожмет... Она даже зажмурилась от страха.

А Санька до конца работы пребывал в состоянии удивления самим собой. В глубине души он вовсе не был ни крутым, ни жестоким человеком, но понимал, что с Лизаветой надо поступать именно так, иначе она от него не отстанет. При случае он решил пугнуть ее побольше. Например, когда с соревнований по кикбоксингу приедет его друг, Левка. Тот если сделает зверскую рожу, даже знакомые девчонки визжат с перепугу...

И какой теперь беззащитной, уязвимой на фоне Елизаветы представилась ему собственная жена. Подумать только, эта разлучница чуть было не лишила его любимой женщины, которая как раз сегодня... Сегодня она собиралась привести в дом чужого мужика!

Глава пятая

Санька невольно сжал кулаки. Как ни странно, справившись с Лизаветой — объяснение с такой самоуверенной особой стоило драки с хорошим мужиком, — он почувствовал себя способным к бою за жену. Ведь до недавнего времени только она была для него единственной женщиной. В том смысле, что никто ему не был нужен. Он не чувствовал в себе никакого желания идти на сторону. Если бы не подлая Лизавета...

Что поделаешь, большинство мужчин склонны в своих ошибках винить кого угодно, только не самих себя!

Домой он мчался, что называется, на всех парах. Боялся опоздать. Идиот! Сначала заявил девочке, что он ее бросает, а теперь приходится спешить, чтобы кто-то чужой не наложил на нее лапу.

Витуся у него хорошенькая. Что ножки, что грудки, любой мужик не только начнет облизываться, если поймет, что она свободна, но и подкатываться станет. А какой-нибудь самый наглый... Санька даже зубы сжал покрепче, взбудораженный им же самим нарисованной картиной.

В общем, он примчался домой вовремя и успел вышвырнуть пьяного наглеца, который по-хозяйски дрых в гостиной. Конечно, в тот момент толку от него никакого не было, но ведь он когда-нибудь проснулся бы...

После доставки «тела» в нужное место такси удалось поймать довольно быстро, и Петровские вернулись домой даже не слишком поздно.

Санька отпер дверь. Он хотел спокойно поговорить с Викой, объяснить ей, что к чему, но увидел все еще накрытый стол, и неконтролируемая ярость заполнила все его существо.

— Ты хотя бы в курсе, что у твоего хахаля есть жена? — процедил он.

Там, у дома этого отставника, он не стал ждать, пока гражданская жена выскочит к своему ненаглядному кобелю и пьянице, а за руку утащил Вику прочь от этого подъезда и от машины Майора.

Нет, это Санька сказал уже после того, как увидел накрытый стол и засохшую пиццу. Он даже не сообразил сразу, что к ней так и не притронулись, но Вика ведь ее нарочно готовила. Для того, другого.

— Нет, я не знала, — с вызовом проговорила она. — Майор, ну, то есть этот человек говорит всем, что он разведен.

— А сам живет с другой женщиной, в ее квартире, и даже ворует шампанское, оставшееся от свадьбы ее дочери.

Вика растерянно посмотрела на мужа, но сказать ей было нечего.

— Ты поила его нашей водкой? — брезгливо продолжал вещать Санька, держа бутылку двумя пальцами за горлышко. Роль обличителя провинившейся жены ему явно нравилась.

Но тут как раз опомнилась Вика.

— Какая такая наша! — разозлилась она. — Сначала поделим вещи, а потом будешь считать, что здесь наше, а что твое.

— Чего вдруг нам делиться? — удивился он, хотя его удивление было несколько наигранным.

— Не могу же я отдать тебя другой женщине, можно сказать, голого и босого! Что она подумает? Нет, все, что мы с тобой нажили, разделим честно. Пополам.

— Ну тогда можно начать дележ уже сейчас, — попробовал перевести все в шутку Санька. — Ты должна мне восемьдесят рублей. За водку.

— Хорошо, я дам тебе восемьдесят рублей, а ты вернешься к своей Клаве... И чтоб мои глаза тебя не видели!

— Нет у меня никакой Клавы.

— А кто есть, Мирандолина?

— Елизавета, — ляпнул Санька скорее всего от растерянности.

— Лиза-Лиза-Елизавета, я люблю тебя за это! — стала дразнить его Вика. — Наверное, у нее *это* — золотое?

— Не хаами, — нахмурился Санька.

Отчего-то он решил, что все неприятности уже позади. Если бы он не завелся, так бы и случилось. Он сам все испортил. Но это любого выведет из себя.

— Так я жду! — Вика подбоченилась.

— Никуда я не пойду, можешь не ждать. Между прочим, я здесь прописан и по месту прописки доставил себя сам, не то что некоторые.

— Ладно, — с угрозой сказала Вика. — Спать будешь в гостиной. Я в спальне дверь закрою на щеколду. Надеюсь, ломать не станешь?

— Была охота! — фыркнул Санька.

Сел на диван, скрестив руки на груди а-ля Наполеон. Смотрел, как Вика убирает со стола.

— Дай селедку! — вдруг потребовал он.

— Я... это... уксуса в нее перелила, — смутилась Вика; опять он, как нарочно, тычет в самое больное место.

— Так чего ж ты сразу не его вылила? Может, если ее салфеткой обтереть да в молоке немножко подержать...

— Не спасет, — с сомнением покачала головой Вика.

— А это у тебя что за шкурка? — Он ткнул вилкой в блюдо.

— Пицца. Она немного подгорела.

— Немного, — хмыкнул он, — хочешь сказать, она не до конца обуглилась?

— Никто тебя есть ее не заставляет!

— Ты нервничаешь потому, что я испортил тебе свидание?

— Вообще-то я тебе благодарна, — вдруг выпалила Вика — наверное, сказала ее привычка ничего от мужа не утаивать. — Потому что я просто не знала, как от этого Майора избавиться. Вначале со зла его пригласила, а потом... все думала, как его выпроводить...

Санька тоже был не подготовлен к тому, что Вика честно обо всем ему расскажет, и потому, помолчав, сказал совсем не то, что хотел:

— Что же получается, мне и поесть нечего?

— На кухне в синей кастрюльке мясо. Возьми, поешь, вчера я приготовила его к ужину, но, оказалось, ты успел поужинать в другом месте.

Вика понимала, что Санька нарочно заговорил о еде. Решил, что она начнет хлопотать, а потом быстро отойдет, и тогда они вместе смогут пойти в спальню, как обычно. Раскатал губу. Не дождется! Пусть идет к своей мочалке по имени Лиза. Какое ужасное имя — Лиза! Гадость какая!

Санька откровенно недоумевал. До настоящего времени он считал, что понимает все, о чем Вика думает и что собирается делать. Он быстро научился выводить ее из состояния войны — когда она на него злилась. И от этого не то чтобы испытывал к жене некоторое пренебрежение, а ощущал превосходство

над ней. Она была психологически слабее его.

Мысленно Санька давно разложил все по полочкам: он старше Виктории на два года, а по жизни — на все двадцать. Его жена такая непрактичная, такая открытая. Такая уязвимая...

Она не понимала, хотя Санька сто раз ей объяснял, что в жизни надо вести себя как в лесу: кричать только в случае, когда заблудишься. А в остальное время молча собирать свои грибы и никого о них не оповещать. Прошли те времена, когда люди жили общиной. Находили грибное место и кричали: «Ау!» Теперь каждый сам за себя. Или за свою семью.

А Виктория... Она просто дуреха. Не успела повзрослеть. Вот сегодняшней пример: едва оставил ее ненадолго одну, как она привела в дом какого-то алкаша. Он выжрал бутылку водки, между прочим, оставшуюся после дня рождения мужа, и дрых на их диване, как у себя дома!

Он все пытался снова разбудить в себе злость на Вику, но усовестился. Чего в самом деле он на нее злится? В фильме «Невезучие» не везло всем, кто с такими, как она, сталкивался, а Саньке... Если подумать, то Виктория, наоборот, ему удачу приносит. Как будто все свое везение взяла и отдала ему, а себе ничего не оставила.

Например, она не транжирка. А Санька, хотя всегда зарабатывал хорошо, не умел копить деньги, несмотря на всю свою практичность.

Зато Вика... За полгода совместной жизни они накопили на вполне приличные «Жигули» — прежде о машине Санька только мечтал, вздыхая, что она ему не по карману...

С чего вообще началось его недовольство женой? Неужели только из-за сожженной ею рубашки? Виктория, между прочим, со своей зарплатой — или, кажется, премии — взамен сожженной Саньке такую рубашку купила, вся база ему завидовала...

Вспомнил! Однажды он сдуру рассказал Лизавете, как они ездили с женой и знакомыми ребятами в Раздольное — предгорье — на выходные. В электричке. И попался им вагон старый, не с обычными сиденьями, а с полками из плацкартных вагонов.

Стояла осень, уже холодало, все были в куртках, разделись и понавешали верхнюю одежду на все крючки и выступающие части в вагоне.

А Вика захотела полезть на вторую полку. Чего ей внизу не сиделось, непонятно. Санька и сам не заметил, когда полку опускал, что она при этом в гнезда не села.

Вика на полку улеглась, а тут внизу ребята бутылки с водой стали открывать. Петровский, понятное дело, налил жене стаканчик. Она потянулась за ним, да и вместе с полкой вниз свалилась. Ногой угодила в бутылку. Разбила. Пятку порезала. Кровью полвагона забрызгала. Проводница бегала с бинтами и зеленкой в полном шоке:

— Мы же до Раздольного всего сорок минут едем!

Санька эту историю со смехом Лизавете рассказал. А она, против ожидания, не рассмеялась, взглянула на него с состраданием и сказала:

— Это, Саша, уже патология. Ты привык, вот и не замечаешь, а для постороннего человека кошмар, да и только. Неужели можно с такой женщиной жить и самому крышей не поехать?

Зачем он вообще чужому человеку рассказывал про свою жену? И не заме-

чал, что все началось с такого вот мелкого предательства. Потому что он не просто рассказывал, а представлял жену в смешном, нелепом виде. Не с сочувствием: вот бедняжке не повезло, а с насмешкой. Типа как говорят про плохого танцора. И Лизавета, конечно, это почувствовала...

Подумать только, если бы Санька домой не вернулся, а ушел к Лизавете, у них дома мог угнездиться этот бычара! Уж Вику с его затюканной гражданской женой не сравнить. Как цветок — с веником! Неужели Виктория с Майором... могла бы что-то иметь?

«На себя посмотри, — сурово напомнил ему внутренний голос. — Разве ты с Лизаветой не спал? Ну и как, кто из них лучше?»

«Конечно же, Вика! — наверное, излишне возбужденный, мысленно воскликнул он. — Лизавета... Уж чересчур она умелая. Такое впечатление, что ты лежишь на операционном столе, а она под ярким светом копается в твоих мужских причиндалах... в резиновых перчатках!»

Как же ему теперь-то все Вике объяснить? Ну, что он не был виноват, что так случилось... И все не находил слов.

— Вика, — наконец выдавил он тихо, — ты простишь меня...

И она, та, которую всегда считал рохлей и чересчур отходчивой, имевшей вместо твердости духа что-то похожее на молочный кисель, повернулась к нему и опять сказала стихами, на этот раз Александра Галича:

*Не серчай, что я гулял с этой падлою,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!*

И пошла в спальню, пока он хлопал глазами.

О, Вика могла бы Петровскому о многом сказать! И что она думает о его измене и как себе все объясняет.

Конечно, ее не так уж трудно обмануть, и она вовсе не считает, что видит своего муженька насквозь. Он думает, будто достаточно прикинуться вот такой невинной, раскаявшейся овечкой, как она тут же растает, и они, обнявшись, пойдут, как по облаку, в свою супружескую спальню. Не дождетя!

Но, едва закрыв за собой дверь, она почувствовала, как мужество покидает ее, и разрыдалась. Она лежала и плакала в подушку, зажимая рот, чтобы провинившийся супруг не услышал рыданий и не прибежал ее жалеть.

Вика спала плохо. Нет, не потому, что газом все в доме провоняло, — ей не давало спать чувство вины. Ведь это она пригласила в гости Майора! Да еще, как выяснилось, и Санька пришел домой, хотя вроде бы уходил от нее к другой.

Кто знал, что это он сказал со зла...

Минуточку, но другая-то у него все-таки была! Что он ей голову морочит! Еще бы сказал, что он ее прощает. Если он действительно хотел повиниться, то сразу бы прощения попросил, а не набрасывался на нее.

Вот, в этом все дело. Петровский уже привык, что она всегда и во всем его оправдывала, а он ее только обвинял. Даже теперь, когда он сам признался в своей измене, она уже готова его простить. И то, что не простила вчера, ее же и мучает!

Вика заснула под утро и проснулась с головной болью — какой из нее сегодня работник?! И она позвонила хозяину, чего прежде никогда не делала:

— Андрей Валентинович, что-то я разболелась. Не дадите мне отгул?

— Конечно, конечно, Виточка! Отдохните, придите в себя. Марина Сергеевна сегодня выйдет, поработает за вас. Она давно просится. Дома ей, видите ли, все обрыдло...

Марина Сергеевна — жена шефа. Когда-то они начинали свое дело с нуля, ездили на автобусе в Польшу, позже и в Германию. А теперь у них свой склад, свои реализаторы.

В отличие от многих хозяев они куда человечнее и, между прочим, воспитаннее. Наверное, оттого, что интеллигенты. Оба окончили институты. Шеф — Московский авиационный, жена — тоже столичный, но горный. Правда, по своей специальности они больше работать не хотели, а вот на оптушке теперь как рыба в воде.

Но сказать, что их делу Вика завидовала... нет, она хотела бы заниматься чем-нибудь другим. Чем — пока еще не решила... Может, в переводчики пойти? Все-таки английский язык Вика знала довольно прилично. Была жива бабушка, она еще в школе для внучки приглашала репетитора.

— Знания за плечами не носить, — говорила, — уж в крайнем случае с помощью английского языка ты всегда сможешь себе на хлеб заработать.

Почему Вика до сих пор об этом не вспоминала? Как обычно, плыла по течению. В семейной жизни уже приплыла, так надо же с оставшейся жизнью что-то делать!

Сегодня Вика впервые не поднялась, чтобы проводить Саньку на работу, хотя и слышала, как он встал и поставил на плиту чайник.

Она с обидой подумала, что он и не попытался прийти в спальню, — уже забыла, как решительно была настроена вчера. Такой весь из себя послушный и кроткий супруг, что приказания жены в точности исполняет. Ведь дверь свою Вика, как обещала мужу, вовсе не закрыла.

Разговаривать с хозяином при Саньке она не стала, так что об ее отгуле он не знал. А то вдруг и сам захотел бы остаться?

Правда, Вика толком не знала, зачем этот свободный день ей понадобился. Лечь спать и как следует отоспаться? Но она не могла спать днем. Затеять уборку? Не хотелось. Вчера она даже не вымыла посуду.

Надо доставить себе какое-то удовольствие. Недавно Вика прочитала в одном журнале, что, когда человек чем-нибудь наслаждается, он укрепляет свой иммунитет.

Чего только не выдумают люди, оправдывая свое нежелание работать!

Посуду Вика перемыла. Селедку просто выбросила в мусорное ведро. Что там вчера предлагал Санька? Будто бы ее еще можно спасти. Словно им не на что купить другую... На всякий случай она сходила в магазин и приготовила селедку как следует.

Дом у молодых супругов Петровских был со всеми удобствами. Он располагался посреди участка в четыре сотки. Перед домом раскинулся большой цветник — его обихаживала Вика, — а позади дома, на огороде, как его называли, имелся небольшой сад и виноградник. Это была Санькина вотчина. Четыре плодовых дерева — вишня, груша, две яблони — и пять кустов винограда. Комплексно устойчивых. То есть почти не требовавших специального ухода.

Как все-таки хорошо они все устроили! Мало у кого из сверстников Петровских было вот такое свое, отлично налаженное хозяйство. А Санька взял да и все уничтожил. В смысле хотел уничтожить...

Одно время супруги Петровские думали завести собаку. И уже присмотрели ей место в конце двора.

— Собаку заведем не маленькую. Что-нибудь вроде овчарки... — мечтательно говорила Вика.

— Или мастиффа, — ехидно подсказывал Санька. — Овчарку — для двора? Про дворовых собак знаешь, как говорят?

— Знаю, двортерьер. Ну и что, разве у нас непременно должно быть, как у других?

Между прочим, Саньке нравилось, что они свой быт устраивали, ни на кого не оглядываясь и ни у кого не испрашивая совета. Просто делали, как оба считали нужным, и у них все неплохо получалось.

— А знаешь, сколько стоит настоящая овчарка?

— Дорого, наверное, как все хорошее.

У Саньки, на взгляд его жены, было странное понятие о бережливости. Он старался покупать подешевле, но не думал о том, что это значит похуже. И что купленное потом ломалось или рвалось и вообще служило недолго... Например, дешевые кроссовки, которые не выдерживали и сезона. Или дешевые сверла, которые ломались в начале работы.

Вика, как могла, боролась с такой «экономией», потому что была согласна с бабушкой, которая частенько говаривала:

— Мы не так богаты, чтобы покупать дешевые вещи.

Или:

— Дорого да мило, дешево да гнило!

Когда в первый раз она повела Саньку в магазин, где они купили ему импортные туфли за три тысячи рублей, он еле сдержался, чтобы не накричать на Вику прямо в магазине.

— Туфли за сто баксов! Я не миллионер.

— Ты — старший менеджер, — гордо сказала Вика, и Санька изумленно покосился на нее.

Его и вправду накануне повысили в должности, конечно, с повышением зарплаты, но он и не подумал о том, что теперь его одежда должна соответствовать должности! Зато с каким удовольствием носил эти туфли. За сто баксов!

Вика вспомнила сейчас об этом не потому, что хотела похвалить себя, а потому, что раньше не задумывалась, как постепенно менялись они оба. Значит, семья для человека не просто совместная жизнь двух разнополых существ, а нечто большее? Другой мир. И возможно, более совершенный. А в идеале — общий на двоих.

Вроде менялись они незаметно, но однажды ее немногословная свекровь вдруг сказала:

— А ты умница, Вика, я, честно говоря, не ожидала, что сын при тебе так изменится. В лучшую сторону. Он как-то забегал ко мне с работы, и даже соседки сказали: «Повезло тебе, Павловна, с невесткой, вон какой Саша ухоженный!»

Тогда Вика впервые получила похвалу от свекрови. Ее замужние подружки обычно говорили:

— Нет такой свекрови, которая была бы довольна своей невесткой!

Наверное, это звучало слишком категорично. Тем дороже была похвала Санькиной матери в ее адрес.

После всего, чего они вместе достигли, после того, что они не только стали хорошей семьей, но и изменились оба... Наверное, Санька считает, что Вику ничего изменить не может, и воспринимает ее невезучесть как... что-то непроходящее. Как родовую травму.

Мысли ее перескакивали с одного на другое, и Виктория никак не могла сформулировать для себя коротко свое рассуждение... Ага, кажется, нашла: а стоит ли ей вот так, за здорово живешь, взять и отдать свою хорошую семью в руки какой-то падкой на чужое девицы? Или женщины. Знать бы, кто она такая!

Конечно, проще всего — Саньку взашей, а самой остаться с кем-нибудь другим...

«С Майором, например!» — хихикнул внутренний голос.

Она содрогнулась при одном воспоминании о встрече с ним. Господи, как хорошо, что пришел Санька. И сел за руль Майоровой машины, и они отвезли Викиного гостя домой, и ситуация таким образом разрешилась без потерь... Почти без потерь.

Осталось решить для себя, что ей дороже: собственная уязвленная гордость или угроза потери семьи и любимого мужа? Можно, конечно, выбрать гордость... Усмехнуться презрительно: «Мне жаль, что твоя гнедая сломала ногу!» И поскакать себе дальше в одиночестве.

Что за дурь опять в голову лезет? Прав Санька, своих мыслей у нее и нет во все. На всякий жизненный случай из головы выскакивает цитата. И не всегда к месту.

А если Санька просто оступился? Разве на первый раз не прощают тех, кого любят?

Глава шестая

Среди ничем не нарушаемой тишины дома громом среди ясного неба зазвонил телефонный аппарат. Его поставили еще в то время, когда заболела бабушка. Отец постарался. Оторвался от своих извечных дел, и за один день в доме появился телефон.

Вика подумала, что это может быть только шеф, Андрей Валентинович, ведь никто больше не знает, что она осталась дома. Всем остальным известно, что днем Петровских нет дома — оба супруга на работе.

К тому же телефонный номер — на аппарате Петровских женский голос предварительно проговаривал его — оказался незнакомым. Вернее, походил на рабочий телефон Саньки, но кроме двух последних цифр. Может, Санька звонит из другого кабинета, наудачу? Явно это телефон его базы.

— Ты посмотри, дома! А я ведь позвонила просто так. Значит, судьба нам сегодня объясниться. Не пошла, выходит, на работу, отгул взяла? — развязно осведомился незнакомый женский голос.

— Взяла, — согласилась Вика. — Простите, не узнаю по голосу, а вы кто?

— Твоя молочная сестра, — гнусно хихикнула женщина.

— Елизавета, что ли?

Вике понадобилось известное напряжение воли, чтобы голос ее не срывался и не дрожал. Не от испуга. И даже не от возмущения. От какой-то странной холодной ярости.

— Значит, Саша тебе кое-что рассказал?

— Кое-что, — медленно произнесла Вика.

— И ты его, конечно, простила. Небось он разрисовал все такими красками. Мол, я его заманила на склад, бросилась на шею...

«Значит, вон как оно было, — поняла Вика. — Санька, конечно, не сразу сообразил, что в ловушку попал. Ему хоть и двадцать три года, а в жизни он — наивный чукотский мальчик. Небось подумал, что Лизавета хочет ему что-то важное рассказать... Это, конечно, не оправдание, но хотелось бы понять, как такое происходит.

Сначала, видимо, Лизавета его к себе приучила, так что стала почти своей. Он рассказывал ей про нас... Что-то же он рассказывал такое, что дало ей надежду? Она слушала и сочувствовала. Он решил, что обрел в лице этой женщины товарища, потому ее и не опасался...»

И она спросила машинально, на середине фразы перебив звонившую, потому что думала о своем:

— А зачем он вам?

— Зачем? — развеселились на другом конце провода. — Я из него человека сделаю. Для личного пользования... Тебе, лохушке, не понять, как нужно обращаться с мужчинами. Такие, как ты, и хорошее испортят, не то чтобы свое что-то сделать. Жалко, пропадет...

Эта Лизавета отчего-то была уверена в своем праве вот так взять и грубо вломиться в жизнь Вики, ничуть с ней не считаясь.

Вика не говорила ей плохих слов, не угрожала, не задавала дурацких вопросов. И потому Лизавета заранее отнесла соперницу к категории безобидных чудачек, которым обычно и достаются хорошие мужики, в то время как к берегу Лизаветы плывет всякая дрянь...

— А он знает, что вы мне звоните? — спросила Вика, не называя мужа.

— Нет, конечно, хотя я его предупреждала, чтобы не дергался... Странно, но он даже угрожал мне вчера. Думал, я испугаюсь. Не родился еще на свете мужик, которого я боюсь...

«Значит, Санька пытался вырваться, а ты, значит, мужиков не боишься, ты их шантажируешь, — подумала Вика, глядя на себя в зеркало. — А баб? Баб ты боишься?.. Ах да, я же лохушка. Неопасная, значит!»

Лизавета ей надоела. Вика даже не стала класть трубку, а на середине фразы просто выдернула телефонную вилку из гнезда.

Для нее в момент все стало ясно. Семья Петровских вовсе не разрушилась. На нее просто напала... серая гниль. Как на нестойкое, еще молодое растение. Парша. Грибок. Для чего теперь требовался соответствующий антибиотик. Лучше всего укол в голову. И самой толстой иглой.

Еще ничего конкретного не решив, Вика распахнула шифоньер и начала просматривать свои наряды.

Так, длинная бархатная юбка, шелковая блузка, босоножки на высоком каблукке...

Она торопясь стала натягивать юбку, но, краем глаза отметив лихорадочность своих приготовлений, остановилась. Минуточку, надо подумать, что она станет делать в таком прикиде. Хорошо выглядеть, вот что!

Она дернула вверх молнию — не тут-то было! Замок заклинило — ни туда ни сюда. В конце концов Виктория вырвала его с мясом, нанеся юбке существенный ущерб.

И в самом деле, с утра у нее ничего еще не случилось за исключением телефонного звонка. Она ничего не уронила, не разбила, разве могло так долго продолжаться?

Юбку она с себя сорвала и зашвырнула в угол, босоножки вместе с коробкой бросила в шкаф и полуодетая уселась в кресло. Тоже мне, воительница! Защитница семьи. Не с такими руками что-то защищать, когда они растут... не из того места, из которого нужно...

«Ну что, успокоилась? — немного погодя насмешливо спросил внутренний голос. — Может, все потому, что тебе вовсе не нужны бархат и высокие каблуки для того дела, которое ты собралась делать?!»

— А что, и в самом деле, бархатная юбка — не лучший наряд для выяснения отношений с гнусной бабой, — сказала Вика. Звук собственного голоса взбодрил ее.

Нет, сейчас не время сидеть и печалиться на тему: «Почему у меня все не как у людей?»

Раньше, в юности, еще когда Виктория Хмелькова училась в старших классах средней школы, ее никто не посмел бы назвать лохушкой, как эта выдра Лизавета, и уж кем она никогда не была, так это невезучей. Ну разве чуточку рассеянной, что обычно ей прощали.

В девятом классе Борька Чередниченко попробовал натереть ее снегом, так Вика сама его в сугроб закопала, потому что была физически развитой и драться умела.

Так получилось, что возле нее не было ни мамок, ни нянек, все взрослые работали, и она гоняла по улицам с мальчишками и девчонками, соответственно перенимая кодекс уличных драк. Как и отношений с теми, кто этот

кодекс нарушал.

Но потом она полюбила Саньку и вышла за него замуж. Казалось бы, живи да радуйся, но ее в момент будто кто-то сглазил, такая стала тихая и, можно сказать, безответная. А главное, в себе неуверенная. И страшно уязвимая. Неужели так бывает?

Вика даже собиралась как-нибудь сходить к психологу и с ним посоветоваться. А то создается впечатление, будто она в своем развитии проскочила какую-то важную ступень, из-за чего ее теперь шатает и болтает, как не закрепленный в трюме груз — это она недавно прочла книгу о моряках, — заклинивает молния и бьется посуда... И муж уходит к другой!

Виктория принесла из кухни табуретку, поставила ее, проверила на устойчивость — ей уже не раз приходилось с нее падать, а сейчас было не то время — и полезла на антресоли за чемоданом, в котором лежала ее дозамужняя одежда.

Теперь она достала из чемодана джинсовую мини-юбку. Года три назад ее привезла мама из вояжа по Арабским Эмиратам.

Вручила Виктории со вздохом.

— Леший его знает, доча, что в этой набедренной повязке хорошего, но, говорят, она — последний писк моды.

Санька в мини-юбке жену никогда не видел. Они познакомились в трамвае, в котором Вика ехала с работы — тогда она работала в магазине «Спортивная мода» и одевалась прилично, как требовал директор.

А потом, когда они с Санькой поженились, Вика решила, что замужней женщине не к лицу одеваться чересчур легкомысленно. Ну там юбки — едва попу прикрыть, косметика — как боевая раскраска индейцев. Все это было похоронено на самом верху антресолей, но, как оказалось, не забыто.

А на днях она купила себе футболку — ее всучила Катька. Одно плечо с рукавом, а другое голое. Так Вика до того себя затуркала, что не надевала ее, раздумывая, прилично ли замужней женщине носить этакое! Совсем спятила. И все ради того, чтобы не давать мужу повода думать, будто она одевается так из кокетства. Берегла его покой, чтобы — упаси Бог! — не рассердить, не взволновать... Виктория — ты идиотка!

В целом наряд получился то, что надо. Правда, такая юбка уже из моды вышла, но кто станет ей на то пенять во время исполнения разового произвольного выступления?

Волосы Вика распустила, обвязала лоб фирменной лентой — раньше она ходила в такой на аэробику — и приступила к макияжу.

Глаза — черным карандашом, пожирнее, и фиолетовые тени. Румянец наводим во всю щеку, губы мажем темно-коричневой помадой.

На ноги... Что надеть на ноги? Не босоножки же на каблуках! А вдруг придется драться или убегать? У нее есть суперские кроссовки на платформе, но в них может быть жарко...

«Ничего, потерпишь ради дела!»

Последний штрих — черные очки, которые можно воткнуть в волосы или зацепить за майку. Просто как аксессуар.

Ха! Виктория Петровская на тропе войны! Она скорчила свирепую физиономию и пропела речитативом из любимого Владимира Семеновича:

Ненависть — юным уродует лица,

*Ненависть — просится из берегов,
Ненависть — жаждет и хочет напиться
Черною кровью врагов!*

Ненавидит она Лизавету? Много чести! Презирает? Не время разбираться. Для начала хочется взглянуть на женщину, которая уверена в себе куда больше, чем она сама.

Оставалось проехать четыре остановки на трамвае, пройти два квартала пешком, и вот она, база! Последний десяток метров она прошла несколько медленнее, восстанавливая дыхание и слегка поколебленную решимость.

Вика думала, что ее попытаются остановить на проходной, но молодой охранник лишь лениво осведомился:

— Эй, герла, ты к кому?

— Мне нужна Лизавета.

— Какая?

— А у вас здесь много Лизавет?

— Одна.

— Тогда чего ты спрашиваешь?.. Кстати, ты ее не видел?

— Разуи глаза! Вон она с грузчиками базарит.

— По-моему, она не базарит, а себя предлагает, — не выдержав равнодушного тона, заметила Вика.

Охранник охотно гыкнул, а потом на всякий случай спросил:

— А зачем она тебе нужна, Лизавета?

— Она утверждает, что мы с ней... дальние родственники. Вот я и пришла уточнить.

— А-а-а, — протянул охранник, хотя ничего и не понял. Девчонка, конечно, с понтом, но кто из них, молодых, не понтуется? Разукрасилась, как... как... Он никак не мог подобрать сравнения... В таком виде ее, наверное, и родная мама не узнает. Если, конечно, не при ней эта акселератка красилась!

Что-то запоздало екнуло внутри у Вики — однако, как она размягчала от своей любви к Саньке! Интересно, кто сказал, будто любовь делает человека сильнее?

Она пошла к хохочущей Лизавете, ставя ноги на носки, и они пружинили в этих ее дорогих кроссовках, словно толкали вперед и подбадривали, а потом Вика забыла обо всяких там страхах.

Она остановилась напротив этой женщины, которая сегодня позвонила ей домой и сдвинула с места лавину, обрушивая ее себе же на голову!

— Можно вас на минутку?

— Чего тебе, девочка? — спросила Лизавета, медленно поворачиваясь, словно невольно изогнувшись, так чтобы дать стоявшим рядом с ней мужчинам посмотреть на ее гибкую фигуру.

Вика так не умела. В смысле себя подать. Она и с Санькой общалась просто, без затей, не как жена, а как друг детства, старый боевой товарищ. Конечно, ему так было проще. Жена — друг, об этом многие мужчины мечтают, но за простотой, видимо, не чувствовалось в Вике никакой изюминки как в женщине. Недавно она прочла чей-то афоризм: жена должна быть для мужа не пирожным, а хлебом насущным. Но не хлебом единым жив человек! Вот и пойми, что им, этим мужчинам, надо?!

Раньше она ни о чем подобном не рассуждала. Странно, что именно эти

мысли посещают ее при взгляде на соперницу, Может, потому, что и соперниц-то у нее не было?

Недаром же тянет мужчин к таким, как Лизавета. И они не видят, что она насквозь фальшивая, со своей приклеенной улыбочкой, с этими дурацкими ямочками на щеках, которые она все время демонстрирует! И локоны мокрые она зря изобразила — не идут они ей, старят. Хоть бы проконсультировалась у кого-нибудь со вкусом! Или к визажисту ходила.

А та, которую Вика разглядывала, какое-то время смотрела выжидательно, а потом лицо ее стало хмуриться: кто она такая, эта нимфетка, и чего ее на базу принесло? Лизавета точно не знала значения этого слова, но оно ей нравилось, потому что звучало умно и уничижительно для той, о ком говорилось.

— Простите, сколько вам лет? Двадцать семь, двадцать восемь? — спросила Вика неожиданно для себя самой.

У нее что-то получалось наоборот: не мысли опережали слова, а слова — мысли. Она вслед за этим подумала, что Лизавета, ко всему прочему, старше Саньки года на четыре, а то и на все пять. Недаром она назвала Вику девочкой, потому что сама уже далеко не девочка!

— Тебе-то какое дело? — возмутилась между тем Лизавета; ее злила эта неизвестно откуда взявшаяся девчонка, которую она видела впервые в жизни, и не представляла, что той от нее нужно.

— Пришла познакомиться, — ответила девица на ее невысказанный вопрос.

— Обычно при знакомстве себя называют.

— Пожалуйста. Виктория Петровская. Вам эта фамилия о чем-нибудь говорит?

Лизавета побледнела. Она даже оглянулась на грузчиков, с которыми до этого оживленно болтала, но они смотрели в другую сторону, продолжали курить и обсуждать что-то свое.

— Здесь поговорим или в какой кабинетик пройдем? — развязно спросила Виктория. — А то, может, на склад ящичной тары или куда вы там заманиваете чужих мужей?

Вика почувствовала, как заводится от своей нарочито спокойной речи. И при этом продолжала в упор разглядывать Елизавету, которая ощущала себя почти старой и рыхлой под взглядом неожиданно юной, явно физически развитой особы. Неужели и вправду это Сашина жена?

Лизавета миг растеряла всю свою агрессию и уверенность. Ох, права ее мама, которая обычно говорит: «Не тронь лихо, пока оно тихо!»

— Я слушаю, сестра моя, — сказала Вика и подошла к Лизавете так близко, что чуть ли не лбом в нее уперлась.

Соперница ее откровенно боялась. Примерно так, как Вика боялась мышь, на днях пробежавшую по кухне.

— Тебя как, отметить при всех или лучше без свидетелей? — грозно спросила Виктория, как, бывало, они выясняли отношения еще в детстве. Не важно, с мальчишками или с девчонками.

А как же иначе? Разве, став взрослой, Вика дралась с кем-нибудь? А тем более с женщиной? Но в то же время вспомнить прежние навыки вряд ли ей будет трудно.

По лицу женщины было видно, как она пытается что-то сообразить. Эта

девчонка — сколько же ей лет? — никак не походила на тот образ жены Петровского, который она нарисовала себе со слов Александра. Жена. Да это просто тинейджерка какая-то!

Лизавета считала себя женщиной умной и интеллигентной. Судьба занесла ее на лесоторговую базу — одно название предприятия вызывало в ней раздражение, — которую собиралась покинуть в самом ближайшем будущем.

Одно ее удерживало. Надо было обзавестись приличным мужем. Коллектив на базе в основном мужской, но Лизавета чувствовала себя здесь как лебедь в курятнике — это ее собственное сравнение. Иными словами, большинство работающих здесь были явно не ее полета.

Хотя кое-кто вызвал у нее интерес. Мужчин, которых она сочла пригодными для своих матримониальных устремлений, было двое. Один — заместитель директора, мужчина сорока лет, богатый и властный, хотя внешне простоватый. Лизавета порой ловила на себе его заинтересованный взгляд.

И другой — Александр Петровский. Первый был не женат, а второй...

Она сначала решила, что ничего ей здесь не отломится. Старший менеджер, красавчик, женился всего полгода назад, по сторонам не глядел — тут у Лизаветы глаз наметанный. Но когда он стал ей о своей семейной жизни рассказывать, Лизавета поняла, что можно попытаться из этой жизни его увести.

Все шло по плану, пока этот дурачок вчера вдруг не взбунтовался. Думал, что Лизавету можно просто взять и бросить. Правда, и она сделала ошибку, поторопилась, но теперь, взвесив все «за» и «против», решила, что еще не все потеряно.

Но вот как вести себя с юной Петровской, она не знала. Что с такой взять? Еще, поди, драться начнет, чего Лизавете никогда делать не приходилось.

Произносить какие-то успокаивающие слова не поворачивался язык, тем более что всего полтора часа назад она сама позвонила этой... хулиганке домой и что-то ей говорила... Другая бы сглотнула, а эта отношения выяснять примчалась. И ведь такая никаких доводов слушать не станет, а вцепится своими острыми когтищами, еще все лицо расцарапает. Говорят, следы от них очень долго заживают.

Вика ждала. От возбуждения она не могла устоять на месте и переминалась с ноги на ногу, как боксер на ринге. Даже отошла от разлучницы чуть подальше, чтобы иметь разбег. Или замах.

*Удар, удар... Еще удар...
Опять удар — и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.*

Или вот так сейчас вскинуть правую ногу и ударом под подбородок влупить этой разлучнице, которая от страха не иначе язык проглотила!

Ну, пусть и не в подбородок, а хотя бы под зад поддать.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — наконец выдавила Елизавета и собралась гордо покинуть плацдарм, где столкнулись их с Викторией интересы, но не тут-то было.

Разве не для того выходят на тропу войны, чтобы испить вражьей крови?! Вика иногда выражалась по-книжному, но это были издержки бабушкиного воспитания.

— Вы как предпочитаете, мадам, — сказала Вика, проворно заступая ей дорогу, — лишиться волос или руки?

— В каком смысле — руки? — спросила Лизавета, пятясь назад.

— В том смысле, что я вам ее сломаю!

Вика наступала. Настроение у нее было хулигански-задорное. Соперница ее боялась. Слепому было бы видно, она едва не уписалась от страха.

Теперь Вика понимала, что имели в виду ребята с ее улицы, когда говорили: «А я его взял на понт, типа “пасть порву, моргалы выколю!” И он спекся!»

Придется все-таки отпустить ее небитой. А жалко, руки так и чешутся.

Но чем-то же жажду мщения надо утолить. Ну хотя бы плюнуть на землю и носком плевок растереть.

А еще Виктория хотела сказать напоследок что-то очень остроумное, такое, чтобы припечатать эту хищницу на веки вечные, выжечь на ней клеймо... и в этот момент проснулся персональный Викин святой — «коверный клоун».

Отчего-то веселить толпу он любил именно в такие вот напряженные минуты, когда нужна вовсе не клоунская расслабленность, а сосредоточенность и точность.

Вику обманула легкость, с какой отступала назад Лизавета, не глядя под ноги. Не учла, что та здесь каждый камень знала. А вот Вика...

Она зацепилась ногой за торчащий из земли старый рельс — когда-то здесь, наверное, пролежала узкоколейка — и с размаху растянулась во весь рост, как следует, приложившись об железяку лбом.

Она уже не слышала, как Лизавета истошным голосом закричала:

— Позовите Петровского, его жена расшиблась!

Глава седьмая

Пришла в себя Вика от того, что ее равномерно покачивало и глаза на запрокинувшемся лице видели высокое голубое небо. Немного погодя она поняла, что ее несут, и ощутила знакомый запах — так пахнуть мог только Санька.

— Я ее не трогала! — вскрикивал рядом женский голос. — Я пальцем к ней не прикасалась!

— Санька, — тихо сказала Вика, — поставь меня на землю, уже все прошло. Она увидела близко-близко его обеспокоенные голубые глаза.

— На этот раз ты упала как следует, правда, Тростинка?

Так он звал ее в самые интимные минуты их жизни, потому что Вика была, по его мнению, очень худенькой, и все говорил, что ему как мужу придется-таки ее посадить на жирную, богатую белками пиццу.

— Споткнулась, — призналась Вика, слегка отстраняясь от него — что же это, на виду у всех...

Но оказалось, что поблизости уже никого нет, а Лизавета вообще испарилась, будто всего лишь от звука Викиного голоса. Наверное, стала удирать со всех ног, потому что Вика своим возвращением из глубины обморока сняла с нее обвинения чуть ли не в убийстве жены старшего менеджера.

— А чего это ты так вырядилась? — спохватился Санька, ставя ее на землю и слегка отодвигая от себя, чтобы получше рассмотреть.

— Ну, это... поговорить, — нехотя созналась Вика.

Теперь ей казалось, что она совершила ужасную глупость, придя к мужу на работу в таком виде. Коллеги Петровского скажут, что у его жены не все дома. И сама же на себя разозлилась: чего в самом деле она мямлит? Кто создал эту ситуацию? Разве не Санька виноват в том, что его любовница звонит им домой и позволяет себе говорить всякие гадости!

— И почему ты не на работе? — строго спросил он, словно был ее начальником. Наверное, и Саньке было не по себе, вот он и пытался отвлечься. Точнее, как всегда, наехать на нее.

— Я взяла отгул, — сказала Вика. — Накануне ночью я не выспалась, вот и решила отдохнуть.

Но оказывается, он не так уж и был этим озабочен, а просто как бы брал разбег, чтобы ей признаться.

— Знаешь, когда ты лежала на земле, без сознания, — вдруг сбивчиво заговорил Санька, — я почувствовал, что у меня внутри — он прижал руку к сердцу, — будто что-то оборвалось. Ты лежала такая худенькая, несчастная... Я готов был убить Лизавету. Я, кажется, даже молился Богу, просил прощения за то, что позволил себе так обидеть свою любимую женщину...

Любимую! Вот тот бальзам на душу, который ей так необходим. Любимая! От одного этого слова внутри у Вики потеплело, к глазам подступили слезы. Вообще-то она вовсе не из плаксивых, но в последнее время что-то в ней не то чтобы сломалось, а сдвинулось с привычного места. Вот слезы и подошли так близко к глазам...

— Мне, между прочим, Лизавета не понравилась, — сказала Вика, — если в твоём вкусе такие женщины, как она, зачем ты женился на мне?

— Мне нравишься ты, — сказал Санька с некоторой тоской, — хотя после происшедшего ты, наверное, мне больше не веришь. Я не знаю, что делать,

как просить у тебя прощения... Давай договоримся: если ты меня простить не можешь, ну что ж, придется мне уйти, потому что не разговаривать с тобой или спать в соседней комнате — выше моих сил. Или — или, понимаешь?

— Понимаю, — вздохнула Вика.

— У тебя красивые ноги, — сказал Санька, — но эта юбка...

— Я знаю, эта юбка лежала на антресолях. Я достала ее для тропы войны.

— Со мной?

— С Лизаветой. Ты не думай, она мне сама позвонила. Обзывалась, ну я и не выдержала. Когда тебя опускают ниже уровня городской канализации, кому это понравится?

— Я понимаю, — сказал Санька, — но ты мне не ответила.

— Я выбираю первое.

— Не понял?

— Прощаю и обещаю больше об этом не вспоминать.

Не слишком ли опрометчиво давать такие обещания?

Но Санька страшно обрадовался и опять поцеловал ее на виду у всех. То есть никого поблизости не было, но отчего-то Вика была уверена: из окон административного здания на них смотрит не одна пара глаз.

— Ты — лучшая женщина на свете!

— Хочешь, я сегодня на ужин отбивнушки сделаю?

— Хочу, — оживленно согласился Санька. — Знаешь, я, наверное, неделю не ел.

— Ты что? Не больше суток.

— А разве это мало?

Они стояли посреди штабелей с лесом, огромных грузовых машин и прочей техники, и Санька поддерживал Вику за плечи и говорил с ней о всякой ерунде, потому что это значило главное — примирение.

— У тебя голова не кружится? — заботливо спросил он.

— Немного.

— Давай я отвезу тебя домой.

— Не надо. Здесь же рядом. Коленку вот сбила, но это ничего, дома зеленой намажу... У меня шишка на лбу? — Она потрогала пальцем какое-то новое, весьма болезненное образование.

— Небольшая. Как придешь домой, приложи лед.

— Хорошо. Так я пошла?

— Иди. Но, пожалуйста, будь осторожна. — Он поцеловал ее. — Совсем ты у меня девчонка. В этом прикиде вообще как школьница. Странно, тебе даже эта черная помада идет.

— Она не черная. Она темно-коричневая.

Вика, не замечая охранника, прошла через проходную. У нее было такое чувство, будто своим приходом сюда она от чего-то освободилась. То ли удачно головой ударилась, то ли посмотрела на соперницу — эта Лизавета нормальная женщина, у которой все лучше, чем у нее самой? — и успокоилась.

Вика шла, не глядя по сторонам, — опять задумалась. В голове у нее немного шумело, и она еще некоторое время чувствовала спиной обеспокоенный взгляд мужа, потому не выдержала, обернулась и махнула ему, мол, не волнуйся, со мной все в порядке.

Вот странно-то, любовь вернулась к ее мужу через жалость. Через сострада-

ние... Нет, получается не очень убедительно. Но он же сам сказал, что когда увидел ее лежащей, без чувств...

А может, истинные чувства именно так и проверяются? Экстремально-стью?

Еще некоторое время Вика медленно шла в полной прострации, пока ее кто-то сзади слегка не толкнул. В бедро. Она так изумилась, что не сразу повернулась — ребенок, что ли?

Перед ней стоял огромный черный пес и смотрел на нее. Вике показалось, что она вроде слышала чей-то крик: «Девушка, бегите, собака!», но не обратила внимания. Чего ей бежать? Собак она никогда не боялась. И вряд ли по улице за ней мчалась бешеная собака.

Обычно для спокойного обдумывания какой-нибудь проблемы Вика как бы отключалась, но так, что звуки извне до нее все-таки доносились и потом она могла при необходимости их проанализировать.

Неужели этот пес некоторое время за ней бежал, а она и не слышала?

Пес был крупный, Вика даже сказала про себя — высокий. Ей выше пояса — это если иметь в виду туловище, а головой он, наверное, и до плеча ей доставал. Понятно, что люди такого пса боялись. Другие, но не Вика.

Вон, у него даже ошейник есть. Не бродяжка какой-нибудь. Хотя... Некоторое время, видимо, собака провела без хозяйского догляда, потому что шерсть на ней была довольно грязная, а глаза по-человечьи усталые.

— Ты потерялся? — спросила его Вика и погладила по голове. — Как же тебя звать-то? Черныш? Нет, это больше для дворняжки подошло бы, а ты у нас благородных кровей... Блэк!

Пес шевельнул ушами. Вика оглянулась. Поблизости никого не было из тех, кто выглядел бы хозяином такого великолепного пса.

Вика никому не говорила, но маленьких собак она не очень любила и всегда мечтала вот о таком, самом большом. Он был как ожившая мечта юной Вики Хмельковой. Раньше она представляла себе, как вечером будет гулять с ним по набережной и встречные девчонки и мальчишки станут ей завидовать. А ее пес, большой, черный, будет спокойно идти рядом, и им вслед — оглядываться люди.

— Таким большим собакам не разрешается разгуливать по улицам в одиночку, — сказала Вика.

Блэк лизнул ее в руку. Возможно, его звали не так, а как-нибудь вроде Монтгомери фон Брауншвейг, но поправить ее было некому, а оставить пса одного — он явно был растерян и нуждался в поддержке — у нее не поднялась рука.

В общем, Вика подумала, а потом сняла с юбки узкий черный ремешок, привязала к ошейнику и слегка потянула пса за собой. Он покорно пошел за ней следом.

Хорошо, что в это время дня трамваи шли почти пустые, так что Вика устроилась с Блэком на задней площадке и кондуктор ничего по поводу собаки не сказала — мол, без намордника нельзя, потому что Вика на всякий случай взяла билет и на него.

До дома Вика с Блэком дошли без приключений. Только соседка, баба Глаша, спросила ее из-за забора:

— Вика, никак, вы собаку завели?

На что Вика буркнула нечленораздельно — пусть понимает, как хочет.

— Сейчас я тебя покормлю, — уверенно сказала Вика, соображая, что бы ему дать, и вспомнила: пицца! До сих пор никто к ней и не прикоснулся.

Она вынесла пиццу и налила воды в небольшой старый тазик. Блэк неуверенно обернулся на нее.

— Ешь, — сказала Вика, — пицца только с виду не слишком аппетитная, а положила я в нее все лучшее и свежее.

Пес деликатно попил водички и только потом осторожно ткнулся носом в Викин кулинарный изыск.

Одним щелчком гигантских челюстей откусил половину и проглотил. Опять оглянулся на Вику, не сердится ли новая хозяйка на то, что он такой голодный. И вторым щелчком прикончил огромную — на весь противень! — пиццу.

Вика даже растерялась.

— Вот сколько еды тебе нужно, — задумчиво сказала она, — этак я тебя, пожалуй, и не прокормлю. Например, если Санька влюбится еще в какую-нибудь Лизавету и уйдет. Я получаю не слишком много. А то, может статься, он откажется тебя содержать.

Позицию мужа в этом вопросе она не могла даже представить. Санька... он такой рафинированный, как англичанин. Собственно, вживую Вика англичан не видела, но по книжкам представляла их именно такими. Он консерватор, и почти в любом вопросе у него есть свое, прочно утвердившееся понятие. Как он ухитрился жениться на Вике? Если подумать, она — полная ему противоположность. Ему бы подошла какая-нибудь врачиха или медсестра, которая чистила бы картошку в резиновых перчатках.

От нарисованной картины Вика хихикнула, и пес с беспокойством на нее посмотрел. Она успокаивающе положила руку ему на голову.

— Если Санька от нас уйдет, ты станешь есть хлеб?

Пес посмотрел Вике в глаза и как будто кивнул. На самом деле не кивнул, конечно, просто у него были такие выразительные глаза, словно он понимал человеческую речь и не мог ответить только по причине своей несовершенной собачьей природы, непредусмотренной для произнесения человеческой речи.

— Тогда мы будем за тебя бороться до конца. Не станет же Санька говорить: «Выбирай — или я, или Блэк». Не такой он глупый. Собака — это собака, а жена... Надо позвонить папе.

Отец Вики, Павел Данилович Хмельков, был человеком обеспеченным. Он мог многое, но ему было некогда. В новой семье у него имелась еще одна, совсем маленькая дочь и к тому же молодая жена, а о Вике он вспоминал в день ее рождения и на Восмое марта.

Но Вика на отца не обижалась. Говорила себе, что он все равно ее любит и, если что, всегда ей поможет. Не то чтобы она хотела к отцу с какой-нибудь просьбой обратиться, а просто приятно было осознавать, что человек такой на свете есть.

Денег у отца Вика принципиально не брала и ужасно смущалась, когда в день рождения шофер Павла Хмелькова по имени Арнольд привозил ей дорожную корзину с цветами и коробочку с серьгами или кольцом. Тоже дорогами.

Бабушка, когда была жива, хмыкала:

— Ишь ты, папочка откупается!

А Санька не мог дарить ей такие дорогие подарки. Пока. И ничего ей по поводу подарков отца не говорил. Но наверное, это его задевало.

Видимо, в противовес подаркам тестя он теперь мечтал купить Вике шубу из натурального меха. Вот только соответствующая работа или удачный заказ все не подворачивались, а на шесть тысяч в месяц не больно-то разгонишься.

На свадьбу Вике отец подарил стиральную машину-автомат, холодильник и, кроме того, дал деньги. Вручил их Саньке, памятуя о нежелании дочери у него деньги брать.

Викин муж, в отличие от нее, не считал помощь тестя чем-то экстраординарным. Говорил: дают — бери. Тем более что деньги вручает не чужой дядя, а родной отец жены.

Он даже не сказал Вике, сколько было денег, но благодаря им смог построить во дворе теплый гараж и, видимо, осталось кое-что еще, если на «Жигули» пришлось копить не слишком долго.

Но позвонила Вика отцу вовсе не потому, что нуждалась в его материальной помощи. Папа Вики знал и любил собак, потому в первую очередь она вспомнила о нем и пошла за телефоном. Блэк отправился следом, ни на секунду не задержавшись в дверях или перед порогом, как сделала бы настоящая дворовая собака.

Вика поняла, что он привык жить в квартире. Он уверенно зацокал когтями по паркету, лишь косил взглядом на Вику — ждал окрика, что ли? Ничего, пусть ходит в первый и последний раз. В чем она была совершенно уверена, это в том, что Санька никогда не согласится, чтобы такой конь — он именно так и скажет! — жил в их небольшом, уютном домике.

— Правильно ли было с моей стороны приводить тебя сюда? — вслух усомнилась Вика, когда Блэк, походив по квартире и обнюхав углы, улегся на паласе у кресла, в котором она сидела.

Нет, надо срочно звонить отцу. Ей одной будет трудно решить эту неожиданно свалившуюся на нее проблему. И она набрала знакомый номер.

Отец откликнулся рассеянным «алло», и Вика поняла, что он занят и мысли его сейчас в каких-то своих, очень важных делах. Но все же спросила:

— Папа, у тебя есть для меня две минуты?

Небось скажет «нет», но попытка не пытка. Отец отозвался заинтересованно:

— У тебя что-то случилось?

Вика воспрянула духом. Значит, не слишком занят и вполне может с ней поболтать. По крайней мере хоть объяснит, с чего ей начинать.

— Понимаешь, ко мне прибилась собака. Не дворняга какая-нибудь, а, по-моему, дог. Высокий, черный. Здоровущий. Но видно, некоторое время он живет один, потому что жутко голодный и весь пыльный.

— Я сейчас приеду, — коротко сказал отец и отключился.

Вика на всякий случай тем же пояском привязала Блэка к металлическому столбу, который поддерживал веревку для сушки белья.

Отец Вики приехал через полчаса. Когда его машина остановилась у ворот, Блэк глухо гавкнул. Вика поспешила навстречу родителю — в это время она как раз осуществляла во дворе кое-какой свой замысел в части устройства

найденыша на жительство.

Павел Данилович расцеловался с дочерью.

— Показывай, что за собачку ты подобрала.

Он подошел к привязанному псу. Словно уважая его суверенитет, вплотную приближаться не стал.

— Фу, Блэк! — сказала на всякий случай Вика. — Свой!

Отчего-то она считала, что пес понимает все, что она говорит, только разговор с ним надо вести на коротких фразах. В любом случае команду «фу» знает всякая воспитанная собака. А то, что с Блэком занимался специалист, было видно сразу. Вряд ли он научился общению с людьми самостоятельно, без действительной помощи последних.

Пес покосился на нее, но как бы расслабился. Из его глаз в момент исчезла настороженность, но появилась, как решила Вика, скука. Словно он заранее готовился к скучному, но обязательному ритуалу.

— Красавец! — восхищенно сказал отец. — Ах, какой красавец! Приблудился, говоришь? Таких псов обычно на улице не бросают.

— Ну, тогда я не знаю, — пожалала плечами Вика. — Во всяком случае, он сам ко мне подошел и так смотрел... будто хотел сказать, возьми меня, я тебе пригожусь.

— Фантазерка, — улыбнулся отец и потрепал Вику по голове как маленькую. — А что сказал Александр?

— Он пока не знает, я хотела вначале с тобой посоветоваться.

— Ты не возражаешь, если я его поглажу?

— Главное, чтобы он сам не возражал.

Павел Данилович подошел к псу — а тот вопросительно взглянул на Вику: мол, что скажешь, есть его или не есть?

— Фу, Блэк, свой, — опять повторила Вика.

Отец положил руку на загривок Блэка.

— Сам, говоришь, парень, выбрал себе хозяйку? Вот именно, выбрал. Он ведь слушается тебя, хотя мою ласку скорее терпит.

— Я отчего-то думала, что такие большие псы обязательно свирепые, — проговорила Вика.

Павел Данилович убрал руку.

— Понимаю, парень, положение обязывает мириться со всеми, кто приходит к твоей новой хозяйке. Но видишь ли, этой девушке я не посторонний. — Он повернулся к дочери. — Пес наверняка достаточно свиреп, он просто чувствует, что с нами ему можно не напрягаться...

Вика покосилась на отца и продекламовала:

*Рвусь из сил — и из всех сухожилий,
Но сегодня — опять как вчера:
Обложили меня, обложили —
Гонят весело на номера!*

Тот разулыбался:

— Помнишь до сих пор?

Когда Вика родилась, Павел Данилович читал ей на сон грядущий стихи Владимира Высоцкого. Она была совсем еще маленькая, года полтора, и многих букв не выговаривала, но ее ставили на стул, и Вика читала хохочущим

ГОСТЯМ:

*К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила — налетела блажь, —
Тоже «милый» говорит, только по-турецки,
Будет свадьба, говорит, свадьба — и шабаши!*

Вика смутно помнила, что мама злилась на отца. Мало того, что она не любила Высоцкого, но ее муж портил девочку, устраивал из нее посмешище для своих друзей и не хотел ничего слушать. Может, из-за этого и начались между супругами ссоры, которые в конце концов привели к разводу?

Павел Данилович стихами переболел, а вот Вика по-прежнему сохраняла верность поэту-песеннику.

Между тем отец ненадолго призадумался, наверное, о том же, о чем и Вика, но потом тряхнул головой, будто отгоняя видение:

— Кто же такого великолепного пса на улицу выгнал?

— А может, он просто потерялся?

— Чтобы этот пес потерялся? Не может быть, он же не щенок... Я считаю, тут два варианта: либо с его хозяином что-то случилось, либо он куда-то далеко уехал, а собаку просто бросил здесь, потому что некогда было оформлять на нее документы... Возможно, торопился, не до собаки было... Кстати, мне нравится, как ты его назвала. Блэк! Псу подходит. Значит, говоришь, муж пока не знает?

— Откуда? Я же его только что привела.

— Если Александр будет против, я могу взять его к себе.

— Но, папа, он мне тоже нравится! И потом, у меня ему куда свободнее, чем в твоей квартире.

— Хорошо, хорошо, я не спорю. Только такие собаки совершенно спокойно живут в квартирах.

— Папа, я тут придумала кое-что. Помнишь, у бабушки был курятник?

— Ты хочешь посадить его на насест? — пошутил отец.

— Нет, но у кур был такой крепенький домик, можно его еще утеплить. И загородка металлическая. Для Блэка будет как вольер. Это для него подойдет, как ты думаешь?

— Ну-ка пойдем посмотрим.

Павел Данилович не поленился, залез внутрь домика, все посмотрел. Проверил прочность ограждающей сетки и удовлетворенно хмыкнул:

— Сообразительная ты у меня, дочурка.

Он прошел мимо Блэка, но не стал больше его фамиллярно похлопывать или заигрывать с ним, а сказал только:

— Повезло тебе, пес, ты попал в хорошие руки!

— Папа, как ты думаешь, могу я его выкупать?

— Можешь, конечно. Я, кстати, привез специальный собачий шампунь. И не только его.

Отец вышел за калитку и вернулся с кучей каких-то свертков и со своим водителем, который нес огромный пакет с собачьим кормом.

— Вот, тут поводок, две миски — для корма и питья, — шампунь, средство от блох и клещей...

В это время в его кармане зазвонил мобильный телефон. Павел Данилович

досадливо поморщился и вздохнул. Выслушал чье-то сбивчивое сообщение, коротко буркнул:

— Еду. — Посмотрел на дочь с явным сожалением. — Прости, Вика, дела заедают. Я бы с удовольствием помог тебе выкупать этого башибузука. Скажу по секрету, я с собой даже джинсы и футболку прихватил. Собаки любят отряхиваться, когда их купают, и вообще... Думал, хоть часок мне дадут позаниматься чем-нибудь приятным... Кстати, мама сказала, ты так и не восстановилась в университете?

Это называется — кстати? В придачу к найденному псу? Или папа его отберет, если Вика все-таки не захочет учиться?

— Не восстановилась, — призналась она. — Только какое отношение имеет к этому Блэк?

— Никакого. Но ведь ты мне обещала. Помнишь, на свадьбе?

Вика не помнила. Она и свадьбу-то плохо помнила, так была взволнована шумихой, суетой, огромным количеством гостей и необходимостью целоваться на людях. Притом что коварные друзья еще и громко считают, сколько каждый поцелуй длится...

Отец задавал свои вопросы, а сам медленно двигался к калитке, разрываемый между необходимостью быть где-то на срочной встрече и беспокойством за дочь, у которой, оказывается, не так все и ладно, как ему прежде казалось.

— Вот что, — сказал он, уже садясь в машину. — Приходи ко мне завтра на работу к восьми часам. Проснешься?

— Проснусь, — улыбнулась Вика; отец совсем уж с ней как с маленькой.

— Я пришлю за тобой машину.

— Не надо, меня Санька отвезет.

— Смотри, не забудь, я приеду пораньше ради тебя, поняла?

Глава восьмая

Вика хотела спросить отца, зачем она ему нужна, но не успела. Шикарный джип тронулся с места, родитель взмахнул рукой, и Вика осталась стоять с открытым ртом — она хотела ему сказать, что он так ничего и не посоветовал насчет купания Блэка, — пока не вспомнила, что как раз этот пес сейчас ее ждет. Точнее, ждет ее внимания. Вымыть его с шампунем? Но она никогда прежде не купала собак, особенно таких, которые головой легко достают тебе до груди.

Наверное, все же это было опасно: ведь собака если и мыслит, то совсем по-другому, нежели человек. Что может псу прийти в голову, когда Вика вздумает его купать? А что, если он на нее набросится?

Но думать об этом нельзя. Вика как-то давно читала воспоминания одной укротительницы тигров, которая утверждала, что животному ни в коем случае нельзя показывать, что ты его боишься. И если Вике суждено быть загрызенной такой вот большой собакой... Фу, да что это она сегодня все про смерть!

Во дворе у них с Санькой имелся летний душ. Но пока лето еще, как говорится, стояло на пороге, душем они не пользовались. Правда, муж, кажется, воду туда закачал.

Какой, однако, Санька у нее хозяйственный. Вон и душ наладил, и забор потихоньку строит — привез со своей базы доски, которые ему там же подогнали под один размер. Заборчик получался веселый, деревянный и, по словам соседки, дорогущий. Не иначе, воруют, поговаривала она.

Вика тогда от этих слов здорово перепугалась. Хотя Санька, когда она устроила ему настоящий допрос, клялся и божился, что за доски он платит, и вообще, это некондиция и потому достается ему дешевле.

Он в своей работе на подворье уже подобрался к курятнику и в следующие выходные собирался его снести, предложив Вике посадить на этом месте клубнику.

Теперь она скажет, Бог с ней, с клубникой. Не такая уж она умелица, чтобы что-то там выращивать. Сколько клубники можно съесть за сезон? Неужели они оба не заработают себе на клубнику? Это Вика мысленно проговаривала на тот случай, если Санька заартачится по поводу проживания в курятнике Блэка.

А еще Вика потихоньку стала напевать, чтобы повысить свой боевой дух. Она и так сегодня уже отличилась. Вон и на работу к мужу пошла. Выяснить отношения с его пассией.

Вика представляла, как Санька будет ее ругать и говорить, что у нее не все дома, а она от этого казалась себе уже и вовсе никудышной. Даже готова была оправдывать мужа, что он предпочел ей другую. Лучшую... Нет, боевой дух ей сегодня ох как понадобится!

Но хватит гадать, что Санька скажет, а чего не скажет. Ее ждут дела. Она вспомнила, что за домом на крючке висит металлическое корытце, в котором бабушка когда-то стирала белье, а Санька повесил его, чтобы с глаз долой, а то валяется посреди двора. Но выбрасывать не стал, мало ли, пригодится. Тем более что второй очередью после забора была русская баня, которую Санька тоже намеревался делать самостоятельно.

Как же тогда он собирался уходить к Лизавете и бросить все их хозяйство?

И у Лизаветы он тоже начал бы приводить в порядок ее квартиру, или где она там живет, пока не понял бы, какая она змея. А тогда ушел бы к третьей...

Интересно, как же она собирается жить с Санькой и дальше, если ей постоянно приходят в голову подобные мысли? Она же вроде его простила. Но Лизавета упорно не шла у нее из головы.

Страшно подумать, но Санька не только делал с ней то же самое, что, Вика считала, должно быть только между нею и мужем, но и говорил ей какие-то слова... Те же, что и Вике?

Нет, не думать! А то ей тут же опять захотелось выгнать Саньку вон и никогда больше не видеть или убить его, чтобы уже больше никому не достался, хотя прежде не чувствовала в себе никакой кровожадности.

Вика никогда прежде не думала, что прощать вину близкого человека так трудно. То есть слова прощения произнести недолго, а как потом выжечь из памяти воспоминание о том, в чем именно он провинился?!

Вика поставила ванночку посреди двора на асфальтированной площадке, где Санька пристраивал машину, чтобы ее мыть.

Папа и вправду купил все необходимое. В пакете сыскалась даже щетка, которой Блэка можно было тереть, и какое-то жесткое полотенце. Неужели нарочно для собак?

Вика представила себе, как папа выбирал это все в магазине и с каким удовольствием они бы вместе вымыли собаку, а теперь неизвестно, что называется, с какого конца к этому делу подступаться.

Оказалось, что вода в баке летнего душа была уже достаточно теплой, и Вика ведрами стала носить ее и выливать в ванну.

— Купаться, Блэк! — сказала она.

И повела было за поводок его к ванне, но пес вдруг так мощно потянул ее назад, попятился, наступил Вике на ногу, так что она взвыла от боли, и, по-прежнему пятясь, опрокинул ведро с водой, которое она приготовила, чтобы ополоснуть уже вымытое животное. Теперь, как выясняется, вначале нужно заставить его стоять спокойно при виде воды.

Как-то же его мыли прежние хозяева. Привязывали? Вряд ли. Уговаривали. Брали хитростью. Господи, она же ничего не знает!

В доме зазвонил телефон, и Вика помчалась к нему, досадуя, что не догадалась сразу взять трубку с собой. Звонил отец.

— Ну что, Малыш, как ты обходишься со своей находкой?

Он не называл ее так уже сто лет! В конце концов, другого отца у нее не будет, — она в момент забыла, как сердилась на него за то, что так редко о ней вспоминает, что у него родилась другая дочь и теперь Вика ему не нужна. Раз он так занят, могла бы звонить ему и сама. Вот ведь обратилась к отцу со своими трудностями, он и помогает, и беспокоится.

— Знаешь, папа, он не хочет стоять спокойно, чтобы я смогла его вымыть.

— Тут я тебе помочь не могу. Далеко не все собаки любят купаться. Так же как и дети...

Он помолчал. Наверное, о своей маленькой дочери вспомнил, поняла Вика.

— Попробуй с ним поговорить, приласкай. Я бы приехал, но как раз ждем представителей завода-поставщика. Из Австрии.

— Ничего, не беспокойся, я попробую сама.

— Давай, доченька, дерзай. Уверен, у тебя получится.

Что это с ним? Неужели действительно соскучился по ней, по Вике? От избытка чувств она прослезилась и опять вышла во двор, где терпеливо дожидался ее Блэк.

Можно было бы подождать Саньку, и вдвоем это удалось бы гораздо легче, но она еще не знала, согласится ли муж на то, чтобы Блэк у них остался, а для того, чтобы он полюбил пса так же, как Вика, с первого взгляда, Блэк должен был произвести на него впечатление. То есть по меньшей мере быть чистым.

Вика с сожалением посмотрела на свой только что надетый, но теперь абсолютно мокрый сарафан и пошла переодеваться, сказав хулигану-псу:

— Если ты будешь так же, как хозяйка, все ронять, разбивать и проливать, боюсь, одному из нас придется уйти.

Блэк виновато посмотрел на нее, словно пожал плечами: «Чем я могу помочь, если мне не нравится эта дурацкая вода? Можно еще понять, когда в речке или идет дождь — тут уже никуда не денешься. Но выливать ее на себя специально?»

Понятно, что Вика все это додумала за пса, но и в самом деле, стоит ли ей обвинять бессловесное животное в том, что у нее не получается с наскока дело, которое для кого другого — сущий пустяк. Взятся за гуж, не говори, что не дюж!

Теперь она решила поступить по-другому. Поставила Блэка рядом с ванной, налила в нее воду, добавила шампунь и стала поливать его ковшиком, помогая себе щеткой. Брызги летели во все стороны, но не так обильно. Во всяком случае, на улице тепло, и до вечера высохнут все ее сарафаны, которые придется намочить или испачкать ради Блэка.

После мытья пса Вика все-таки опять его привязала, но чтобы он не скучал, поставила рядом миски. Одну с кормом, другую — с водой. А сама пошла приводить в порядок курятник.

Сколько же ей предстояло сугубо мужских, как Вика считала, дел! Во-первых, сломать насест. Во-вторых, прибить отошедшие и сменить прогнившие доски. В-третьих, отремонтировать щеколду, запирающую металлическую загородку. В-четвертых, вывезти на тачке мусор. Впрочем, эту работу в их квартале выполняли в основном женщины.

В общем, когда она наконец вымела из курятника мусор и осталась довольна будущим жильем Блэка, она взглянула на себя и расхохоталась. Припомнила стишок из своего детства: «Закопченную кастрюлю Юля чистила песком. Три часа в корыте Юлю мыла бабушка потом!»

Вика отнесла за загородку миски — та, что с сухим кормом, оказалась уже пуста, опять наполнила ее доверху — и отвела Блэка на место его будущего обитания.

Странно, что он покорно следовал за ней, не пытался упереться или показать зубы. Словно с самого начала выбрал для себя Вику в качестве хозяйки и потому доверял теперь ей во всем.

— Ты будешь жить здесь, Блэк, — сказала она, заглядывая собаке в глаза. — Прости, ничего другого предложить тебе не могу.

Пес так и остался стоять за изгородью, как будто она не в вольере его закрывала, а бросала на произвол судьбы.

— Не смотри ты так на меня! — взмолилась Вика. — На ночь я буду тебя отпускать. И гулять с тобой буду.

И опять вздохнула: «Вот только как Санька на это посмотрит?»

Она сняла с ошейника Блэка свой пояс. В пакете с покупками, что привез отец, она видела новый красивый поводок, но в спешке не успела его достать.

Теперь Вика готовила ужин, но уже не следила за своими действиями, а машинально резала, так же и солила, и ничего у нее не испортилось, потому что, когда она попробовала уже готовый борщ, поняла, что сотворила если и не шедевр, то все равно очень вкусное первое блюдо.

Отбивные тоже вышли ровненькими, аккуратно поджаренными. Сегодня ей все удалось, как и положено хорошей хозяйке, ожидающей с работы любимого мужа.

На самом деле Вика думала не столько о Саньке как о любимом, сколько о его предстоящем решении по поводу Блэка.

Другая жена оказалась бы похитрее, использовала ситуацию, в которой муж продолжал бы чувствовать себя виноватым. И сделала бы все так, как считала нужным, а совершивший преступление супруг не посмел бы и пикнуть... Другая, но не Вика. Она никогда ситуациями не пользовалась.

И все же ей неприятно было думать о том, что Санька может опять скривить губы и проговорить что-нибудь вроде:

— Все люди как люди, и только у тебя все не слава Богу! Кто-то собаку выгнал, а ты подобрала. Наверняка у него какой-нибудь скрытый дефект или какая-нибудь болезнь... Калоша!

Почему вообще он ее всегда унижает?! И почему она принимает это как должное?.. Но это, кажется, она уже пыталась для себя выяснить, да так и осталась ни с чем. И накручивать себя против Саньки заранее просто глупо.

В общем, ужин был готов, и Вика, сняв фартук, пошла к курятнику — теперь к собачьему вольеру — еще раз взглянуть на приبلудного пса.

Блэк стоял на том же месте, куда до этого вошел с ней, не присел, не пожелал зайти в куриный домик. То ли его не устраивал все еще не выветрившийся запах прежних хозяев, то ли он чувствовал себя новобранцем, который на этом месте только пережидает момент, когда его заберут в настоящую казарму. То бишь в дом.

— Кто же тебя бросил-то, такого красавца? — вновь спросила Вика. После того как она с горем пополам его вымыла, шерсть Блэка заблестела и сам он стал выглядеть еще представительнее.

Пес посмотрел на нее и повел ушами.

— Не нравится тебе здесь, да?

Она открыла щеколду и зашла внутрь.

— Ну, давай зайдём в эту почти конуру, посмотришь, как я все убрала.

Она потянула пса за ошейник, и он, слегка поколебавшись, позволил ей увлечь себя в курятник.

— Видишь, я подмела. Доски здесь целые. На зиму постелю тебе теплую подстилку. Конечно, шерсть у тебя коротковата, но у нас и зим слишком холодных не бывает. А потом, может, Санька обогреватель какой-нибудь придумает... Если ты ему понравишься. Я бы тебя выпустила во двор, но лучше давай подождём до вечера.

Она вернулась в дом и опять занялась хозяйством. Вымыла с порошком плитку, кафельный пол, протерла хрусталь, поменяла полотенца на чистые, а Санька все не шел. Вернее, будто нарочно медленно шло время — до конца ра-

боты на базе оставалось еще тридцать пять минут.

Санька приехал домой ровно в пятнадцать минут седьмого. Вика ждала его и посматривала на кухонные часы с кукушкой. Наверное, и мужу не терпелось оказаться дома и убедиться в том, что семья его все еще существует, несмотря ни на что.

Таких серьезных размолвок между ними прежде ни разу не было, а уж в разных комнатах супруги вообще никогда не спали. Потому Санька в глубине души опасался, что Вика будет продолжать ту же линию, что и вчера. Оставлять его спать в гостиной, не разговаривать, как прежде. Как будто не он первый покусился на то, что мечтал теперь оставить незыблемым, — тепло и уют его семейного очага.

Свое отношение к жене он опять пересмотрел. Подумаешь, с Викторией время от времени происходят мелкие неприятности. Так ли уж много посуды она разбила. У них, кстати, особенно дорогой и нет. Закончатся старые тарелки, купят новые. От этих мыслей он даже развеселился. Зато с ней не скучно. Только вот как сказать ей об этом, если она опять не пустит его в супружескую спальню?

Каково же было удивление Саньки, когда Вика встретила его чуть ли не хлебом с солью, и тапки принесла, и стол в гостиной, а не на кухне, уже накрыла. И стояла рядом с полотенцем, пока он мыл руки.

Ко всему прочему, она и в глаза ему как-то просительно заглядывала. Он поначалу умилился: какой Виктория все же ребенок! Но потом насторожился. Чего это он и в самом деле рассиропился! Разве можно с ней расслабляться?

— Что у нас случилось?

— Ничего.

Вика произнесла это медленно и как-то неуверенно. Кого она хочет обмануть? Санька прекрасно знал: когда его жена вот так округляет глаза и старается выглядеть совершенно спокойной, значит, точно — случилось. И она не спешит ему о том сообщать, потому что недавно он сам отбил у нее к откровенности всякую охоту, сказав, что с ней вечно что-то случается! Даже на этой волне пытался сбежать к Лизавете. Какой же он дурак!

Разве плохо, что жена с ним откровенна, рассказывает обо всем, что с ней происходит, и Санька чувствует себя с Викторией не только старше и самостоятельнее, а как бы несет за нее ответственность. Ему такое положение дел нравилось. Он чувствовал себя главой семьи, любимым мужем, хорошим хозяином... Этак можно все испортить своими руками! Что же такое она пытается ему сказать? Или не сказать?

Попробуем разобраться сами. Что-то должно лежать на виду, а он из-за своих заморочек не обратил внимания. Вот: в коридоре лежат какие-то пакеты...

Санька и спросил, чтобы подать жене пример откровенности. Мол, пусть она не заходит издалека и не придумывает для своего сообщения какие-то особые слова. Разве они до сих пор не были друг другу самыми близкими людьми?

— А что у нас в коридоре валяется? Я вроде видел пакеты...

— Твой тесть приезжал, — смущенно хохотнула Вика.

Санька посуровел, мигом забыв о том, что он собирался применить всю возможную дипломатию, чтобы с женой вновь не поссориться. Она никогда прежде не говорила о своем отце — «тесть». Еще одна подозрительная деталь.

— Я имею в виду, кроме тестя, — сурово напомнил Санька; он знал, такой тон действует безошибочно, если Вика хоть в чем-то провинилась, она тут же расколется.

И Вика заговорила торопливо, боясь, что он ее перебьет и она не успеет объяснить, как важно то, что с ней случилось:

— Сань, помнишь, на днях мы с тобой говорили насчет того, чтобы завести дворовую собачку. Ты не возражал.

— Ты купила собаку? — удивился он. Ну как понять этих женщин? Приобретать собаку в тот момент, когда едва не развалилась семья.

— Не купила. Этот пес... он просто приبلудился. Ни с того ни с сего пошел за мной... Такой, знаешь, несчастный, растерянный...

— Где он?

— Я закрыла его в загородке, в курятнике.

Закрыла собаку в курятнике? То-то он загнал машину во двор и ничего непривычного не заметил.

— Пойдем, вместе посмотрим.

— Поешь сначала, — попробовала уговорить Вика; ей не хотелось рисковать, устраивать «сюрприз» голодному мужу. Бабушка всегда говорила: «Если хочешь чего-нибудь добиться от мужчины, сначала покорми его!»

Но Санька уже закусил удила:

— Потом поем.

— Да что там смотреть, успеешь еще...

Значит, смотреть нужно было непременно. И немедленно.

Санька не признавался в том жене, но он почти с первых дней совместной жизни — точнее, с тех пор, как понял, что ее ангел-хранитель, весьма медлительный и рассеянный, как сама Виктория, поддерживал свою подопечную лишь в самый последний момент, да и то не всегда — беспокоился за нее. Был настороже. Бдел, стараясь подоспеть вовремя.

Наверное, поэтому он так хорошо изучил все ее нехитрые приемчики, которыми она старалась усыпить его бдительность. Он был уверен, что если кто и сможет его обмануть, то уж никак не Вика.

Иными словами, она падала, спотыкалась и ударялась без особых последствий, ну а если этот нерасторопный ангел-хранитель когда-нибудь попросту промедлит?

Теперь, значит, к ней приبلудилась собака. Санька не какой-нибудь там монстр. Он в детстве не вешал кошек и не резал лягушек, и все же Вика напряжена. Пес больной, что ли? С перебитой лапой? Старый?

Но то, что увидел Санька, на самом деле поразило его так, что некоторое время он молчал, не в силах раскрыть рот. Первым чувством его был... испуг. Страх за Вику. Он не мог себе представить, чтобы такая хрупкая, худенькая женщина, как его жена, могла где-то найти и привести домой... такое чудовище.

— Это же собака Баскервилей! — невольно вырвалось у него.

— Ну уж и Баскервилей! — смущенно откликнулась Вика. — Папа сказал, что это дог. Самый обыкновенный.

— Ага, дог в качестве дворовой собаки.

— Но ты же соглашался.

— На дворовую собаку. На дворнягу. Ты знаешь, что это бойцовская собака.

Представляешь, сколько она стоит!

— Но нам-то она досталась даром.

— Посмотри, какая у нее пасть. Она нас разорит! На один корм придется истратить столько... — Санька замолчал. Казалось бы, пора уже привыкнуть к жениным сюрпризам. Вот и сегодня, идя домой, он был готов к чему угодно, но к такому... — А если он меня не признает?

— Признает! — горячо откликнулась Вика; раз Санька рассматривает варианты, значит, он настроен вовсе не так агрессивно, как она боялась. Пес не должен ее подвести. Он же умный, может сообразить, что, как скажет Санька, так и будет. — Блэк, иди сюда!

— Ты назвала его Блэком. А почему?

— Так он же черный, — пробормотала Вика.

— А-а, имеешь в виду по-английски... Ладно, давай выпускай!

Теперь уже испугалась Вика. Одно дело проводить эксперименты на себе, и совсем другое — на любимом человеке.

— Но, Санька... а если он на тебя бросится?

— Иными словами, в том, что он меня признает, ты не уверена? А говорила, признает.

— Потому что мне этого очень хочется. Ты не представляешь, какой он умный... Только купаться не слишком любит.

— Понятно, а я ставил машину и еще подумал, что за воду ты разлила. Выпускай.

— Может, давай потихоньку? Сначала зайду я, объясню ему, что ты здесь живешь и он должен слушаться в первую очередь тебя...

— Вика! Это собака, а не человек. «Объясню!» — передразнил он жену. — Но ты права, если он на меня бросится, придется его отправить туда, откуда пришел.

— Как отправить? Его раз уже бросили, он этого не переживет...

— На улицу, я хотел сказать, — жестко проговорил муж и строго посмотрел на нее. Вика не посмела его послушаться. И открыла щеколду бывшей загородки, временно превращенной в вольер.

Блэк так и не вошел в сам курятник, зря Вика его и уговаривала. И даже не прилег, не присел, а все стоял посреди закрытого сеткой участка, словно ждал, что решит новый хозяин.

— Блэк, — поторопила его Вика, — ну, скорее иди, мы же ждем!

Пес медленно вышел и опять остановился, не доходя до стоявших мужчины и женщины.

— А мне рассказывали, что доги — такие бойцы, просто звери. Может, его выбраковали, потому что он трус?

Неожиданно Блэк глухо... нет, даже не зарычал — заворчал. Мол, прошу не возводить на меня напраслину.

Вика ахнула:

— Неужели он все понимает?

Санька протянул к собаке руку и позвал:

— Ну ладно, не сердись, я был не прав. Лучше иди сюда, будем знакомиться. Давай лапу!

Блэк подошел и дал ему лапу. Вика тихонько пискнула. Она все больше влюблялась в найденыша и так волновалась, что у нее в горле пересохло.

— Признал, значит. — Санька с удивлением прислушался к собственным ощущениям. Он гордился! А кто бы не гордился? Если бы не держал себя в руках, прослезился бы от чувств. Чтобы такой огромный пес признал в тебе хозяина!

Глава девятая

Прежде у Саньки никогда не было собаки. Но вот Вика заговорила о дворняжке, и он так себе ее и представил — одну из тех, что видел в соседских дворах. Маленьких брехливых шавок, к которым по этой же причине относился с пренебрежением. А тут... Можно сказать, лорд собачьего мира. И во дворе у Александра Петровского. Надо побыстрее закончить забор. Их участок все еще наполовину закрыт самой обычной сеткой-рабицей. Защитить свое подворье от чужих завистливых глаз. И пусть во дворе бегают... нет, гордо вышагивает этот огромный пес, который дает лапу хозяину и позволяет себя гладить.

Все-таки его жена — не такая, как другие женщины. Удивительная. Вон даже собаки это признают. Но о своих рассуждениях он ей не скажет, а то еще не так поймет и обидится. Или подумает, что он ей просто леца кидает, чтобы загладить вину. Может не понять, что он только теперь понимает, как близко был от того, чтобы ее потерять и потом жалеть и тосковать о ней всю жизнь... Что-то полезла из него непонятно откуда взявшаяся сентиментальность.

Да разве только это! А их дом? Семейное гнездо, где он все обустроивал своими руками, где его знал каждый гвоздь, где никто над ним не стоял, не зудел, не требовал, не учил жить. Он устраивал все сам, в силу разумения своих двадцати четырех лет, а не глядя из чьих-то глаз, не танцуя под чью-то дудку.

Его всегда сюда тянуло. Это был его ДОМ, который он едва не потерял...

Как раз в это время Вика посмотрела мужу в глаза.

— Загнать Блэка на место?

— Знаешь, пусть лучше по двору походит, поищет место, где ему будет уютно. Тогда я все же разломаю этот курятник, а сооружу ему теплую будку — настоящий собачий дом.

Санька воодушевился. Ему нравилось мастерить и строить. На что-то большое пока не хватало денег, но на дом для Блэка... Дом, который построил Джек. Дом, в котором поселится Блэк...

Может, он не прав, что не хочет иметь детей? Может, если Вика будет сидеть дома и растить малыша, ее невезучесть и рассеянность пройдут сами собой?

Вика удивленно посмотрела на мужа. Она ожидала от него совсем другой реакции.

— А если к нам кто-нибудь придет?

— Закроем калитку на щеколду. Постучат. На днях я проведу звонок от калитки. Что же нам неизвестно, из-за кого лишать собаку свободы?

— Ты так это сказал, будто курятник для него — тюрьма.

— Тюрьма не тюрьма, но там ему неуютно... Хотелось бы знать, как этот твой Блэк нас с тобой воспринимает? — почему-то вздохнул Санька.

Он взглянул на миску Блэка, кажется, им нетронутую, вернулся за ограждение вольера и вынес корм наружу.

— Посмотрим все-таки, где он приляжет, там ее и поставим.

— Ты знаешь, как обращаться с такими собаками? — спросила Вика.

— Нет, откуда бы мне это знать. Просто я подумал... Про собак говорят, что у них тип высшей нервной деятельности. Значит, как и человек, когда такое животное волнуется, это плохо сказывается на его аппетите. А когда он пой-

мет, что мы его ни к чему не принуждаем, он станет вести себя так, как ему хочется...

— А как обстоят дела с твоим аппетитом? — шутливо спросила Вика.

— Голоден аки волк! — проговорил Санька и в подтверждение своих слов рыкнул.

Блэк, шедший впереди, удивленно оглянулся, и супруги Петровские дружно расхохотались.

— Ужин у тебя сегодня получился на ура, — немного погодя выдохнул Санька, откидываясь на спинку диванчика из кухонного уголка, который они недавно купили.

— Наверное, потому, что я делала его машинально, не думая о том, чтобы делать правильно, — удивилась самой себе Вика. — У меня именно тогда не ладится, когда я стараюсь, понимаешь? Я начинаю волноваться, и все получается наоборот. Значит, как Блэк?

— Понимаю, — медленно проговорил Санька, — а сегодня ты не волновалась?

— Еще как волновалась, — призналась она, — но не за ужин, а за Блэка. Думала, а вдруг ты не согласишься, чтобы он у нас жил?

— Выходит, считала меня бессердечным?

Санька был задет. Он никогда не говорил Вике, что хотел иметь большую собаку, но ведь можно было догадаться, что у него не хватит совести выгнать на улицу несчастного пса. Уж Вика-то могла знать своего мужа!

Но тут же он вспомнил про Лизавету. Наверное, Вика прежде так и считала, что знает его. Потому и о Лизавете не подозревала. Да что там Вика, он сам от себя такого не ожидал.

Стремительное воображение вдруг нарисовало картину его жизни с Лизаветой, в которой все правильно и оттого невыносимо скучно. И Лизавета... Она же авторитарная, слушает обычно только себя. А когда уверена, что права, давит на других, как асфальтовый каток... Да если уж на то пошло, Вика спасла его от самой крупной ошибки в жизни!

— А давай мы сегодня вечером с Блэком погуляем, — предложил он в момент просиявшей жене.

— Давай!

— Вот только поводка у него нет.

— Есть, — спохватилась Вика. — Я, честно говоря, даже не успела рассмотреть все из того, что привез отец. Но поводок я видела точно. И намордник.

— А чего вдруг ты решила позвонить отцу? — ревниво поинтересовался Санька. Надо же, первый, о ком она вспомнила, был не он — любимый муж, а отец, который по полгода не видел любимую доченьку!

— Я знаю, что он, еще когда дома жил, хотел большую собаку купить, но мама была против. А потом, в новой семье, ребенок родился, и опять ему это сделать не удалось. Он сказал, что Блэк — прекрасный пес!

— Еще бы! — нарочито хмыкнул Санька. — Разве моя жена могла подобрать на улице какую-нибудь захудалую дворнягу? Мы на мелочи не размениваемся.

Вика как раз домыла посуду, вытерла полотенцем руки и присела рядом с мужем, обняла его, прижалась и выдохнула куда-то в шею:

— Я очень люблю тебя, Санька!

— Я тоже тебя люблю, Тростинка, — пробормотал растроганный Санька.

Поздно вечером, устав от ласк мужа, на которые сегодня он оказался неистощимым, она сонно подумала, что, несмотря ни на что, день выдался удачным.

— Ах да, — вдруг вспомнила она, — папа просил, чтобы я завтра с утра к нему на работу приехала.

— Зачем? — поинтересовался Санька совсем несонным голосом.

Чего это он заснуть не может? Нет, надо забыть о том... о той, а то сейчас напридумывает себе такого, что и сама начнет бессонницей мучиться.

— Кажется, он хочет предложить мне какую-то работу.

— Вспомнил, — отчего-то раздраженно проговорил Викин муж. — Я раньше недоумевал, неужели ему все равно? У такого уважаемого в городе человека дочь работает на толчке, шмотками торгует!

— Санька!

— Что — Санька? Или тебе на твоей оптушке нравится? Еще бы, там же бродят такие лоси, как этот твой... Ефрейтор!

— Майор, — машинально поправила Вика.

Александр Петровский в армии не служил. У него в подростковом возрасте после перелома неправильно срослась нога, и теперь левая была чуть короче правой. Он слегка прихрамывал, но не очень заметно. Правда, это вовсе не значило, что Санька не разбирается в званиях. Наверное, думал, она обидится за Майора. Вот еще, можно подумать, он ей нужен!

Но раз муж об этом вспоминает, значит, его это до сих пор задевает. Только она все равно не станет считаться, кто из них виноват больше, кто меньше. Сказала, что все забудет, значит, забудет. А если он хочет, чтобы она непременно повинилась, то что ж, ей не трудно.

— Ты прости меня, Саша, — в ответственные моменты она всегда его так называла, — сама не знаю, что на меня нашло. Если хочешь знать, он мне никогда не нравился, это я так...

— И ты меня прости! — горячо откликнулся Санька.

Что-то они сегодня то в любви клянутся, то прощения просят... Однако не упустила ли она чего? О чем-то недавно подумала... Ах да, Санька не спит! Обычно он засыпал даже раньше нее, а тут она не могла заснуть оттого, что он ворочался и вздыхал. Не из-за Майора же! Это просто ни в какие ворота не лезет! Как тут забудешь!

— Что-то тебя беспокоит? — спросила Вика.

— Беспокоит... Ты только ничего такого не подумай, но Лизавета... Она мне пригрозила. Мол, ничего, ты меня еще вспомнишь!

— А что она тебе может сделать?

— К примеру, будто нечаянно поменяет одну цифру в номере вагона или зашлет документы вместо Ачинска в Архангельск, и мне можно будет сливать воду.

— В каком смысле? — испугалась Вика.

— До смерти не расплачусь, — вздохнул он.

— Пусть только попробует, — неуверенно сказала Вика, хотя и представить не могла, как она такому коварству отвергнутой соперницы смогла бы помешать.

Вообще-то Вика, наверное, никогда не сможет понять, как деньги — или, в

случае с Санькой, вагон с лесом — могли бы пропасть бесследно. По телевизору часто звучат рассуждения неких официальных лиц, будто какая-то невероятно большая сумма денег куда-то бесследно исчезла. Конечно, она не была экономистом, но простая логика не давала поверить в такие принародные заявления. Просто никто, наверное, не занимается тем, чтобы проследить прохождение этих самых денег или, как при отправке лесоматериалов, товара по определенной цепочке.

Она еще подумала и поправила себя: исчезнуть что-то в никуда — против законов Ломоносова — может лишь в случае отсутствия должного учета. Но и тогда найти виновного и взять его за жабры вряд ли так уж сложно...

Опять увлеклась!

Не совсем кстати пришла Виктории на ум фраза какого-то юмориста: если мир материален, значит, чего нет, того нет! Или наоборот, что есть, то просто так в никуда не исчезает...

Так, Санька засопел. Заснул все-таки. Теперь она не спит. Жена, простившая виновного мужа. Кто-то другой сказал бы, что она незлопамятна. И может прощать такое! А ведь это же просто: не думай о случившемся в подробностях, не растравляй себя зря. Никто не станет винить человека, который свалился в яму из-за плохого освещения улицы.

Было бы нечестно: на словах простить, а на деле поедом есть. Вот если он еще раз посмеет что-нибудь этакое отчебучить, тогда, конечно, не будет ему ни оправдания, ни прощения...

Бойся, несчастный! Разошлась она ни на шутку.

Однако неужели угрозы Лизаветы стоит воспринимать всерьез?

Санька перевернулся на спину и захрапел. Прямо как в анекдоте, перебросил свои проблемы в ее голову и успокоился. «Спи, Мойша, пусть теперь он не спит!»

Утром, собираясь на встречу с отцом, Вика не стала ни надевать мини-юбку, ни применять боевую раскраску. Белые брюки, белая кофточка, босоножки на небольшом каблучке. Чуть тронула помадой губы — простенько и со вкусом.

Странно, что отец вдруг заговорил с ней о работе. Из-за Блэка, выходит. Если задуматься, в смысле подключить к этому случаю рассуждения о смысле жизни, то получается некая связь. Рука дающего не оскудеет. Вика подобрала бездомного пса, а ей за это — внимание отца. Вот как складно.

До офиса Павла Даниловича ее подвез Санька, а потом поехал к себе на работу. Вика успела вовремя на встречу с родителем, ничего не разбила, не разлила, ногу не подвернула, из чего можно было заключить, что день начался удачно. Она теперь сама как барометр удачи — по Вике Петровской можно проверять, повезет сегодня или не повезет?

Утром собаке давал корм Санька. Хотя Вике и самой это приятно было бы сделать. Но ради такой гармонии — любимый муж, любимый пес — можно своим желанием и поступиться.

А муж сказал:

— Так он быстрее ко мне привыкнет.

— Сколько раз в день надо кормить собаку? — спросила Вика.

— Не знаю, — признался Санька, — но сегодня непременно куплю ка-

кую-нибудь собачью энциклопедию или руководство по уходу за четвероногим другом. Недавно я видел такую книгу.

Он вез жену к офису Павла Хмелькова, то бишь своего тестя, и продолжал ей рассказывать вслух свои мысли:

— Странно, но с появлением Блэка у нас с тобой как бы образовалось хозяйство. До этого просто был дом с участком. А теперь — собака. Живое существо, почти член семьи. Надо разузнать, как доги относятся к детям.

— При чем здесь дети? — удивилась Вика. — Ты имеешь в виду детей наших друзей и знакомых?

— Я думаю, что нам стоит подумать и о собственных, — вдруг сказал Санька.

Вика едва не прослезилась.

— Но твоя мама говорила, что нам стоит подождать...

— А мама сама-то ждала? — сказал Санька. — Я ради интереса заглянул в документы. Оказывается, я родился у отца с матерью через шесть месяцев после свадьбы! Понятно, советы давать легко.

Санька говорил и сам все больше заводился. Во многом он уже стал человеком самостоятельным. Свой дом, своя машина, теперь вот своя собака, а как ему жить в семье, заводить детей, не заводить, решает почему-то его мама!

Вика поняла все это и без объяснений и рассмеялась:

— Давай решим, что делать, в другой обстановке. Вечером я испеку пирог, мы сядем за стол и спокойно все обсудим.

— Хорошо, — нехотя согласился он, словно от времени обсуждения с разрывом в несколько часов зависело, как быстро родится ребенок на свет.

Странно, что раньше он в серьезных делах не признавал никакой спешки, а теперь вот сам заторопился. Да еще так увлекся размышлениями на эту тему, что высадил жену у здания, где работал ее отец, и ничего при этом не сказал, как будто в момент заразился от нее привычной рассеянностью.

Вика расцеловалась с отцом, и он усадил ее в кресло за журнальным столиком, а сам сел напротив.

— Дочь, я перед тобой виноват, — сказал он без всякой преамбулы.

Хмельков всегда начинал разговор прямо по делу, считая, что расспросить человека о его житье-бытье можно и после того, как решены основные вопросы. А то получается, вначале чуть ли не в душу к человеку лезешь, как его дела, семья, а потом сообщаешь что-нибудь этакое, после чего он и о семье забывает.

Точно так же поступала и его старшая дочь. Санька часто пенял ей на это: «Нет у тебя, Витка, никакой дипломатичности. Кто же так, в лоб, сообщает кому-то неприятные вещи?»

— У тебя что-то случилось, папа? — поинтересовалась она.

— Тормоз у тебя отец, как говорите вы, молодые! Я к тому, что всего два дня назад узнал от твоей матери, что ты бросила университет. Считал, что в этом году ты должна получить диплом, и ни о чем не волновался. А вчера стал размышлять: Господи, думаю, да они же еще совсем дети...

— Что ты, папа, мы с ним совершеннолетние. Вон в войну такие, как Санька, говорят, полками командовали.

— Полками! Я говорю не об экстремальной ситуации, а просто о житей-

ской. О чем, скажи на милость, думает твой муж?

— Не завести ли нам ребенка, — улыбнулась Вика.

— Вот именно, дурное дело не хитрое. Ребенка. Вот скажи, как ты будешь воспитывать человека из него, когда сама...

— Не сумела им стать, — подсказала Вика.

— Нет, доченька, я вовсе не собирался тебя обижать. Скажи честно, вам с Александром не хватает денег?

Вика смутилась:

— Папа, ну при чем здесь деньги? Просто так совпало: вначале стала болеть бабушка, и мне приходилось дежурить возле нее в больнице. Потом я стала встречаться с Санькой...

— Но почему ты не позвонила мне, не сказала? Неужели я для матери не нанял бы сиделку?!

— Мы с бабушкой старались тебя по мелочам не беспокоить. Все-таки у тебя была новая семья, маленькая дочь...

— И такое вы считали мелочью! Эх, мама, мама, всегда она боялась кого-нибудь обременить.

— Между прочим, она и меня старалась прогнать. Мол, ей ничего не надо, а ежели что, она и соседок по палате попросит.

Хмельков помолчал, соображая, что его мать умерла почти два года назад.

— Смешно сказать, усовестил меня не кто-нибудь, а пес! Доги вообще относятся с недоверием к постороннему человеку, а твой Блэк к тебе на улице подошел. Собаки чувствуют хороших людей.

— Пап, ну что ты себя ругаешь. Мне даже обидно. Между прочим, я считаю, что ты у меня лучший папа на свете.

— Спасибо, родная, ты всегда была доброй девочкой... Нет, кому сказать: у Хмелькова дочь на рынке реализатором работает!

Вика смутилась, но постаралась не выдать своих эмоций: надо же, вчера почти слово в слово то же самое говорил ей Санька. Неужели обязательно родителям опекать совершеннолетних детей? Этак они сами ничему и не научатся, все будут на свои проблемы чужими глазами смотреть. Говорят, в Америке себе на хлеб зарабатывают даже дети миллионеров.

— Подумаешь, недалеко от меня, между прочим, работает женщина — кандидат наук! И бывший военный... майор.

Она вспомнила нечто, с этим званием связанное, и покраснела. Павел Данилович ее смущение расценил по-своему. Повторил с нажимом:

— И я виноват! И твоя мама виновата. Я ей вчера звонил.

— У мамы тоже Антошка маленький, она и на работу ходит, и семья на ее плечах.

— На плечах... У нее, между прочим, домработница есть. В общем, мы договорились: я взял на себя твое трудоустройство, а мама на днях зайдет, посмотрит, как вы живете, что вам нужно!

— Папа, не надо, Санька обидится. Ты же знаешь нашу маму, она как начнет правду-матку резать...

— Начнет, — согласился отец.

— А Санька у меня хороший муж. И очень гордится, что в нашей семье хозяин. Он ведь до сих пор никогда самостоятельным не был, потому и дорожит этим.

Насчет «дорожит» совсем недавно у нее появились сомнения, но Вика не собиралась говорить о них отцу.

— Моя дорогая! Ты, выходит, не о себе беспокоишься, о муже?

— А он — обо мне. Я думаю, в хорошей семье так и должно быть. Или я не права?

— Согласен. Даже не ожидал, что ты у меня такая рассудительная. Все думал, ты девчонка еще. — Отец пригорюнился, но тут же пришел в себя: — Ладно, раз ты своей жизнью довольна, не будем обижать твоего Саньку. Перезвоню матери, пусть или в его отсутствие к тебе приходит, или при нем помалкивает. Хотя последнее, подозреваю, ей удастся труднее всего.

— И что вы вдруг вскинулись? Я давно привыкла, что вы...

Вика прикусила язык. Несет ее по кочкам! Чуть было не сказала, что давно привыкла к тому, что родители о ней не часто вспоминают.

— Ценю твою деликатность, — усмехнулся отец, — не договорила, что хотела. Но я все равно от тебя не отстану насчет учебы... Подумай, у нас в роду все с высшим образованием, а самая умная, можно сказать, недоучкой остается.

«Самая умная! — с усмешкой подумала Вика. — Знал бы ты, какие я курбеты могу устраивать, усомнился бы в моем уме. У любого бы терпения не хватило. А Санька ничего, привык!.. Или не привык? Может, зря я себя все время успокаивала, а на самом деле семья чуть не рухнула из-за меня?»

— Значит, так, — сказал отец, — пока устрою тебя к себе. Будешь на подхвате. На все про все. Включая технические переводы. Ну и синхронный перевод, когда коллеги-иностранцы приедут. Сможешь?

— Придется поднапрячься, — растерянно протянула Вика. — Все-таки я давно без практики. На оптушке иностранцы редко появлялись. — Это она пошутила.

— Вот, — подхватил отец, — попутно на курсы английского походишь. Для усовершенствования. За счет фирмы... Получать будешь для начала триста баксов.

— Сколько? — испугалась Вика; реализатором у нее только однажды получилось двести. Это был самый удачный месяц. А так, не больше ста пятидесяти.

— Триста, — повторил отец. — Английский язык освоишь, тебе двести долларов прибавят. Университет окончишь, станешь менеджером проекта... В общем, это называется карьерный рост.

— Папа, ты не забыл, на каком я факультете училась? Иностранных языков. Английский язык я освою. Вернее, доосвою. Но вот при чем, скажи, здесь менеджмент?

— Ты же на рынке работала, и небезуспешно. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Значит, я буду получать больше Саньки? — задумчиво проговорила Вика. — Это не очень хорошо. Он комплексовать начнет... Папа, а может, ты его вместо меня возьмешь?

— Ты же говорила, у него хорошая работа.

— Я и сама так думала, но теперь оказалось, у него появился недоброжелатель, который... которая...

— Так-так. — Отец заинтересованно посмотрел на Вику, а потом бросил взгляд на часы. — У нас с тобой в запасе еще целых пятнадцать минут. Расска-

зывает.

— По-моему, — буркнула Вика, — за сутки ты выполнил трехгодичную норму отцовского внимания.

— Слышу материнские нотки, — усмехнулся Павел Данилович.

— Имеешь в виду бабушку?

— А кого же еще? Каюсь, вину испущю... Однако все равно ты от меня не отвертишься. Выкладывай.

Вике ничего не оставалось делать, как все рассказать. То есть не совсем все, некие подробности насчет Лизаветы она все же опустила.

Глава десятая

Слова дочери заставили Павла Даниловича всерьез обеспокоиться.

— Вот уж не думал, что твой муженек такой легкомысленный...

— Я ничего подобного не говорила, — запротестовала Вика.

— А я догадался. Служебный роман. Умные люди таких вещей избегают...

Прости, доча, сорвалось!

— Ничего, я вполне спокойна.

Врет и не краснеет, но отцу вовсе незачем об этом знать.

— Я хотел сказать, что, если кто-то попробует на твоего Саньку, как ты говоришь, наехать, я вам помогу, но, наверное, ты права, ему надо с этой его базы уходить. Потому что в городе ходят слухи... — Он осекся.

— Какие слухи? — сразу напряглась Вика.

— Слухи — они и есть слухи! — нарочито легкомысленно махнул рукой Павел Данилович, но дочь свою не убедил.

— Теперь ты выкладывай, — потребовала она.

— Говорят, на эту базу нацелился Махмуд.

— Кто это?

— Не слышала? Лучше и впредь не слышать.

Вика понимала, что он ей больше ничего не расскажет, но у нее на оптушке был один знакомый парень... Ему двадцать восемь лет, и он — инвалид чеченской войны, но отчего-то Вика всегда относилась к нему как к младшему брату, несмотря на шесть лет разницы между ней и Костиком.

Однако Костика она увидит потом. Ее начальник — теперь уже бывший — разрешал своим работникам приходить на работу к половине десятого. Полчаса хватало, чтобы разложить товар и начать работать. Вика прикинула, что если она сядет на маршрутку, то и не опоздает.

— Я скажу Арнольду, он тебя отвезет, — улыбнулся отец.

— У меня на лице все написано?

— Просто ты — моя дочь, и я только теперь понял, как соскучился по тебе.

— Я тоже скучаю по тебе, папа. Мне бывает так одиноко...

— Александр обижает тебя? — всполошился Хмельков.

— Что ты! За исключением этого случая... с Лизаветой... Нет, я ни разу не пожалела, что вышла за него замуж! И даже после этого случая — тоже.

— Все мы ошибаемся, Витуся. И знаешь, мне не по душе так называемая гордость, когда женщина говорит: «Я не прощу тебе этого никогда!» Одно время в литературе соцреализма был моден такой образ. И никто из писателей не попробовал нам разъяснить, что, прощая, мы сами становимся лучше и чище. Хотя, разумеется, если твоим прощением злоупотребляют... Только не изводи его упреками, если считаешь, что он все осознал.

— Как ты мог такое обо мне подумать! — даже обиделась Вика.

— Умение прощать — это, знаешь ли, искусство.

— Догадываюсь. А Санька — хороший муж, просто он не всегда меня понимает. Наверное, мы — Хмельковы — оригиналы.

— Это точно, — согласился отец. — Ты уверена, что мне не стоит с твоим Санькой поговорить?

— Зачем? Он обидится.

— По-моему, ты чересчур с ним деликатничаешь. Он небось о тебе не поду-

мал... Молчу, молчу... Судя по всему, ты сдаваться не собираешься?

— Вот еще, сдаваться! Ты, кстати, тоже не сдавайся. А то мне показалось...

— Неужели это так заметно? — усмехнулся отец.

— Любящей дочери — заметно...

— Виктория, мне тоже бывает одиноко, но я совсем забыл, что на свете есть родная душа, которая меня поймет... Все-таки что-то тебя беспокоит.

— Вспомнила нашего соседа через два двора. Крутые ребята — уж не знаю за что — отобрали у него дом. Жена вернулась к матери — живут впятером в двухкомнатной квартире, а он... на мусорной машине ездит.

— Ну, говорят, мусорщики очень неплохо получают.

— После того как он был директором автомастерской?

— Что поделаешь, в жизни не всем везет.

— А если и Саньку вот так же из дома начнут выгонять?

— Скажи, я подыщу ему работу. Пусть подождет пару недель. А пока будет поосторожнее... Ты только не забудь на работу выйти.

— Тогда до понедельника?

— До понедельника. Тебя твой Андрей Валентинович отпустит без претензий?

— Поплачет, поплачет, да и отпустит. Где еще он такого супер-продавца найдет?

— Ладно, звезда оптовой торговли. Приходи в офис к девяти часам. Не забудь паспорт и трудовую книжку.

Вика благодаря Арнольду — он вообще как водитель от Бога не боялся уличных пробок и всегда находил самый короткий путь — прибыла на место даже раньше ожидания. Шофер отца домчал ее за пять минут. Так что некоторое время у нее оставалось на то, чтобы найти Костика и поговорить с ним.

Понятное дело, Саньке она об этом рассказывать не собиралась. Во-первых, он стал бы выговаривать, что это дело сугубо семейное, а во-вторых, обиделся бы на то, что Вика считает его неспособным решать собственные проблемы.

Но Вика была уверена, что если в жизни встречается препятствие, с которым ты прежде не сталкивался, то лучше всего в таком случае прибегнуть к помощи специалиста. Может, кто из молодых и учился на собственных ошибках, но Вика в постоянной борьбе с самой собой, вернее, с собственным несовершенством не хотела рисковать еще и в незнакомых вопросах.

На войне Костик был ранен в живот. Как говорил он сам, рана оказалась нехорошей — хотя разве могут быть хорошие раны? — но попал в руки к опытному хирургу, который выбросил часть желудка, после чего Костя почувствовал себя почти здоровым человеком. По крайней мере ел и пил то же, что и другие. Разве когда таблетку приходилось принимать, что военврач ему прописал.

При этом был Костя худым, как говорила Вика, до безобразия.

Наверное, в отместку за то, что государство послало его на войну, где он чуть не погиб, по крайней мере теперь считался инвалидом второй группы, Костя торговал на оптушке пиротехникой, далеко не всегда лицензированной и безопасной. То есть на виду у него лежали фейерверки почти игрушечные, но интересующимся он продавал такое, о чем можно было только догадываться. Иными словами, пиротехнику военного направления.

Костика, как и его напарника, Вика уважала, потому что это были спокойные, уравновешенные мужчины, вполне понимавшие всю меру ответственности за нелегальную часть своего бизнеса, и «гусарствовали» они при этом так, самую малость.

— Не вижу ничего странного в этом, — говаривал Константин. — Меня испортил экстрим войны, потому и теперь я не могу, например, продавать белье или колготки.

— А если тебя поймут? — спрашивала Вика.

— Посадят, — философски пожимал плечами Костик. — Разве не про таких, как я, говорят: кто не рискует, тот в тюрьме не сидит?!

Помогал ему в бизнесе бывший сослуживец со своим автомобилем, в заднем сиденье которого был вмонтирован ящик, где продаваемая пиротехника хранилась. То есть та, которой на прилавке не было.

Вот Костю сейчас и разыскивала Вика. Впрочем, «разыскивала» — слишком громко сказано, она его сразу нашла и позвала за собой в один хитрый уголок, между металлическими контейнерами, прямо из которых армяне торговали своей обувью.

— Поговорить надо.

— Ходят слухи, что Майор... — начал было Константин, но Вика его перебила:

— Ну его, этого Майора, у меня дела поважнее... Так что к тебе два вопроса.

— Целых два? — улыбнулся Костик. — Ну задавай.

— Во-первых, ты знаешь, кто такой Махмуд?

— Если бы челюсть у меня была вставная, она бы от твоего вопроса выпала. Знаю, конечно. Но вот почему ты им интересуешься?

— Понимаешь, мой муж работает на лесоторговой базе...

— Все понятно, можешь не продолжать. Скажи ему, пусть срочно увольняется. Лучше пусть дома посидит, если работу сразу не найдет, дешевле будет.

— Понятно, — протянула Вика и поспешно проговорила, видя, что Костик переминается с ноги на ногу, явно куда-то торопится: — Знаешь, у меня дома совершенно никакого оружия нет. Даже кухонный нож вот такой маленький, им и не защитишься.

— Хорошо сказала, — похвалил Костик. — О защите должен думать каждый гражданин нашей криминальной державы.

— Костик, я серьезно, ты не сможешь мне достать какое-нибудь оружие?

— Петровская, как говорят в Одессе, я с вас смеюсь. Если Константин когда-то воевал, значит, он должен непременно оружием торговать?

— Костик! Я хочу купить у тебя что-нибудь такое, не оружие в традиционном смысле, а... хотя бы то, чем можно пошуметь. В случае чего, как бы подать сигнал SOS... Знаешь, Санька такой забор сделал, что, войди во двор кто-то посторонний, сможет делать с нами что хочет. Никто не заметит и не услышит...

— Может, ракетницу?

— Нет, еще проще.

— Тогда могу посоветовать китайский фейерверк. Шума от него столько, все соседи сбегутся.

— Костик, если ты будешь надо мной смеяться...

— Мне странно, девочка, твои вопросы. Я бы еще понял, если бы ты жила одна где-нибудь на опушке леса. Но у тебя есть муж. Это он должен думать о

твоей защите!

Константин проникся к Вике особым доверием, когда в прошлом году на его дне рождения в шашлычной — он пригласил нескольких «коллег» и ее с Катей — Виктория привычно декламировала Высоцкого, чем вызвала нешуточный восторг «оружейника»: «Как ты можешь все это наизусть помнить?!»

Он посмотрел на не улыбочное Викино лицо и спросил:

— Тебе кто-нибудь угрожает? Ты только скажи.

— Пока — никто, но все может быть... У мужа на работе неприятности, а он в армии не служил.

Можно подумать, Вика служила!

Хотя служба в армии была здесь ни при чем, у Кости имелось на этот счет свое мнение: все, кто не служил, — слизняки и подонки. Такую его категоричность Вика объясняла тем, что у Константина нет части желудка, и от этого он по характеру как бы язвенник. Но на всякий случай она добавила:

— У Саньки после перелома нога неправильно срослась, вот его и забраковали. Он прихрамывает, но почти незаметно.

— А, ну тогда ежу понятно, — сразу помягчел Костик. — А что у него, у мужика твоего, все так серьезно?

— Трудно сказать, — призналась ему Вика, — но, понимаешь, интуиция у меня...

— Интуиция — великая вещь, — согласился Костик.

Вика и сама не знала, чего она так волнуется. Но после слов Саньки о том, какую пакость может устроить ему Лизавета, где-то внутри у нее поселился червячок беспокойства, который рос даже не с каждым днем, а с каждым часом.

Она вспомнила рассказ мужа, как у него на работе расправились с парнем, у которого на складе обнаружилась большая недостача, и ей вовсе стало плохо. А что, если и к Вике с Санькой придут домой рэкетеры и станут требовать, чтобы он заплатил за пропавший вагон?

Странно, вагон еще не пропал, а она будто наяву увидела, как состав увозит его вместо Ачинска в Качинск. Всего одна лишняя буква — и у человека сломана судьба...

Ее муж, он ведь такой... неспортивный, что ли... То есть он быстро бегает и может носить на руках ее, Вику, но выстоять против мордovorотов, какими их показывают в боевиках, он попросту не сумеет.

— Хорошо, есть у меня один фейерверк... достаточно серьезный, — сказал между тем Костик, наблюдая за мучениями, отражавшимися на Викином лице. — Но вот сможешь ли ты соблюдать все правила безопасности? А то еще покалечишься ненароком.

— Конечно, смогу, — горячо сказала Вика. — Знаешь, я какая дисциплинированная.

— Боязно мне что-то, — задумчиво проговорил Константин. — А с другой стороны, неужели твой муж ракету запустить не сможет?.. Ладно, я еще подумаю. Ты сегодня работаешь?

— Вообще-то я увольняюсь, другую работу предложили, но, наверное, шеф жену пришлет, чтобы приняла все, как положено. Так что до вечера я вряд ли уйду.

— Ладно, я тебя найду и принесу.

— Сколько с меня?

— Пара сотен — это не слишком для тебя напряжно?

— Не слишком, — улыбнулась Вика.

Хозяин тоже появился с утра, так что Вике не пришлось ему звонить и объясняться по телефону. Сказала как есть:

— Мне отец работу предложил.

— Сегодня еще поработаешь?

— Сегодня — обязательно, но, может, Марина Сергеевна потихоньку бы принимала у меня склад?

— Я ее пришлю, — кивнул хозяин. — Но ты же всухую не уйдешь?

— Само собой, — бодро ответила Вика, радуясь, что все складывается у нее так удачно; она приготовилась к тому, что шеф будет возмущаться, что не предупредила его заранее.

А он как раз обернулся уходя и сказал:

— Я давно этого ждал. Не твое это место, Виктория. Мне торговать придется, а ты здесь торчишь из-за лени.

Вика хотела обидеться, почему из-за лени, разве она плохо работала? Но тот пояснил:

— Небось отец условие поставил, чтобы институт окончила?

— А откуда вы знаете?

— Я бы на его месте так и сделал.

Вика растрогалась. Она ожидала хотя бы некоторого сопротивления со стороны хозяина, а он отнесся с таким пониманием... Вика распахнула объятия и бросилась шефу на грудь.

Но она не учла, что Петя — их грузчик — уже привез со склада ящики с товаром и поставил у входа в секцию. И теперь эти ящики загоразживали не только вход в нее, но и выход. Словом, она решила от чувств обнять своего работодателя, споткнулась о ящики, упала прямо на него, сбила с ног, так что он тоже упал, но уже в соседнюю секцию, где Катя свои товары только что расставила, снес весь ее прилавок...

— Мамочки, — свистящим шепотом сказала Катя, — что это было? Землетрясение?

— Всего лишь изъявление благодарности, — пробормотал Викин шеф, поднимая лицо от стопки кружевных трусиков.

На восстановление порушенного у них троих ушло не меньше получаса.

К счастью, успели до прихода жены хозяина, Марины Сергеевны, которая славилась ревностью Отелло и могла бы не так расценить позу, которую Вика занимала совсем недавно, лежа на упавшем шефе.

— За трудовой книжкой можешь зайти завтра, — сказал он, предусмотрительно отойдя от Виктории шага на три.

— Что значит зайти? Я приду, поработаю, и вы сами сказали, надо обмыть уход.

Андрей Валентинович согласно кивнул, но посмотрел на Вику с каким-то новым интересом.

— Ну, Петровская, у тебя и темперамент. Я даже не ожидал. Мне всегда казалось, что ты скорее флегматик...

Вот Санька бы посмеялся: флегматик! Он порой утверждал, что таких психотипов, как у Вики, на свете вообще нет... Все консерваторы категоричны.

— Опять ты сначала делаешь что-то, а потом думаешь, вот оттого и людям рядом с тобой находиться опасно. Если у них, конечно, реакция слабовата.

— У тебя реакция не слабая, — огрызнулась бы Вика.

Санька и не стал бы спорить.

— Благодаря любимой жене я получил такую дрессуру! Я теперь ловлю вещи, которые падают со столов, прежде чем они достигают пола. Директор говорит, у меня талант, а я ему: «Вы не знаете талантов моей жены...»

Но зачем вспоминать о грустном?

Глава одиннадцатая

В оставшееся время дня больше ничего особенного не случилось, за исключением того, что к концу работы теперь уже бывший шеф Вики привез табличку «Требуется реализатор» и ее трудовую книжку.

— Я подумал, что, если ты завтра собираешься отходную устраивать, в спешке о документах можно и забыть. Написал тебе — с завтрашнего дня. Нормально?

— Зря ты ее отпускаешь, Андрюша, — сказала мужу Марина. — Где мы еще такую девчонку себе найдем?

— «Отпускаешь!» — слегка передразнил тот. — Я, конечно, могу скорчить мину хозяина жизни, но уж если нашего сына она не убеждает, то что говорить о Виктории... К тому же с Павлом Даниловичем ссориться — себе дороже.

— Вы знаете моего отца? — изумилась Вика.

— До вчерашнего дня я и не подозревал, что он твой отец. Пока он не начал меня расспрашивать, не знаю ли я, случайно, у кого работает молодая женщина по имени Виктория Петровская.

— Я всегда говорила, что у нас городок маленький, — заметила Марина.

— Восемьсот тысяч человек — и маленький?!

— До миллиона-то не дотянули? То-то же! Потому все время друг с другом и сталкиваемся.

Вика перехватила любящий взгляд хозяина, которым он смотрел на свою жену. Вот по-настоящему гармоничная пара. Она знала историю своего шефа, хозяина трех торговых мест на оптушке, где торговали нанятые им и его женой девчонки-реализаторы.

Оба начали с того, что возили товары из Польши и однажды схлестнулись с рэкетирами. Вернее, те попытались ограбить русских челноков — второй раз за день! А для них это означало финансовый крах, и получалось, что обоим нечего терять, они стали сражаться за свое добро и отбили его, что обычно бывало крайне редко.

До этого случая они ехали как бы сами по себе и даже не слишком обращали внимание друг на друга. А после того как маленькая женщина встала с ним плечом к плечу, Андрей Валентинович посмотрел на нее другими глазами. Вернее, посмотрел, а потом уже не мог глаз отвести...

Марина Сергеевна подмигнула Вике:

— Андрей Валентинович гордился тем, что Неистовая Вика работает у него.

— Марина!

— А разве она не знает?

Вика непонимающе смотрела на обоих.

— Ты и в самом деле не знала, — смутилась жена хозяина. — Ну, помнишь, в прошлом году был случай, когда ты погналась за вором? О тебе весь опт до сих пор говорит.

— Говорит, что неистовая или ненормальная?

— Вик, ты не обижайся. Говорят с любовью. В том смысле, что другая бы побоялась. Ты разве не знаешь, бригадир карманников нарочно водил к тебе новичков, показывал, с кем не нужно связываться.

— У карманников есть бригады? — буркнула Вика себе под нос.

Вообще, она знала про бригадиров и про карманников — за полтора года ее

работы здесь они примелькались, хотя случались и залетные. И все девушки-продавцы замечали карманных воров. Некоторые жалостливые, время от времени наблюдавшие, как та или иная тетка раздражается воем: «Люди! Деньги украли!» — предупреждали покупателей: осторожнее, держите кошелек в руках... Хотя был случай, когда кошелек вынули прямо из рук какой-то женщины, зазевавшейся на разложенный товар.

Но что может сделать слабая женщина? Бороться с карманниками? Тут за своим товаром следи в оба глаза. Случается, воруют такие приличные с виду женщины. Разве за всеми уследишь?

Но как раз в прошлом году одному из карманных воров приглянулась кофточка с люрексом то ли для жены, то ли для любовницы, и он решил спереть ее с Викиного лотка. Походя сгреб и метнулся прочь.

— Катя, присмотри! — закричала Вика и кинулась за ним следом.

Почуввав погоню, вор побежал, но что Вика умела делать хорошо, так это быстро бегать. И она его догнала.

— Отдай кофточку! — сказала она, хватая его за плечо.

— Какую кофточку? — зашипел тот, пытаясь вырваться; он, кстати, успел ее сбросить. — Нет у меня ничего. — Он показал ей пустые руки.

— Тогда плати. Двести восемьдесят она стоит.

— Платить? За что? Ты ненормальная! — От возмущения и непривычности обстановки никогда прежде не попадавшийся карманник и сам начал орать. Дурная девка не отставала. Тогда он взял и полоснул ее по руке чем-то острым. Он думал, что она испугается и выпустит его.

Не тут-то было. Она взглянула на выступившую кровь и... мазнула его раненой рукой прямо по рубашке. А другой рукой намертво в него вцепилась.

— Если не отдашь деньги, я сейчас начну кричать, прибегут ребята и не оставят от тебя мокрого места.

Карманник был шустрый, жилистый, но против рыночных громил вряд ли мог устоять.

Произошло невероятное. Он достал из кармана кошелек — неизвестно, свой или чужой, — и отсчитал ей три сотни.

— Сдачи не надо! — зло сказал он и наконец вырвался от нее.

— Заходи ко мне в секцию, я отдам тебе двадцать рублей, — сказала Вика и, сжав здоровой рукой кровоточащую рану, побрела к своему месту.

Наверное, обо всем растрепала Катя. Она потом где-то раздобыла бинт, зеленку и перевязала Вике руку. А кто-то из продавцов принес ей брошенную вором кофточку. Вика еще говорила, что она и деньги получила, и товар остался целым.

— А твоя рана ничего не стоит? — кричала возбужденная Катя. Она все не могла успокоиться. — Нет, ну как ты за ним кинулась! Я и глазом моргнуть не успела. И ведь догнала!

— Догнала, — уныло соглашалась Вика, рука у нее болела.

Ей все казалось ужасно глупым, и она не разделяла Катиного восхищения. Ну не обеднела бы она из-за трех сотен... Оказалось, ее погнало вперед дело принципа: свою собственность — защищаю! Теперь вот что о ней говорят: та ненормальная Вика!

— Вика!

Костик стоял чуть поодаль и махал ей каким-то длинным свертком с бан-

тиком.

— Марина, — попросил он — Андрей Валентинович к тому времени уже ушел. — Мы отойдем на пять минут, хорошо?

— Идите, — легко согласилась та, — все равно народу пока нет.

— Что это? — удивилась Вика, взвешивая в руке тяжелый сверток. — Неужели ты...

— Упаковал! — довольно улыбнулся Костя. — Зато никто ничего такого не подумает. — Пойдем в наш закуток, я покажу тебе, как с этой штукой обращаться.

— Даже жалко распаковывать.

— Ничего, упакую еще раз, для хорошего человека не жалко.

Получив инструктаж и вновь запакованный сверток, Вика протянула парню две сотенные бумажки.

— А вот этого не надо. Мы с Вовчиком решили сделать тебе подарок. На прощание. Мой кореш, знаешь, как тебя уважает! Правильная девчонка, говорит. Я, говорит, на ней бы женился. Ты с мужем разводиться не собираешься? А то я бы обрадовал парня...

— Пока не собираюсь... Ты мне зубы не заговаривай. Я хотела твой товар у тебя купить. А ты — подарить? — не согласилась Вика. — Я вам посторонний человек. Ни фиги себе подарки. Этак вы в трубу вылетите.

— Никакая ты нам не посторонняя. А своя, и правильная. А насчет убытков — не переживай. У тебя рука легкая. Можно сказать, благодаря тебе мы сегодня продали один фирменный товар, который у нас залежался...

— Врешь ты все, Костик, — сказала она. — Просто ты сообщил своему Владимиру: ненормальная Вика хочет купить у нас крутой фейерверк, а твой кореш и сказал: «О, ненормальные — это же наши первые покупатели!» — Голос Вики дрогнул. Не хватало еще разреветься, воительница несчастная!

Костя изумленно посмотрел на нее:

— А если он так сказал, не врубаюсь: это тебя обидело? То, что напарник считает тебя хорошим человеком?

— Не в этом дело. Просто я только сегодня узнала, что весь толчок называет меня ненормальной Викой.

— Тю на тебя! Обиделась. Тобой все гордятся, поняла? Подумаешь, для воров ты — ненормальная. Но и они произносят это слово с уважением. Ты вдумайся, до чего дошло. Стали считать ненормальной женщину, которая сумела за себя постоять! У людей мозги перекорезены... Короче... Все-таки я за тебя волнуюсь!

— Ты что же, за всех волнуешься, кому фейерверки продаешь?

— Ты не все. Ты — глупая девчонка, хотя и очень симпатичная. Я бы тоже, как Вовчик, на тебе женился, но твой Петровский раньше успел.

— Значит, если Санька меня бросит, я могу к тебе обращаться? — вырвалось у Вики; вот и шутки у нее появились, как говорится, в тему.

— А что, вопрос уже возникал?

— Да нет, это я так.

— А то смотри... Я ведь не Майор. Про таких, как он, говорят: рожденный пить... в общем, кое-что не может. А мне удалили только часть желудка, все остальное нормально функционирует... Видишь, насколько ты на других наших девок не похожа? С ними я преспокойно могу материться и называть ве-

щи своими именами, а с тобой почему-то язык не поворачивается. Я пошел?

— Иди, еще увидимся. Завтра я отвальную устраиваю. Приглашаю.

— Я же алкоголь не употребляю. Со мной не интересно.

— И вкусненькое не любишь? — лукаво спросила Вика.

— Ты испечешь курник?

Лицо Кости просветлело. Он уже пробовал как-то Викину стряпню, и ее пирог нашел лучшим из того, что ел в своей жизни.

— Испеку, — согласилась Вика. — И Владимира своего приводит.

— А вот это вряд ли, — сказал Костик. — Он от машины не отходит. Разве что если успеет машину на спецстоянку отогнать. Но я твое предложение ему передам.

Конец дня наступил, Вика и глазом моргнуть не успела.

Марина сказала только:

— Что Костику от тебя было нужно?

— Спросил, куда я на работу ухожу, — сказала Вика: не говорить же правду.

Но Марина так кивнула на ее объяснение, словно поверила. Сверток с фейерверком — и даже с бантиком, юморист этот Костик — Вика упрятала в сумочку. Но положила при этом так осторожно, словно в ней теперь была очень хрупкая вещь.

— Тебя, кстати, Майор спрашивал, — опять сказала Марина, делая отметки в тетради, в которой они подсчитывали Викин товар.

Вика ругнулась про себя — как же она ухитрилась так в один момент выбросить из своей жизни встречу с Александром-вторым, что за все время даже ни разу о нем не вспомнила!

— А что ты ему сказала?

— Сказала, что ты с Костиком ушла.

— А он?

— По-моему, удивился.

Неужели никто не знает, что Майор побывал у нее дома? Бывший военный не стал хвастаться своими подвигами, которых вообще-то и не было? Или он всего лишь хотел спросить у Вики, кто доставил его домой? Сам-то он наверняка вряд ли помнил что-то из своего путешествия обратно.

А может, он хочет предложить ей встретиться еще раз, чтобы реабилитироваться, или будет просить, чтобы она никому о случившемся не рассказывала?

Скорее всего он просто не знает, что Вика уходит с оптушки, потому что папа наконец вспомнил о ней и решил приставить к настоящему делу.

Бог с ним, с Майором. С Костиком ей не хотелось расставаться, с Катериной. Андрей Валентинович тоже был Вике симпатичен, но она понимала, что это уже в прошлом. Еще не вышла на новую работу, еще не успела ее полюбить или, наоборот, разочароваться, а уже откуда-то к Вике пришла уверенность, что начинается новый виток ее жизни, после чего на свою оптушку она никогда больше не вернется.

Глава двенадцатая

Блэк выбрал себе место за домом на солнечной стороне. По крайней мере, Бустав ходить по двору, он прилег именно здесь, и Санька смотал сетку с загородки в курятнике, чтобы устроить ему вольер на выбранном им самим месте.

Наутро первого дня его обнаружили лежащим у крыльца. Пес как бы закрывал хозяйский дом собственным телом.

Вообще, крыльцо их дома было непривычно высоким, потому что дом оказался построенным на небольшом возвышении. Викин дедушка вынужден был приподнять нулевой цикл, чтобы хоть таким образом выровнять участок по горизонтали. Так что крыльцо насчитывало целых пять деревянных ступеней. Прежде Санька и Вика сидели на верхней ступеньке лестницы, а с тех пор как появился Блэк, садились на нижнюю, чтобы таким образом быть к нему поближе.

Вообще-то ступени для Блэка вовсе не были помехой, но умный пес при Саньке не демонстрировал своего умения легко взбегать наверх.

— Сегодня я ему конуру сделаю, — сказал Санька.

— А если он не захочет в ней жить? — спросила Вика.

— Придется. Голод... в смысле дождь заставит. На зиму постелим ему кусок овчины. От матери принесу, у нее остался мой старый тулуп.

Вика в рассуждения мужа старалась не вступать, все боялась сглазить его хорошее отношение к найденышу. А вдруг он разозлится на что-нибудь и выгонит собаку?

Уходя из дома, она загоняла Блэка в вольер, ставила туда миски с кормом и водой. Мало ли зайдет кто. Тот же почтальон. Хотя что делать во дворе почтальону, если имеется почтовый ящик? Или вообще посторонним в отсутствие хозяев?

Домик для пса Санька соорудил просто сказочный. Сама бы в таком жила!

Правда, щеколда, которую поставил на вольере ее муж, Блэка не останавливала. Вика нечаянно видела, как он лапой ударял по калитке, так что та подсакивала на петлях и слегка выгибалась наружу, — щеколда срабатывала на открытие.

До чего умный пес. Она хотела вначале сказать о том Саньке, но потом отчего-то передумала. Мало ли, вдруг и в самом деле придет чужак, а Блэк не сможет за ним присмотреть?

И еще вот чему Вика удивлялась. Блэк открывал калитку в редких случаях. В остальное время он дисциплинированно сидел за сеткой и делал вид, что свобода ему недоступна. А Вика делала вид, что об этом не знает.

Правда, однажды она ему все-таки сказала:

— А ведь ты, Блэк, выходил во двор, я видела.

Пес отвернул морду в сторону с самым равнодушным видом: мол, не знаю я, о чем ты там говоришь!

Но Вика осталась при своем мнении: Блэк ее прекрасно понял.

А еще Вика гордилась, что у ее мужа такие умелые руки, и попыталась уговорить пса:

— Блэк, родненький, ну поживи в домике, порадууй Саньку, он ведь для тебя старался!

Пес долгим взглядом посмотрел ей в глаза, как бы говоря: я подумаю об этом на досуге.

Вика была счастлива, когда окрыленный Санька однажды вбежал к ней на кухню и радостно зашептал, будто кто-то мог его подслушать:

— Вик, представляешь, Блэк спит в домике!

Назвать свое творение конурой ему не хотелось.

— Да ты что!

Они выскочили из дома и вместе полюбовались на спящего Блэка — им был виден только кусочек его носа. Санька учел размеры пса и на его жилище досок не пожалел.

Правда, Вика все равно опасалась, что пес станет мерзнуть и в конуре. Он ведь короткошерстный. Но до зимы еще далеко, а пока пусть Санька к Блэку привыкает. А когда он полюбит его так же горячо, как Вика, пусть и не с первого взгляда, он сам станет пускать собаку в коридор в сильные морозы.

Пока она наслаждалась идиллией. Иной раз по вечерам они выходили с Санькой во двор и садились на крыльце, а Блэк примащивался у них в ногах, и время от времени то Вика, то Санька гладили его. И это было счастье. Странно щемящее, оттого что тревожное. По крайней мере для Вики. Она ждала, когда грянет гром.

Вроде и понимала, что глупо ждать не хорошее, а плохое. Может, у Саньки и ничего не случится. Тем более что он уже написал заявление на увольнение, но его попросили поработать еще полмесяца.

Но гром все-таки грянул.

В начале одиннадцатого Вике на работу позвонил Санька и сказал:

— Я никак не могу вспомнить это стихотворение. Ну, детское. Помнишь: «Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка, тра-та-та-та тра-та-та, весь до ниточки промок»?

— «Со скамейки слезть не мог», — машинально подсказала Вика. — А зачем тебе это?

— Не знаю. Сегодня с утра стучит в башке, а кого ни спрошу, никто не помнит...

Он надолго замолчал, напугав этим Вику до смерти. Она мысленно сказала себе: «Вот оно, началось!» Потому и сама некоторое время помолчала, чтобы унять дрожь и чтобы голос у нее не дрожал.

— Санька, что случилось?

— Вагон с лесом не пришел, — как-то равнодушно ответил он, будто произнес это не живой человек, а так, робот-автоответчик. — Говорят, какая-то девчонка при оформлении перепутала. Отправила его вместо Краснодара в Красноярск. Можно подумать, у них своего леса мало.

— И что теперь будет?

— Не знаю, — ответил Санька; в голосе его прозвучала неприкрытая тоска.

— А если тебе прямо сегодня уволиться?

— Не получится. Меня уже предупредили, что хозяин древесины ждет этот вагон, и посоветовали подсуетиться. Дали неделю срока...

— Так мало?

— Сказали, что это еще по-божески. Часто на счетчик ставят вообще на следующий день после случившегося.

Что такое ставить на счетчик, Вика знала. И книги читала, да и слышала. Первый, о ком она подумала, был Костик, но к нему Вика решила обратиться в самом крайнем случае. Если совсем уж ничего не получится. Если они с Санькой не смогут справиться сами.

А ведь совсем недавно она ругала себя за то, что постоянно возвращается мыслями к Санькиным делам, в то время как у нее самой все шло прекрасно.

Вика знакоилась со своей новой работой. Вводила ее в курс дела немолодая, но очень энергичная женщина Елена Александровна, которая говорила Вике, что знает ее отца больше двадцати лет и с удовольствием поможет дочери. Мол, странно даже, что Павел Данилович помогал столь многим людям — на памяти самой Елены Александровны никак не меньше двух десятков человек, — а его дочь она увидела впервые.

Вика завела себе блокнот, куда записывала все новое, что каждый день узнавала, — в последние дни она стала такой рассеянной и все время ждала звонка от Саньки, а когда он приходил с работы, тревожно вглядывалась в его глаза.

Бабушка бы сказала: у страха глаза велики. И была бы права. Но понимание правоты самого близкого, пусть и покойного человека успокоения Вике не приносило. Скорее наоборот. Чем дольше она на эту тему размышляла, тем тревожнее становилось.

Подумаешь, какая-то Лизавета. Не то бухгалтер, не то экономист, всего лишь пригрозила ее мужу, а из-за этого мадам Петровская вторую неделю ходит сама не своя, хотя имеет полное право махнуть рукой на такую ерунду и наслаждаться жизнью. Тем более что она и вправду началась у нее на качественно другом уровне. По крайней мере о ней не стыдно было рассказывать кому бы то ни было.

Конечно, прежде Вика делала вид, что ей все равно. И фыркала на все предложения мужа сменить работу на оптовом рынке на что-нибудь престижное. И даже как-то сказала:

— А ты посиди на моем месте хотя бы один день, я посмотрю, что ты наторгуешь.

На что Санька холодно ответил:

— Во-первых, я никогда не мечтал быть торгашом, а во-вторых, нисколько бы не огорчился, если бы мне ничего не удалось, как ты говоришь, наторговать.

Вика огрызнулась:

— Интересно знать, а кто такой — менеджер на лесоторговой базе?

— Старший менеджер, — снисходительно поправил муж.

— Старший продавец! — выпалила Вика.

— Менеджер — не продавец, а руководитель производства, — сказал муж строго.

— А вот Галя — моя приятельница — тоже называется менеджером, а на самом деле продает обувь в фирменном магазине.

— Вообще-то, по большому счету...

Санька почесал затылок. Тогда ведь он вслух и выразил удивление, почему вообще он на этой базе торчит. Давно мог бы уйти. Но привычка, лень... Словом, если что-то здесь с ним и случится, то виноват в этом будет не кто иной, как он сам.

Вот так Вика расставила все по местам, но от этого спокойнее ей не сделалось. А когда на другой день после того, как на базе пропал вагон с лесом, Санька принес домой охотничью двустволку, она всерьез испугалась.

— Зачем она тебе? — спросила Вика в момент пересохшим ртом.

А Санька сделал самое безмятежное лицо, какое только смог изобразить, и сказал:

— У отца лежит без дела, а меня ребята уже сколько времени на охоту зовут.

Спорить с ним, ругаться не было смысла. Тем более что и доказательств другой причины вроде не было. Пропал вагон? Так найдется.

Но Санька вагон все же нашел. Наверное, потратил уйму денег на междугородные переговоры. Приготовился даже ехать в Красноярск, однако оттуда заверили, что возвращают вагон туда, куда он предназначался.

Впрочем, это не принесло Виктории успокоения. Отчего-то она была уверена, что Лизавете показалось мало заслать вагон не по адресу и она сделает все для того, чтобы Петровский не смог в самое ближайшее время разрулить взрывоопасную обстановку.

Словом, в один прекрасный день перед воротами их дома остановился черный «шевроле», из которого вылезли два мужика, несмотря на лето, одетые во все черное: черные брюки и черные футболки.

Они не просто постучали в ворота — забарабанили. Как раз в тот момент, когда Вика ставила на стол тарелку борща, чтобы накормить мужа, только что вернувшегося с работы.

Санька пошел к воротам, и Вика поспешила следом.

— Что это за телка? — неприязненно спросил один из быков.

— Моя жена, — кратко ответил Санька. Вика с испугом поняла, что он этих двоих панически боится.

Странно, что сама она испугалась вовсе не их, а того, что Санька перед ними сломается. Они его сломают! Он ведь такой впечатлительный. Один у родителей, они всегда с ним носились как с писаной торбой. Вот парень и вырос уязвимым. К силовым воздействиям совершенно не готовым.

— Пойди погуляй! — прикрикнул один из мужиков на Вику, но она не двинулась с места.

— У мужа от меня нет секретов, — твердо сказала Вика.

— Иди, Вик, не волнуйся, мне всего лишь надо поговорить с ребятами, — почти спокойно сказал Санька, но Вика слишком хорошо его знала, чтобы этому спокойствию поверить.

— Иди, крошка, — грубо процедил второй из типов, — а то мы и с тобой поговорим.

— Да уйдешь ты наконец или нет? — вдруг заорал на нее Санька, так что Вика от неожиданности отшатнулась.

Первое желание было — разозлиться и уйти, будь что будет, а второе — попытаться хоть как-то защитить мужа, который по физическим характеристикам не походил на такого мужчину, который смог бы дать отпор бандитам... Как же иначе их еще назвать?!

Она нехотя пошла к дому, украдкой оглядываясь. Позвонить в милицию? И что сказать? Что двое каких-то мужчин, знакомых ее мужа, стоят у калитки и разговаривают с ним?

Вика села у стола в большой комнате так, чтобы видеть происходящее у калитки.

Наверное, она на минутку отвлеклась. Дала себя увлечь мрачным мыслям. Она пропустила тот момент, когда один из «черных», как мысленно назвала про себя неприятных посетителей, поднял руку и ударил Саньку, но она увидела, как ее муж падает, а второй со смехом подхватывает его, чтобы опять ударить.

Можно было бы побежать и выпустить Блэка, но она просто не успеет. Эти твари будут продолжать избивать ее Саньку!

И Вика бросилась в коридор, где лежал спрятанный среди всяких хозяйственных мелочей подаренный Костиком фейерверк из шести ракет, для верности завернутый в старую Санькину рубашку. Вытащила его, путаясь в этой самой рубашке и от волнения ломая ногти, не сразу смогла развернуть сверток.

Вика бросилась за спичками, смахнула на пол коробку для уже использованных и побежала на крыльцо.

— Если вы немедленно не отпустите моего мужа, — закричала она, — я расстреляю вас из этой ракетной установки!

Бандиты оглянулись на нее, увидели, чем она им угрожает, и прямо покапались со смеху!

— Веселая у тебя жена, мужик, — сказал один из них, опять хватая Саньку за грудки.

Они подумали, что женщина шутит. Вика зажгла запал и подперла станину фейерверка старой кроссовкой, чтобы ракеты не ударили в навес над крыльцом.

Гордясь собой, Вика подпалила запал, и в небо ушла первая ракета. Но оказалось, в спешке она сделала все не так, как надо — поставила станину на самый край ступеньки, и после первой ракеты станина подскочила, свалилась и стала, подпрыгивая, медленно падать с крыльца.

Все трое вздрогнули от неожиданности, но, к радости Вики, ситуацией быстрее всех сумел воспользоваться Санька. Он вырвался из рук одного из быков и побежал к дому.

Собственно, он успел сделать только несколько шагов, как Вика зажгла свои ракеты, и фейерверк стал, падая, выпускать ракеты совсем в другом направлении, чем это предполагалось инструкцией. То есть в горизонтальном направлении.

— Ложись! — страшным голосом закричал один из мужчин, плашмя падая посреди двора.

Санька тоже присел на землю у самого крыльца и даже вжался в него, со страхом наблюдая, как ударяются ракеты о его новенький забор и с воем рикошетят, грозя обрушить свою огневую мощь на лежащих ничком людей.

Наконец пришедший в себя Санька вполз по ступенькам на верхнюю ступеньку крыльца и успел втолкнуть Вику в коридор, где и уронил ее на пол. Не только ей все ронять.

Некоторое время бандиты еще лежали, словно ракеты опять могли взорваться, а потом медленно поднялись на ноги.

— Ни хрена себе, сказал я себе, — буркнул один из них и цепко взглянул на закрытую дверь домика Петровских.

— Ну, что? Будем выковыривать этих воителей? — спросил второй.

Первый оглядел себя и товарища.

— Черт знает что еще за сюрпризы есть у этой сучки. Думаю, нам надо лучше подготовиться и прийти завтра. В таком виде — грязный и злой — я вряд ли смогу разговаривать на серьезные темы.

— Ничего, он заплатит и за это, — поставил точку второй.

Они пошли со двора, не подумав даже закрыть за собой калитку. Та некоторое время так и стояла нараспашку, пока Петровские не осознали, что опасность миновала. По крайней мере на сегодня.

Глава тринадцатая

Санька поднялся с пола и подал руку жене.

«Сейчас он скажет: “Эх ты, даже фейерверк запустить не смогла!”» — уныло подумала Вика.

Но муж выглянул в окно, вышел во двор, закрыл калитку на засов, и вскоре Вика увидела шествующего по двору Блэка. Вика будто невзначай открыла дверь и услышала, как Санька говорит псу:

— Я побоялся тебя выпустить, чтобы эти уроды тебе ничего плохого не сделали, понимаешь?

И увидела, как муж неловко гладит Блэка по голове.

«Пронесло», — решила она и направилась на кухню, но почти тут же услышала за спиной голос мужа:

— Я понимаю все, кроме одного: откуда у тебя пиротехника?

— У нас на рынке купила...

— Это уже — не у вас! Ты работаешь совсем в другом месте...

— Какая разница, где я это купила? У нас, между прочим, нет запрета на фейерверки.

— Не притворяйся. Что-то я не видел такой крутой пиротехники на вашем толчке. И потом, не хочешь же ты сказать, что купила ее впрок? До Нового года еще бездна времени.

— Разве я не могу купить ее про запас? Перед Новым годом все раскупят...

Она почувствовала, что говорит уже сущую ерунду, и сконфуженно замолчала.

Санька вздохнул и посмотрел на жену как на несмышленицу.

— Я слышал все, что угодно, но чтобы фейерверк покупали для защиты... И кого же собиралась защищать моя малышка?

— Что ты, Санька, со мной как с маленькой разговариваешь?.. Нас с тобой, кого же еще?! Эта скотина тебя больно ударила?

Санька, болезненно морщась, потрогал скулу.

— Наверное, синяк будет.

— Что же ты молчишь! — вскинулась Вика. — Надо срочно лед приложить.

Она вытащила из холодильника ванночку со льдом и с размаху ударила по ней молотком. Кусок льда отлетел и попал Саньке в глаз. Хорошо, что он, наученный горьким опытом, успел зажмуриться.

— С глазом у меня было все в порядке, — хмыкнул он. — Или ты решила выбить его, чтобы скуле полегче стало?

Вроде ничего особенно обидного не сказал, но Вика вдруг расплакалась. Да что ж это делается! Муж! Самый близкий человек. Если он не станет жалеть ее, то чего же тогда ждать от людей посторонних? Вика не понимала, что это так задним числом ее достал пережитый страх.

Впрочем, ее слезы вовсе не означали, что она бросит все и станет горевать. Она продолжала укладывать в чистое полотенце лед, чтобы приложить к скуле мужа, которая уже начала синеть.

— Что же получается, — заметил он, морщась от ледяного компресса, — меня бьют, а ты плачешь?!

— Лучше бы они меня ударили! — горячо выдохнула она.

— Еще чего не хватало! — рассердился Санька. — Каждый должен сам рас-

плачиваться за свои грехи. Думаешь, происходящее со мной — роковая случайность? Это — наказание свыше.

— Сейчас ты договоришься до того, что и сопротивляться этому наказанию не стоит? Пусть тебя бьют? И даже убивают?!

От нарисованной картины Вика сама испугалась и опять принялась плакать. Санька одной рукой прижимал к ушибленному месту лед, а второй ласково гладил ее по волосам.

— Но кажется, ты их все-таки напугала.

Она улыбнулась сквозь слезы:

— Думаешь, они больше не явятся?

— Хотелось бы в это верить.

Но прозвучало у него это так уныло, что стало ясно: в такой поворот Санька не верит.

— На работу ты завтра не пойдешь, — успокоившись, сказала Вика мужу, и тот, наверное, впервые согласился с ней безоговорочно.

— Наверное, ты права.

А потом она услышала, как он звонит на работу и предупреждает директора о своем невыходе. Такой он обязательный, ее Санька, хотя Вика на его месте просто плюнула бы на предприятие, которое не может защитить своего работника. Кстати, совершенно невиноватого.

И в это время раздался лай Блэка. Как ни странно, пес впервые залаял. А сквозь лай они слышали, как кто-то усиленно колотит по калитке.

— Неужели они вернулись? — пересохшим от волнения голосом предположила Вика.

— Вряд ли, — неуверенно проговорил Санька. — Но кажется, открыть все равно придется.

— Возьми на поводок Блэка и спроси, кто там, прежде чем открыть.

Но сама при этом на всякий случай пошла следом за мужем.

И так получилось, что она раньше Саньки спросила:

— Кто здесь?

— Вика, открой, это я, — послышался голос ее отца, и Вика краем глаза отметила облегченное выражение на лице мужа.

— Здравствуйте, Павел Данилович, — сказал он ровным и спокойным голосом, делая знак Виктории, чтобы она ничего не говорила отцу. — Мы выпустили Блэка побегать, вот и закрыли, чтобы кто-нибудь не испугался.

— Тогда понятно. А то я уже бог знает что подумал, — улыбнулся отец, незаметно подмигивая Вике: Санька стоял перед ним и вроде привычно держал за ошейник их огромную собаку, словно всю жизнь имел дело с такими собаками. — Тогда звонок бы сделал, что ли, а то стучать в калитку, а не звонить как-то слишком архаично.

— Я как раз завтра собираюсь этим заняться, — кивнул Санька.

А Вика про себя посмеивалась: каждый из мужчин призывает ее в союзники, а она... должна быть умнее обоих, как это ни смешно звучит.

Например, Санька требует, чтобы она ничего не говорила отцу, но Вика понимает, что если кто и может теперь их спасти, так это ее отец. Неужели лучше обращаться к кому-то постороннему за помощью, чем к своим близким людям?

Ей понятно, что Санька не хочет выглядеть этаким слабаком в глазах тестя.

Конечно, тот первым делом подумает, что раз Санька не в состоянии защитить себя, то как он сможет защитить Викторию, если паче чаяния ей понадобится помощь?

А Санька... Он что, боксерская груша? Неужели он думает, что его жена вот так спокойно будет смотреть, как неизвестно откуда взявшиеся бандиты станут его избивать?!

Сколько, однако, усилий приходится предпринимать, чтобы на все эти подмаргивания и таинственные знаки реагировать хотя бы внешне. Все-таки настоящая женщина должна быть еще и дипломатом, если она хочет мира в своей семье. И актрисой.

— Красивая у вас собака, Саша, при этом такая ухоженная. Шерсть блестит, — между тем говорил отец.

— Вика его купает, — солидно пояснял Санька. — А вот конуру я ему построил — не у всяких такой дом есть.

— Давай, покажи мне, что это за собачий дом? — оживился отец. Мужчины пошли смотреть жилище Блэка.

— Да отпусти его, — добродушно посоветовал Павел Данилович.

Но Санька все-таки подвел пса к тестю, дал его обнюхать и строго сказал:

— Фу, Блэк, свои!

А Блэк, между прочим, и не думал ни на кого нападать. Вон он даже голову отвернул и при этом скосил взгляд в сторону Вики, как бы ища у нее одобрения.

— Молодец, Блэк, — сказала она, — ты на редкость умный пес.

Блэк незаметно кивнул. Мол, хорошо, что ты это понимаешь. Или Вика опять себе все придумывает?

Однако как же рассказать о случившемся отцу? Вика вся извертелась, просто как уж на сковородке, в попытках хоть на минутку остаться с отцом наедине, но Санька повсюду ходил за ними как приклеенный, не давая Вике этого сделать. До чего упрямый! И глупый.

— Что это у вас с забором? — спросил Павел Данилович. — Костер, что ли, жгли? Нет... Как будто взрывали что-то.

— Да, это Федька с мелкашкой хулиганил, — нашелся Санька.

Федька был приятелем Александра и в самом деле мог бы такое учудить. Обычно Петровские старались не рассказывать о его чудачествах по крайней мере старшему поколению, но чтобы порочить Федора нарочно... Слышал бы тот!

— Пойдите, у вас ничего не случилось? Вы не поссорились? — встревожился Викин отец.

— Нет, что ты, папа, между нами все в порядке, — не покривила душой Вика. И добавила: — Интересно, кто бы тогда из нас подобным образом злился? Извергая порох и пламень. Думаешь, Санька? Хотел от злости меня подорвать, но в последний момент передумал?

И при этом Виктория все также незаметно подмигнула мужу. Раз уж и отец, и Санька, как говаривала бабушка, устраивают тайны мадридского двора, она принимает их правила игры.

Отец уже шел с дочерью и зятем к калитке, как вдруг будто спохватился:

— Санек, ты как, в электрике рубишь? — Имелась в виду электрика его легковушки.

— Немного разбираюсь, — солидно кивнул Санька.

— Будь другом, взгляни. — Павел Данилович дал ему пульт сигнализации. — А я тут твоей жене кое-какие материнские наказы передам.

И вроде невзначай отодвинул дочь от машины в сторону.

— Быстро и коротко, что произошло, — проговорил он, держа в поле зрения увлекшегося разбором неполадки Александра.

— У него на работе та баба, что заимела на Саньку зуб, не дождавшись ответного чувства, пригрозила, что отомстит ему. И сделала так, что вагон вместо Краснодара ушел в Красноярск. Сегодня приходили бандиты, требовали у него деньги за утеранный вагон. Били...

— Вот, значит, как... А при чем здесь «порох и пламень»?

— Это я фейерверк зажигала, — потупилась Виктория; как она ни хотела утаить от отца сей факт, но если просить от него помощи, то скрывать ничего нельзя. — А он возьми и с лестницы свались. Ракеты в забор ударили...

— Какие ракеты?! — свистящим шепотом изумился отец.

— Обычные, те, которые для фейерверка запускают. Ты не беспокойся, продавец пиротехники, мой знакомый, научил меня, как ею пользоваться.

— Ты хоть понимаешь, что люди могли пострадать?!

— Тише, папа, что ты кричишь? Никакие это не люди. Они в два раза сильнее Саньки, да еще и били его в четыре руки.

— Между прочим, суд бы на это не посмотрел... А твой Санька, значит, решил справиться с проблемой своими силами?

— Типа того.

— Гордый хлопец. Только он одного не понимает, что в этом случае он не только свою голову под топор подставляет, но и твою.

— Как — под топор? — испугалась Вика.

— Ладно, не бледней, я что-нибудь придумаю.

— Спасибо тебе, папа.

— После будешь благодарить, — отмахнулся тот, тем более из машины как раз вылез недоумевающий Санька.

— Вроде все в порядке, Павел Данилович.

— Сначала и правда было все в порядке, а потом ни с того ни с сего... — пробормотал задумчиво Хмельков, но тут же спохватился: — Сейчас по дороге заеду в автомастерскую. Может, какой-нибудь проводок отходит.

Он сел в машину, взмахнув рукой в знак прощания.

— О чем вы говорили? — как бы равнодушно поинтересовался Санька.

— Да мама все насчет моего восстановления в университете беспокоится... Знаешь что, давай я позвоню сейчас своей подруге Миле, у нее знакомый врач как раз в нашей поликлинике. Возьмем тебе больничный на три дня и подождем, может, все устаканится на твоей базе.

— В каком смысле? — не понял муж.

— Ну, может, вагон наконец придет или другого виноватого отыщут?

— А если...

— Утро вечера мудренее, — сказала Вика и в эту минуту вдруг показалась Саньке и вправду мудрее и даже старше его.

Но в ближайшие два дня ничего не произошло. Санька сидел дома как бы на больничном, но, будучи человеком хозяйственным, не мог бездельничать, когда их пусть и маленькая семейная усадьба требовала рабочих рук. Потти-

хоньку он закончил месяц назад начатый забор.

Вика ходила на работу, а он, и прилаживая доску к доске, механически вбивал в нее гвозди и после каждого удара прислушивался: не пропустил ли он телефонного звонка.

Но к обеду звонила только Вика и требовала, чтобы муж обязательно поел.

А через два дня на отцовской машине с шофером приехала возбужденная Вика и бросилась к Саньке на шею, всего обцеловала, как будто он сделал ей долгожданный подарок, хотя на самом деле подарок сделала ему она.

— Санька, — закричала Вика с порога, — Санечка, милый, поздравляю! Твой вагон пришел.

— Так быстро? — удивился он, но тут же посуровел: — Сам пришел или Павел Данилович поспособствовал?

Нет, этот человек совсем не имеет чувства благодарности. Другой бы радовался, руки жене целовал, а он недоволен.

— Я же просил тебя ничего отцу не говорить! — желчно упрекнул Вику муж и посмотрел на нее при этом безо всякой симпатии.

— Когда-нибудь ты доведешь меня, и я насыплю тебе в суп мышьяку, — в сердцах сказала Вика.

— Подумаешь, испугала! Вон недавно в молочный кисель ты вместо крахмала соду насыпала, и ничего, выжил.

— Да ты просто неблагодарный! — закричала Вика. — Можешь не признавать папиных стараний, а взять да и переадресовать вагон обратно!

В общем, вместо того чтобы отпраздновать избавление от бандитского наезда, супруги Петровские поссорились. Вика хотела все же сказать Саньке, что в загородке Блэка ненадежная щеколда, но от злости совсем об этом забыла.

А на другой день случилось событие, которое, по словам Вики, чуть не сделало ее заикой.

Она возвращалась с работы на трамвае, хотя и Санька предлагал за ней заехать — пытался замолить свой грех, — и отец предлагал. Но в первом случае Вика отказалась, потому что все еще сердилась. А во втором — потому что не хотела при сослуживцах отца подчеркивать свое привилегированное положение в фирме, куда она только что устроилась работать.

В общем, она вышла из трамвая и пошла домой. Ей нечего было опасаться. Можно сказать, белый день, шестой час вечера, но солнце еще светило вовсю.

Вика зашла в магазин за свежим хлебом, и ей показалось, что за ней кто-то следит. Она тут же мысленно себя высмеяла — кто бы стал следить, тоже мне, персоне.

Но, уже подходя к своему двору, Вика не выдержала и обернулась — действительно, по улице шел какой-то человек в джинсах и бейсболке и вроде смотрел себе под ноги, так что его лица не было видно. Ну, идет себе и идет. Но когда она остановилась, чтобы рассмотреть его поближе, человек вдруг ненатурально споткнулся, нагнулся и стал якобы завязывать шнурок на кроссовках.

Она вытащила ключ от калитки — да, теперь у них калитка запиралась. Замок поставил Санька, когда вынужденно сидел дома и приводил в порядок домашнее хозяйство.

Сегодня дома его не было. Он вышел на работу в фирму, куда порекомендовал его Викин отец. Спасибо хоть Петровский не сопротивлялся. Знал, что на

хорошую работу с улицы не устроишься.

Ключ никак в замочную скважину не хотел вставляться, напрасно Вика старалась его туда пропихнуть.

— Давайте, девушка, я вам помогу, — раздался у нее за спиной вкрадчивый голос.

Оказывается, подошел тот самый, что, как она думала, шел за ней. Он вынул перочинный нож, что-то из скважины выковорил и легко вставил ключ, открыв калитку.

— Старый способ, — довольно ухмыльнулся он, приподнимая козырек. — Но всякий раз срабатывает как надо.

Услужливая память тут же подсказала ей:

*Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись» —
Но было поздно.*

Виктория взгляделась в его лицо и ахнула: это же тот самый, один из двоих, что приходили не так давно к Саньке, тот самый, что первым ударил ее мужа! Она похолодела. И спросила глухо:

— Что вам от меня нужно?

— Надеюсь, гранаты в сумочке ты не носишь, — сказал мужчина, бесцеремонно заглядывая в ее сумку. — Заходи, заходи, — он больно стиснул ее локоть и прямо-таки втолкнул во двор, — что же у ворот разговаривать.

А потом сам закрыл калитку и задвинул ее на засов.

— Чтобы нам не помешали, — гнусно ухмыльнулся он.

— Чего вы хотите? — опять спросила Вика, потому что от собственного молчания ей становилось еще хуже.

— Чего можно хотеть от такой ладной малышки? Не догадываешься?.. У нас с тобой есть о чем поговорить, не так ли?.. Знаешь, как наши пацаны теперь меня зовут? Жертва пиротехники. Понятное дело, не козел и не петух, но так, по-ученому, еще хуже. Наш пахан в институте учился, вот он и придумывает. Баба, говорит, вас развела. Причем не какая-то опытная-битая, а совсем соплячка. Видел он тебя, когда на лесбазу приходила...

— Мне двадцать один год, — зачем-то сообщила ему Вика. Она совершенно-летняя даже по европейским меркам.

— А выглядишь на восемнадцать... Ты в сторону-то не уводи. Кликуха обидная?

— Я думаю, не очень, — опять осмелилась заметить Вика.

— Вроде и не слишком обидно, но когда это говорят все и даже самая последняя шестерка... Вчера нам с Серым сказали: отбой, он обрадовался, но я подумал, что за тобой должок. Некоторая опасность была, что у тебя еще боеприпасы имеются, но я подумал перехватить тебя, как говорится, в пути. К дому. Не в сумочке же ты его носишь, свой боезапас. И угадал. — Он гыкнул. — Опять встала столбом. Соображай быстрее. К тебе гость пришел. Крути педали! Веди в дом.

— Никуда я вас не поведу! — уперлась Вика.

— Я думал, у вас в семье только мужик тупой, оказывается, и ты не лучше. Не понимаешь? Придется вразумить.

Он ударил Вику по лицу. Никто никогда не бил Вику, а тем более по лицу. Она вначале хотела разрыдаться — так ей было обидно, а потом разозлилась и кинулась на бандита с намерением расцарапать ему физиономию, но он легко перехватил ее руки.

— Не вразумил? Придется еще поучить...

— Блэк! — жалобно закричала Вика. — Спаси меня!

— Какой, к черту, Блэк! Кого ты зовешь... — начал было бандит, но договорить не успел.

Будто огромная черная молния вылетела из-за дома и метнулась к удерживающему ее мужчине. Тот дико заорал, когда челюсти огромной собаки сомкнулись на его правой руке.

— Убери собаку! Убери, я больше не буду! — И взвыл так, что Вике в момент стало его жалко.

— Не надо, Блэк, отпусти его, — сказала Вика, и пес неохотно разжал челюсти, но от обидчика хозяйки не отошел и продолжал глухо рычать, опустив морду чуть ниже, как раз напротив гульфика.

Бандит пятился сколько мог, под конец за его спиной оказался забор, и он ощутимо ударился об него спиной. Он попытался было опустить руку в карман, где, наверное, прятал нож, но от свирепого рычания Блэка сделался мучнисто-белым и замер, боясь пошевелиться.

— Отпусти меня, — жалобно всхлипнул он и вдруг заплакал. — Я боюсь собак... откуда она взялась, мне говорили, что у вас нет никаких собак.

— Что-то ты сразу скис. Молодец против овец, а против молодца и сам овца? Как видишь, я свое оружие не только в доме прячу, у меня и снаружи кое-что имеется, — сказала Вика, с удовлетворением констатируя унижение своего обидчика.

Что же ей теперь с ним делать? Она решила позвонить отцу. Настроение у него оказалось неожиданно благодушным. И даже легкомысленным. Правда, при сообщении Вики о том, что нападавший ее ударил, Павел Данилович тотчас отбросил шутки в сторону.

— Ударил, говоришь?!

— Мне совсем не было больно, — соврала Вика; она вовсе не хотела, что называется, раздувать пожар.

Вот так всегда: позвонила всего лишь узнать, что ей делать, а теперь, кажется, и отец засобирался приехать, разбираться с рэкетиром.

— Говоришь, Блэк его караулит? — переспросил он и пояснил: — У меня в кабинете как раз твой муж сидит. Он так разволновался за тебя. Говорит, сейчас приедет.

— По-моему, этот бандит от страха описался! — выпалила Вика и смутилась: зачем рассказывать такие подробности? Еще подумают, что она нарочно смотрела на это место и потому заметила...

— Думаю, стоит позвонить в милицию... погоди, Александр, не дергайся. У нее прекрасный защитник... Сейчас мы приедем оба!

— Лучше я его отпущу, — сказала Вика, — зачем мужика добивать?

— Что ты говоришь? Добивать! — услышала она возмущенный голос Саньки. — Надо на него Блэка натравить, а потом избить его ногами, а потом...

— Сань, мы же не бандиты, — тихо сказала Вика.

— А если они другого языка не понимают?! — возразил ей муж.

Вика поняла, что надо делать. Она вернулась во двор и взяла слегка упирающегося Блэка за ошейник. Наверное, пес считал, что хозяйка все же отдаст ему своего обидчика на растерзание.

Почувствовав, что угроза расправы от него отодвинулась, замерший до того в неподвижности бандит медленно сполз по забору на землю.

— Чего это ты здесь расселся? — нарочито сурово спросила его Вика. — Тут тебе не городской парк.

— Ты меня отпускаешь? — вяло удивился он.

— Что же мне тебя на жаркое пустить? Слишком долго вымачивать придется, у меня столько времени нет.

— А ты собаку не отпустишь?

— Что я тебе, эсэсовка? Или такая, как у твоего отца дети?

Уже у калитки он обернулся и посмотрел на нее долгим взглядом.

— А ты не скажешь? Ну знаешь, меня же засмеют... А я с детства... собака меня покусала... Года два заикался, все не мог от испуга отойти.

Ну не дурак ли? Приперся, можно подумать, звали его, да еще торгуется.

— Больше никому не скажу, — пообещала она; а потому больше, что Санька с папой уже знают. Но они вряд ли станут кому-то хвастаться.

Глава четырнадцатая

Она закрыла за незадачливым бандитом калитку и обняла Блэка за шею. — Спасибо тебе, моя добрая псина. Видишь, я тебя приютила, а ты в ответ спас меня. Получается, мы друг друга выручили. Наверное, так люди и должны жить — в единении с животным миром. Только почему-то они не думают об этом.

Блэк шутливо боднул ее головой.

— Хочешь, чтобы я с тобой поиграла? Некогда, маленький. Санька придет с работы, а мне и покормить его будет нечем. Лучше мы попозже вечером с тобой по парку погуляем.

Гулять Блэк любил, но делал это не совсем так, как Вика это себе представляла. Он не бегал, по дорожкам, как другие псы, когда Вика спускала его с поводка, не носился просто от избытка сил, а все время словно что-то искал. Как если бы Виктория дала ему такую команду. Или вдруг садился и смотрел куда-то вдаль, не сразу откликаясь на голос хозяйки.

Вечером после ужина она с Санькой опять сидела на крыльце, и уже привычно прижавшийся к их ногам Блэк тихо млел от того, как оба хозяина поглаживали его. И Вика призналась:

— Сегодня я наступила Блэку на лапу. Он, бедненький, даже взвыл. Но разве уследишь, когда пес ходит за тобой как привязанный, будто боится выпустить меня из поля зрения, словно на меня опять может кто-то напасть.

— Значит, теперь нас будет двое, — пошутил Санька. — Тех, кто станет беречь тебя и от лихих людей, и от себя самой, что порой равноценно.

На этот раз Вика на Саньку не обиделась. Трудно ему, наверное, с такой женой. От этих мыслей она всегда начинала относиться к себе еще хуже, чем обычно.

И, как обычно в подобных случаях, ей опять вспомнилась бабушка. Она и сказала об этом:

— Бабушка всегда меня успокаивала. Это, говорила, у тебя крылья растут.

— Крылья? — не удивился Санька. — А может, она была права.

— Я понимаю, ты меня просто успокаиваешь. Но чаще всего я сама себе не рада. Может, мне к психотерапевту сходить? Есть же, наверное, таблетки какие-нибудь... я не знаю, для памяти или для координации движений.

— Что ты придумываешь! — сказал Санька, обнял ее за плечи и притянул к себе. — Все образуется. Вот появится у нас с тобой ребенок...

— Ребенок? — обрадовалась Вика. — Значит, ты и в самом деле не против.

— А чего я должен быть против? Материнский инстинкт, говорят, очень мощный фактор.

Вика украдкой вздохнула: в голосе мужа не было особой убежденности. Похоже, он на полном серьезе считает, будто ребенку, в случае если у Вики не будет присутствовать этот самый инстинкт, станет угрожать сама мамаша, то есть Виктория?

Интересно, будь на его месте другой мужчина, как бы он себя вел? Так же посмеивался над ней, не обращал внимания, считая это не главным?..

— Но если и не образуется, — между тем заключил Санька, — я все равно буду любить тебя не меньше, чем теперь.

Успокой! Считает, будто она вообще безнадежна? Вот именно это называ-

ется любовью — такое снисходительное отношение?

В момент происходящее будто разделилось для нее на две части. В одной она сидела и кивала в ответ на слова мужа, будто маленькая глупая кукла, а в другой — холодно анализировала ситуацию и его слова.

— Правда. — Он поцеловал ее в нос. — Дороже тебя у меня никого нет и не будет!

А ведь совсем недавно... Нет, прочь, таким мыслям в ее голове не место!

То ли потому, что именно тогда появилась эта незаметная полоса, что делила для Виктории окружающий мир на две такие разные половины, то ли еще почему, а только впоследствии оказалось, что для четы Петровских это был последний идиллический вечер. Вот только что все было прекрасно, они собирались жить вместе долго и счастливо, ничего больше этому не мешало, но...

Сама Виктория откликнулась на это событие стихами любимого поэта:

*Подвела меня — ведь я предупреждал! — дышалка:
Пробежал всего два круга — и упал, — а жалко!*

Идиллия на то и идиллия, чтобы быстро заканчиваться. А что было до нее?

Осознание Викой того, что она как женщина не хороша? Казалось бы, любящий муж должен был ее в этом разуверить, но он лишь усугублял ее комплексы. Или его устраивала покорность Вики и уверенность в том, что она гораздо хуже своего мужа?

А что, если вся их предыдущая семейная жизнь держалась лишь благодаря постоянным усилиям Вики представить мужа тем, кем он по жизни не был? Откуда эта постоянная снисходительность к ней, той, которую он великодушно решил наградить, наконец, званием будущей матери своего наследника?

Еще ничего не случилось. Еще улыбался Виктор Александр с облегчением от того, что все позади, и он никуда не ушел, и с Лизаветой все уладилось, еще улыбалась ему Виктория, но она уже ощутила в груди щемящее предчувствие грядущих перемен...

В их молодой семье с самого начала главенствовал Александр. Виктория благоразумно отошла в тень и позволяла ему править их крошечным королевством, внося временами в семейную кантату ту или иную ярко окрашенную ноту.

Санька решал, быть или не быть ребенку. Оставить или нет у них дома Блэка. Вернуться ему в семью или создать другую. Он так к своему главенству привык, что думал, это положение сохранится навсегда.

Но заслужил ли он вообще такое право, вот в чем вопрос!

Вика понимала, что ее сомнения в своем муже, которого она прежде безоглядно боготворила, ни к чему хорошему не приведут, но не думать об этом уже не могла.

А раз так, то придется ей самой беспокоиться о своем будущем. И пока в нем присутствует Санька... Вот как она заговорила — пока!

В общем, отец Вики решил Санькину проблему. Пригнал обратно вагон с лесом, так что оставалось лишь догадываться, во что это ему обошлось.

В любом случае избавились от следствия, а причину... А причина продолжала себе жить и работать в полной уверенности от того, что за свои козни не получит никакой расплаты.

Вика понимала, что опять идти на базу, говорить с Лизаветой, угрожать —

глупо. Она не испугается, если каким-то образом подняла на расправу с Санькой бодигардов самого Махмуда, считавшего базу чуть ли не своей собственностью.

Кто знает, может, она всего лишь подняла телефонную трубку и сказала тому, кто ждал злополучный вагон, что в результате махинаций старшего менеджера Петровского он не получит древесины, которая ушла совсем в другой адрес, что при проверке и подтвердилось.

А возможно, Махмуд — какой-нибудь ее дальний родственник, которому понадобилось назвать только имя, как Саньку тут же взяли в оборот.

В общем, Вика позвонила отцу и наврала с три короба, что ей нездоровится и до обеда она сходит к врачу, а потом выйдет на работу. Разрешение было получено, тем более что ничего срочного в делах фирмы сегодня не предвиделось.

Вика поехала на свою предыдущую работу, чтобы поговорить с Костиком. Разве он не сказал ей, что поможет, если она будет в его помощи нуждаться?! А сейчас как раз такой случай. Если на то пошло, она не знает, что ей ждать от завтрашнего дня, так как некая зловредная баба ополчилась против ее семьи и, несмотря на все принятые меры, кажется, не собиралась оставлять ее в покое.

Костика она нашла сразу, как обычно. И он ей не удивился. Только спросил:

— Созрела, значит?

И подмигнул ей, словно между ними была какая-то общая тайна.

Но Вика не стала с ним шутить и смеяться, а сразу взяла быка за рога:

— Костик, мне нужна твоя помощь.

— Что, так серьезно?

— Давай я тебе все расскажу, а ты сам решишь, серьезно или нет?

— Давай, — согласился он, — только пойдем в шашлычку. Там с утра никого нет, а то я проспал и без завтрака остался. Володька приехал, сигналит! Тут кусок в горло не полезет. До чего обязательный пацан. Он меня уже достал своей пунктуальностью!

В шашлычной делали не только шашлыки. Толстая румяная деваха недалеко от мангала жарила на плите вкуснющие беляши, так что Вика не удержалась и тоже взяла себе поесть — беляш и стакан томатного сока.

— Рассказывай, — кивнул Костя с набитым ртом, — еда не влияет на мой слух.

Вика рассказала Костику полную версию в отличие от той, что предназначалась для ушей отца. Отчего-то она его совсем не стеснялась, как будто он был ее старшим братом. Просто иногда наивным, как все мужчины, потому она и ощущала порой превосходство над ним. Но это в обычных житейских делах, а в таких, с которыми Вика прежде не сталкивалась, именно от Константина она могла получить стоящий совет.

— Я чувствовал, что у тебя не все ладно, — прожевав очередной кусок шашлыка, буркнул он, — но чтобы настолько... Какие все-таки мужики бывают недоделанные. И что интересно, при них всегда лучшие бабы. Вместо того чтобы ему яйца отрезать, она думает, как бы его, бедненького, защитить.

— Костик!

— Что — Костик? Видно, баба эта здорово осерчала, если даже к ребятам

Махмуда обратилась.

— Это вовсе не факт.

— Факт! Тебе еще повезло, что твой отец — не последний человек в городе и все уладил, а так тебе с твоим муженьком могло прийтись совсем кисло. Тогда что тебе от меня надо?

— Наказать ее, чтобы впредь неповадно было.

Константин внимательно посмотрел на Вику, словно увидел в ней то, чего прежде не замечал. Покачал головой с каким-то мудрым сожалением:

— Муж твой с базы ушел? Ушел. Дела все сдал? Сдал. Послушай старого хулигана: не тронь «г», не будет «в»... А то, хочешь, я тебе еще один фейерверк подарю? Пойди и подорви эту Лизавету прямо в ее кабинете.

— Меня же посадят!

— Зато отомстишь.

— Костик, ты издеваешься, да?

— Глупенькая, я всего лишь предостережь тебя хочу. Ну хорошо, поедем мы с Вовчиком, украдем твою Лизавету, посадим в подвал, прикуем к батарее, будем держать на хлебе и воде... Этим ты удовлетворишься?

— За кого ты меня принимаешь?!

— Есть еще вариант. Подговорю ребят. Они Лизавету встретят, поставят на хор...

— На хор?

— Групповое изнасилование, значит.

— Костик!

Вика заплакала. Константин быстрым движением пододвинул к ней стул, обнял и прижал к ее глазам свой носовой платок.

— Перестань. А то люди подумают, что я тебя обидел, до слез довел. Ты все неправильно поняла. Лизавета — вовсе не причина, как ты считаешь. Она как раз следствие. А причина живет рядом с тобой в одном доме и спит в одной постели. Знаешь, сколько у нас в городе таких Лизавет? Тысячи. И всем ты будешь мстить? И каждую к батарее приковывать?

— А что же мне делать? — горестно проговорила Вика, возвращая Костику платок.

— Думать. Чего ты от жизни хочешь? Мне как-то старый-престарый анекдот рассказали насчет того, какую жену лучше иметь — красивую, но неверную или некрасивую, но верную.

— И какую лучше? — улыбнулась Вика.

— Некоторые мужики считают, что лучше есть торт в обществе, чем г... в одиночку. — И он первый захохотал. — Ладно, ладно, только без обид. А то, ишь, глазами засверкала. Мол, мне так плохо, а он все в шуточки переводит. Ты же умная девочка. Сейчас в тебе вовсе не разум говорит, а обида. А как же ты думала, с красавчиком жить и ничего за это не платить!

— Ты же его не видел!

— Видел. Нарочно поехал посмотреть, кого наша Вика так любит, что никого другого и не замечает.

— Я не знала, — смутилась Вика.

— Теперь знай. Я за тебя в огонь и в воду пойду. Только если буду знать, что тебе от этого лучше будет. А в этом случае ведь не лучше?

— Не лучше.

— То-то же.

Странно, но Вика почувствовала облегчение от беседы с Костиком. Если разобраться, вроде зря поехала, зря разговоры разговаривала...

— Спасибо тебе, — сказала Вика и поцеловала Константина.

— За что? — удивился он. — Я же ничего для тебя не сделал.

— Ты мне глаза открыл. Хотя до этого я могла бы додуматься и сама.

А до чего Вике следовало додуматься? До того, чего она хочет от своей семьи. Как все женщины, она, конечно, мечтала об идеале. Идеала нет. Но женщины как-то приспособляются. А она и приспособляться не хотела, и отказываться от Саньки — тоже.

И вообще, она могла бы обратиться к кому-то другому, кроме Костика, но тут он прав. И Владимир Семенович в свое время мудро заметил: «Но всех не побьешь, их ведь много!»

— Вика, а что ты здесь делаешь?

Мама! Где бы еще она могла встретиться с родной матерью?!

— Да вот, получала остатки расчета, — соврала она и даже движение сделала, будто собирается сумку открыть и кошелек показать. Не рассказывать же матери, что на самом деле пыталась нанять парней, чтобы проучили бывшую соперницу.

Вот что надо было себе сказать, это самое слово: бывшая! Радуйся, что тебя предпочли. Хотела соломку подстелить? Думала падать на том же самом месте? А ведь вполне возможно, Лизавета все-таки утомилась. Решила не играть с огнем.

— А вы что здесь делаете?

Мама вела за руку своего трехлетнего сына, Викиного брата по матери. Вика тут же взяла Антошку на руки и стала целовать и тискать. До чего этот братик хорошенький и как вкусно пахнет молоком! Если у нее через год родится ребенок, дядя Антон будет старше его всего на четыре года!

Мама с грустной улыбкой смотрела на нее. Наверное, думала о том же.

— Поставь его, Вика, он же тяжелый. Я сама его пару кварталов пронесу — руки отваливаются. Босоножки у него порвались. Вторые за неделю. Сегодня хватились — в детсад идти не в чем. Пришлось позвонить, предупредить, что мы придем позже. Хочешь, походи с нами, помоги выбрать, а потом я тебя на работу отвезу. Только сначала — Антошку в садик.

— Не хочу в садик! — заныл братец.

— А придется, — сказала мама и строго прикрикнула: — И не ной, а то игрушку не куплю!

Мама у Виктории молодая. Ей всего тридцать девять лет. Вику она родила в восемнадцать. Любовные игры с будущим Викиным отцом закончились беременностью, и Хмельков, студент института, женился на семнадцатилетней школьнице, как и положено порядочному человеку.

Он был первой любовью юной Наташи, мнилось, героем ее романа, но, как часто случается с первой любовью, она кончилась. Чувства Павла Хмелькова к юной жене тоже быстро перегорели, но тем не менее они прожили вместе целых пятнадцать лет, пока не разошлись и не создали каждый вторые семьи, на этот раз построенные совсем на другом принципе.

Мама Вики тоже пошла в бизнес, но в женский. Стала известным в городе косметологом. Недавно у нее появилась собственная клиника, в чем, как подо-

зревала Вика, ей помог бывший муж. Правда, нынешний об этом не догадывался. Вернее, когда хотел было поинтересоваться, откуда у жены оказалось столько денег, его уболтали. Откуда деньги? Откладывала. Почему втайне от мужа? Хотела сделать сюрприз. Хотя какой сюрприз, он вовсе не возражал против занятий жены...

Антон отвезли в садик, и теперь родительница на собственной машине везла Вику на работу к офису фирмы отца.

— Да ты меня совсем не слушаешь! — Мама проницательно взглянула на Викторию. — Проблемы с мужем?

— Почему с мужем? — ненатурально удивилась Вика.

— Догадываюсь. Слишком он у тебя красив.

— Ты так считаешь?

— А ты нет? — передразнила ее мама. — Вы могли просто поссориться, но это тебя не толкнуло бы в черную меланхолию.

— Ну ты и слова подбираешь!

— Стараюсь. Значит, случилось что-то серьезное. Пошел на сторону? Вероятно, хотя инициатива вряд ли исходила от него, но поплыть по течению — вполне мог...

Что такое мама говорит! Вика поняла, что должна возмутиться, прекратить такие разговоры. Стоило Саньке чуть оступиться, как все на него буквально набросились. И стали высказывать о нем мнения, которые прежде держали при себе. Может, это оттого, что она не пресекает их?

— Проблемы, — согласилась Вика. — И ты правильно сказала: сходил на сторону. Я как раз шла и думала, простить его или сразу разойтись?

Это было не совсем правдой. Такие мысли посещали Вику, но раньше. Теперь она обещала Саньке все забыть и больше об измене не вспоминать. Но так получается, что жизнь сама напоминает ей об этом.

— Вот даже как стоит вопрос?

Мать подняла брови, но при этом не отрывала глаз от дороги. Она вообще человек очень сосредоточенный. Интересно, в кого удалась Вика?

— Обидно же.

— Понятно. К сожалению, в таких вопросах советов лучше не слушать. Я, как мать, пусть и не слишком хорошая, все равно первым делом думаю о том, чтобы ты была счастлива...

— Мама!

— Чего уж там! Увлелась собственными переживаниями, а твое воспитание свекрови доверила.

— Считаешь, бабушка меня плохо воспитала?

— Спаси Бог! Я была бы в таком случае неблагодарной свиньей... Но возможно, ты все-таки что-то недополучила. Может, от того в тебе нет уверенности в себе. Ты не знаешь себе цену, в этом мы с твоим папой одного мнения.

— И что нужно делать, чтобы поверить в себя?

— Поставить перед собой цель и достигнуть ее.

— А если такой цели нет?

— Значит, ты неправильно живешь! — Мама проговорила эти слова категорическим тоном и спохватилась: — Не слушай меня, доченька! Менторствовать легко. А когда самого касается... Молоденькая ты еще. Мудрость с годами приходит. Как бы родители ни пытались убереечь детей от ошибок, те все рав-

но их делают. Папа говорил, что я собираюсь к вам приехать?

— Говорил. Только я хочу тебя попросить: пока не приезжай.

— Ты отказываешь мне от дома? — обиделась мать.

— Что ты, мамочка, что ты! Просто так совпало, но и папа, и ты вдруг одновременно вспомнили обо мне. И срочно стали оказывать знаки внимания... Прости, но Санька подумает, я вам на него пожаловалась. Обидится.

— Вся ты в свою бабушку: как бы кого не обидеть! Но то, что надо, я услышала — «вдруг одновременно вспомнили». Поделом мне! А потом, когда все наладится, ты меня пригласишь?

— Конечно. Вот на мой день рождения приходи.

— Так еще целых три месяца!

— Зато у меня будет время все свои проблемы решить.

— Все проблемы ты не решишь никогда, — грустно заметила мать, останавливая машину возле отцовского офиса.

Она поцеловала Викторию.

— Будь благоразумна, моя девочка!.. Но звонить-то тебе я могу?

— Звонить? Конечно. Звони сколько хочешь!

Вика проводила глазами удаляющийся автомобиль матери, испытывая при этом облегчение. Всему свое время. Даже материнская забота может оказаться запоздавшей.

Глава пятнадцатая

Примерно месяц спустя после того, как Вика стала работать в фирме отца, Павлу Даниловичу позвонил один из его друзей и чуть ли не со слезами сказал примерно следующее:

— Помоги, Павел, заболела переводчица, а к нам, как назло, англичане едут. Понемногу-то у нас многие спикают, а чтобы в совершенстве — никого нет. А не хотелось бы чего-то из делового разговора упустить. Есть у тебя такой человек на примете? Лучше, конечно, молодая и хорошенькая, тогда любой переговорщик невольно расслабляется и с ним не в пример легче договариваться. Говорят, будто к англичанам это не относится, но, поверь мне, все враки, английские мужчины так же могут оценить женщину, как и всякие другие...

— Ишь ты какой! — хохотнул Павел Данилович. — А я только что собрался предложить тебе нашу Аделаиду. Вот кто действительно профессионал, виртуоз! Знает в совершенстве пять языков! А возраст... Так ли уж важен тебе возраст? Ну, пятьдесят три ей, не восемьдесят же!

— Издеваешься? — На том конце провода сникли. — Значит, нам в агентство обращаться? Но ведь встреча моя — сплошь коммерческая тайна, а кто знает, кого они пришлют...

— Ладно, — согласился Павел Данилович. — Пришлю тебе свою дочь. Правда, знает она только один язык — английский, зато в совершенстве. Или у тебя еще какие иностранцы будут?

— А она хорошенькая?

— Не хочу хвастаться, я же все-таки отец. Но говорят...

— Понятно. Если она, как и ты, умеет хранить секреты.

— За это я ручаюсь.

— Тогда выручи, Паша, век не забуду.

— Пустяки, такая малость... Но я подумаю, что с тебя за это взять.

Виктория ничего неожиданного для себя от наступающего дня не ожидала. Она проснулась утром в превосходном настроении. Санька сегодня встал раньше ее, и Вика слышала, как он плещется в ванной. Минуточку, а как же Блэк?

Муж почти тут же возник на пороге спальни.

— Ты проснулась, Малыш, это хорошо. Я сегодня не успею с собакой погулять. Сделай это за меня, а?

В принципе гулять по утрам было не обязательно, но они так завели с некоторых пор, да и Блэку целый день скучно одному во дворе. Но время! Знала бы заранее, не залеживалась в постели.

— Что же ты молчал? — рассердилась Вика. — Я же могу опоздать на работу. Тем более что ты меня не отвезешь, ведь так?

— Так. Но я тороплюсь, прости, шеф просил сегодня съездить на объект, а это за городом.

— Так ты что, сегодня не вернешься?

— Отчего же? Вернусь. Но сейчас — извини. — Он что-то положил на журнальный столик. — Вот, возьми такси, а Блэка далеко не води. Вечером я с ним подольше погуляю. Так сказать, в порядке компенсации.

— У тебя появились деньги?

Вика вдруг почувствовала тревожный сигнал. До сего момента деньги у них были общие. Все свои доходы Петровские складывали на полочку в серванте. Теперь, выходит, у Саньки появилась заначка. Но зачем она ему, если Вика все равно его доходы не контролирует и по карманам не лазит?

— Директор выдал аванс. Вернее, он сказал, на представительские расходы. Но я думаю, что такси как раз в этот список входит.

Муж наклонился над лежащей Викой и чмокнул ее в щеку:

— Ну, будь умницей! Я побежал.

— Погоди, а завтрак?

— Не беспокойся, перехвачу что-нибудь по дороге.

Это он крикнул уже из коридора. По голосу Вика поняла, что Санька как раз зашнуровывал туфли. У него всегда такой полупридушенный голос, когда он наклоняется. Мог бы и зарядку делать, раз так тяжело даются ему наклоны...

Впрочем, сама Вика тоже о зарядке не подумала. Она даже не умылась, а так, вытерла лицо влажной ладонью, натянула джинсы и красную футболку. Будет гулять как семафор. Чтобы издали было видно, а то есть водители, которые гоняют по тихим улочкам окраины, как по автобану.

Наверное, этими мыслями она и притянула случившуюся несколько позже неприятность, потому что провидческого дара никогда в себе не ощущала.

Когда Вика вышла на крыльцо, у которого дремал Блэк, пес радостно встрепенулся. Все-таки, несмотря на все усилия Саньки, он отдавал ей явное предпочтение. Точнее, не слишком явное — они оба понимали, что Александру это будет неприятно, но когда оставались одни, то давали волю чувствам...

Наверное, никто бы такому утверждению не поверил, но Блэк своей хозяйке всегда радостно улыбался.

— Сегодня я с тобой погуляю, — сказала ему Виктория, вынося поводок. — Ты ведь не возражаешь?

Блэк не возражал. Они погуляли по тротуару перед двором, а потом Вика подумала, что если она не станет тратить время на макияж, то вполне успеет пройтись с собакой по парку, который располагался через дорогу от их дома.

Машину, которая мчалась по встречной полосе, она заметила сразу и резко остановилась. Разве такому лихачу объяснишь, что она стоит на «зебре», значит, у нее преимущество? Он летел как на пожар, не признавая никаких правил. А Вика, между прочим, еще пожить хотела.

Она притянула и Блэка за поводок, мол, давай переждем, но он — всегда такой чуткий и послушный — вдруг бросился вперед, вырвал у нее из рук поводок и помчался через дорогу.

Что с ним случилось? То ли увидел кого, то ли учуял, об этом Вика узнать не могла. Она не думала, что такой пес, говорят, прямо с молниеносной реакцией, вдруг не заметит опасности в виде машины и чумного шофера, который вовремя не сообразил нажать на тормоз.

И случилось то, что случилось. Визг тормозов полоснул ее по нервам, тело Блэка ударом отбросило в сторону, и одновременно с ударом закричала Вика. Так громко и страшно, как она прежде никогда не кричала. И не сразу сдвинулась с места, потому что ее раздирали одновременно два желания: кинуться, посмотреть на Блэка — может, он жив? — или броситься к водителю, чтобы задушить его прямо в машине.

Блэк был жив. Он сделал попытку подняться навстречу своей хозяйке, но

не смог. В глазах пса была такая вина и такое страдание, что Вика разрыдалась.

Она не знала, что делать. Взять пса на руки, отнести домой, но она не сможет, Блэк слишком тяжелый.

— Девушка!

Ее осторожно тронули за плечо. Он, тот самый водитель! Молодой мужчина, не больше тридцати. Конечно же, он куда-то торопился и не смотрел на дорогу. Убийца! Что он там бормочет?

— Я нечаянно. Я не ожидал, что он бросится бежать. Прямо под колеса. Давайте отвезем его в ветеринарную лечебницу! Я знаю адрес. И заплачу за лечение. Ну простите меня, я и сам ужасно огорчен...

— Ты — огорчен? Да знаешь, что это за пес? Если он не выживет, я не знаю, что с тобой сделаю!

— Хорошо. — Мужчина покорно склонил голову. — Только давайте его все же отвезем, он же истечет кровью.

Конечно же, Вика была расстроена, конечно, она переживала травму любимой собаки, но разве это повод вот так хамить? У нее в голосе появились нотки советской продавщицы, она даже поначалу обращалась к незнакомому человеку на ты!

— А вы его сможете поднять?

— Надеюсь.

Он отбежал к машине, и Виктория увидела, как водитель возится в своем багажнике, а потом возвращается с брезентом в руке.

— Я попробую осторожно подсунуть под пса брезент... Как его зовут?

— Блэк.

— Ему подходит... Прости, парень, но зачем же ты бежал через дорогу? Куда ты торопился? От такой хозяйки убегал! Я бы возле нее всю жизнь сидел. Пусть даже на привязи...

Она невольно улыбнулась сквозь слезы. Нарочно говорит так, чтобы ее хоть чуточку подбодрить.

Вокруг потихоньку собирался народ, и парень-шофер крикнул кому-то:

— Чего смотришь? Берись за концы брезента. Вдруг у собаки что-то сломано? А вдвоем мы его осторожно положим в машину.

Он быстро выгрузил вещи из багажника в салон и сказал Вике:

— Лучше разместим его в багажнике, в салон трудно будет затащить, дверца узковата.

Вика осторожно погладила Блэка и проговорила:

— Ты не волнуйся, я тебя не брошу. Врач осмотрит тебя и полечит. — Опять с верой в то, что Блэк понимает ее слова.

Водитель зафиксировал крышку багажника в открытом положении и осторожно тронулся с места.

В ветеринарной лечебнице была небольшая очередь, но молодой человек прошел прямо в кабинет ветеринара, не обращая внимания на сердитое ворчание ожидающих, и спросил:

— Послушайте, Айболит, куда можно уложить раненого пса? Извините, что я так беспардонно вломился, но собака может умереть, а его хозяйка так убивается, что я не могу на это равнодушно смотреть!

— Кто у вас?

— Похоже, дог.

Наверное, доктору уже приходилось сталкиваться с такими посетителями, поэтому он и глазом не моргнул, а лишь провел Леонида в другой кабинет.

— Положите его пока сюда, а я закончу с очередным пациентом и приду.

Он указал на высокий, покрытый пластиком стол.

Мужчина с трудом водрузил на него недвижимого пса. А вскоре пришел ветеринар и стал осторожно прощупывать своего пациента. При этом он, как и Вика, тоже разговаривал с ним:

— Ну-ну, псина, я знаю, что это больно, но ты потерпи. Я сделаю тебе укол, и боль пройдет, а пока я должен тебя осмотреть и по твоей реакции определить, насколько серьезно твое ранение... — Он обернулся к Виктории, которая с тревогой прислушивалась к его словам. — Не волнуйтесь, девушка, кажется, с вашим псом ничего страшного не произошло. То есть удар он получил серьезный, и ему придется полежать, но, надеюсь, обойдется. Заживет как на кошке... Не дергайся, пес, я пошутил. Заживет как на собаке, такое сравнение тебя устраивает?

Наконец он закончил свои дела и посмотрел не на Вику, а на стоявшего за ее спиной мужчину:

— С вас причитается...

Он назвал сумму, от которой Вика мысленно ахнула, но мужчина с непроницаемым лицом полез в бумажник и расплатился с ветеринаром. Наверное, он заплатил гораздо больше, потому что тот сразу подобрел и даже засуетился:

— Я дам вам своего помощника и носилки. На руках носить такого бугая тяжеловато. Пусть он денек полежит, — это уже к Вике, — будете давать ему вот это лекарство. Я включил его в счет.

Он протянул ей пузырек.

Вдвоем с помощником, тоже молодым и подтянутым, водитель загрузил Блэка в машину, опять в багажник, и только тогда обернулся к Виктории:

— Скажите свой адрес. Я говорю, где вы живете?

Понятно, теперь на нее напал ступор. Вон и обычные слова воспринимает, как через вату. Плохо соображает. Наконец разверзла уста, назвала адрес.

Уже при подъезде к дому заверещал мобильник, который Вика положила в задний карман джинсов. Звонил отец.

— Дочь, ты не забыла, что сегодня рабочий день?

Вика всхлипнула:

— Ой, папа, тут такое случилось! Извини, я опять немного опоздаю. Блэка сбила машина, и мне пришлось везти его в ветлечебницу.

— Что сказал ветеринар?

— Что ему надо лежать.

— И куда ты пса пристроишь?

— Я хотела бы в комнате. Не тащить же его в будку с переломанными костями.

— Положи его на крыльцо. Оно у вас широкое, — отозвался отец. — Не выдумывай, а то еще на диван в гостиной положишь. На улице тепло, он не замерзнет... Ну если хочешь, прикрой его чем-нибудь.

Водитель, сбивший Блэка, топтался возле нее. Он только что выгрузил пса из машины, внес его во двор на руках, с трудом втащил на лестницу и теперь

выжидающе смотрел на нее.

— Что вы уставились? — рассердилась Вика. Он считает, что она высказала не все, что о нем думает, и ждет недополученной порции ругани? — Вы же так торопились. Езжайте, я не стану преследовать вас в судебном порядке — так это говорится? Езжайте, вас ждут дела!

— Теперь-то чего уж, — махнул он рукой. — Давайте я отвезу вас на работу.

— Мне еще надо переодеться, — медленно проговорила она. Уж не собирается ли он в возмещение ущерба быть при ней до конца жизни?

— Ничего, я подожду.

Вот так Вика познакомилась в тот день с Леонидом. И думала, что будет ненавидеть его из-за Блэка.

Но он терпеливо ждал, пока она устраивала псу лежбище, возилась, придвигала миски с кормом и водой, гладила беднягу и говорила, что постарается вернуться пораньше. Если бы Леонид не выдержал и что-нибудь сказал вроде того, что пора бы поторопиться, Вика выложила бы все, что о нем думает. Но он был ангельски терпелив.

Правда, расставаясь, Леонид все же упросил ее назвать свое имя.

— Виктория! — услышав, мечтательно повторил он. — Не имя, а просто талисман.

— Что вы сказали? — удивилась Вика.

— Да так, ничего, прощайте, милая Виктория. Интуиция говорит мне, что мы еще увидимся.

— У меня больше нет собак, — желчно отозвалась она. — Когда это еще Блэк придет в себя, а других причин для встречи я не вижу.

— Кто знает? — загадочно проговорил Леонид и укатил на своей «мицубиси».

Нет, она вовсе не придавала этому событию особого значения. Кроме, конечно, травмы Блэка. Откровенно говоря, пес и сам виноват в том, что, всегда такой спокойный и выдержанный, вдруг проявил странное непослушание. Прежде приказ «к ноге» исполнялся им неукоснительно.

Этот рывок Блэка через улицу скорее напоминал человеческую эмоциональность. Как если бы сама Вика увидела на противоположной стороне улицы кого-то очень нужного, того, кого давно не встречала и от кого что-то важное в ее жизни зависело. Вот именно в таком случае Вика могла бы перебежать улицу, не обращая внимания на сигнал светофора.

Интересно, что сказал бы Санька? Наверное, что у ненормальной хозяйки ненормальный пес. Вот только почему теперь она так спокойно, даже снисходительно об этом думает? Привыкла? Несколько раз скажи человеку «свинья», он и хрюкать начнет. Или поняла вдруг, что ее частые «небезучки» такие мелочи, что не стоит о них лишний раз думать.

В офисе фирмы отец с ходу ее известил:

— Сегодня ты работаешь как бы на выезде. Герман Семеныч попросил прислать к нему переводчика.

— А я его знаю?

— Нет, откуда? Семьями мы не дружим. Зато как партнер по бизнесу он — лучше не найдешь. А уж оказать ему такую небольшую услугу, как говорится, сам Бог велел. Аделаида Игоревна введет тебя в курс дела. Вернее, просветит по поводу нюансов синхронного перевода.

И только потом отец спросил ее:

— Ну что там твой Черный, сильно пострадал?

— Ветеринар сказал, что удар сильный, но пес должен выздороветь.

— Вот и славно. Надеюсь, волнение за Блэка не повлияет на качество перевода?

— Не повлияет, — сухо сказала Вика; в словах отца ей почудилось равнодушие: а еще говорил, что любит собак!

Вошла в курс дела Вика довольно быстро, а до двух часов дня, когда ей нужно было идти к Герману Семеновичу, была уйма времени, потому она присела на стул в отделе импорта, где по причине временного отсутствия начальства женщины обсуждали вечно живую тему — мужчин и их склонность к изменам.

— Если классифицировать мужиков по их отношению к женщинам, то можно отметить несколько разновидностей, — глубокомысленно рассуждала новая Викина коллега Соня. — Первая — кобели. Тут, как говорится, без комментариев. Кобели западают на всех, пардон, сучек, которые пробегают мимо, чтобы сразу забыть о той, что была с ними прежде. Вторая разновидность — романтики. Эти не просто так гуляют, у них всякий раз великая любовь. Они опять начинают писать стихи, ухаживают за любимейшей женщиной в любом возрасте, как незрелые юнцы. Вплоть до того, что к окошку любимой лазают по пожарной лестнице, но любовь у них, как и юность, проходит очень быстро. Ведь не каждая женщина может всю жизнь ощущать себя Джульеттой.

— Соня, ты чешешь как по написанному! Правда, прямо лекцию читаешь.

— Что же ты хочешь, милочка? — снисходительно проговорила Соня. — У меня два курса философского факультета... Так, на чем я остановилась?

— На третьей разновидности, — подсказала Вика.

— Третья — это ведомые. Не случись рядом с ними настырных баб, они могут до старости жить без измен, с одной женой. Но если попадется женщина, которая на такого тюху положила глаз, он не устоит. Поплывет по течению, хотя это плавание — не его желание, а всего лишь псевдоджентльменство типа: нельзя отталкивать женщину, зовущую тебя на ложе, если женщина просит, это свято... Или что там еще они говорят в свое оправдание...

«Ведомый — это как раз мой случай, — грустно подумала Вика. — В смысле тип моего мужа. Что же получается? Так всю жизнь с ним я и буду жить, не зная, что принесет завтрашний день? Опасаться, не появится ли очередная Лизавета? А если еще точнее, ждать, когда появится?»

Значит, все же Саньку она не простила? Но тогда нечестно делать вид, что это не так. Это называется «затаить зло». «Тем, кто носит свой камень за пазухой, очень трудно в деревне у нас!» Тогда что же, разводиться? После того как они сидели вместе на крылечке и у ног лежал Блэк?..

Отчего вообще она думала, что обиду можно вот так просто взять и забыть? Ошибалась? Видела то, что в других семьях лежало на поверхности? Она думала, что раз жены знают о проделках своих мужей и никуда от них не уходят, значит, прощают их и все забывают. А на самом деле они вот так же угрызаются муками ревности и оскорбленной гордости... Насилуют свою душу... ради чего? Ради того, чтобы поддержать видимость семьи? Или боятся, что другой, который придет на смену мужу, будет еще хуже?

Но нет, на душе ее была не обида, а скорее пустота. И теперь семейная идиллия больше ее не умиляла. Можно ли жить с такой пустотой? Или душа самовосстанавливается, самоочищается, как любой здоровый организм?

С такими странными мыслями Виктория отправилась в фирму друга ее отца, который, ни много ни мало, строил морские яхты на небольшом частном заводе на Черном море.

Глава шестнадцатая

Возвращалась Виктория домой поздно. Как никогда прежде. Герман Семенович упрямился пойти вместе с ним и двумя англичанами в ресторан, потому что днем они «не так поговорили».

— Наверное, вам просто одному с ними скучно, — сказала Вика.

Она беспокоилась, что так и не смогла дозвониться мужу и предупредить о вынужденной задержке. Его мобильный телефон вещал холодным женским голосом, что абонент находится вне зоны досягаемости.

Но в остальном ничего ее не тревожило. И это тоже было новым. Прежде она мчалась домой со всех ног, где бы ни находилась.

Виктория спешила домой, как Золушка с бала. Ей страшно было подумать, что она придет позже Саньки. Не то чтобы он мог накричать или поднять на нее руку, она не хотела *давать ему повод* думать о ней что-то плохое, в чем-то ее подозревать. Как объясняла себе сейчас, берегла его нервную систему.

Зато Санька ничего такого не боялся. Уверен был, что жена всегда его простит? Значит, и в этом они совсем по-разному относились друг к другу.

И почему Вика все время возвращается мыслями к их с мужем отношениям, после того как все уладилось? Эдак никаких нервов не хватит постоянно себя изводить. Притом что Саньке она ничего о своих метаниях не говорит.

Она так глубоко погрязла в этом ненормальном для себя состоянии, что почти не замечала усилий всех трех мужчин за столом, а особенно самого молодого из них, Арчибальда. Его товарищ, мужчина лет сорока, как бы между прочим обмолвился, что Арчи не женат и что он в восторге от русских женщин.

— Арчи поплыл, — шептал ей и Герман Семенович, — очень перспективный молодой человек. Смотрите, он просто глаз с вас не сводит!

— Ну и что же, я замужем, — сухо сказала Вика. — Мало ли кто станет с меня глаз не сводить!

Почему-то она злилась, хотя никто ее ничем не обидел — подумаешь, она понравилась англичанину! Мужчины ее раздражение почувствовали и больше таких разговоров не вели.

Герман Семенович, как и обещал, подвез ее на машине прямо к дому и даже предложил:

— Хотите, Вика, я пойду с вами домой и все объясню вашему мужу?

— Что вы, — улыбнулась Вика, — меня муж никогда ни в чем не подозревает. Мне не приходится перед ним отчитываться, потому что и не в чем.

— Вы — счастливая женщина, — сказал Герман Семенович, поцеловал ей руку и подождал, пока за Викторией не закроется калитка.

Счастливая женщина... Знал бы он... Господи, о чем она намертво забыла, так это о Блэке! Тоже мне, друг животных! Идет, размышляет, как отнесется к ее позднему приходу супруг, и совсем забыла о беспомощной собаке.

Она закрыла калитку и понеслась к крыльцу, заранее рисуя себе страшные картины мертвого Блэка. Что-то еще ее беспокоило, что-то было странным, а что именно, Вика не сразу разобралась. И только подойдя ближе, поняла, что над крыльцом не горит свет и вообще во всем доме нет ни огонька. Значит, свет просто некому было зажечь.

— Блэк, — дрожащим голосом позвала Вика.

И услышала слабое бормотание, как если бы собака сказала: «Чего кри-

чишь-то, не видишь, я лежу, как врач велел».

Вика быстро взбежала по ступенькам и зажгла свет, чтобы получше видеть Блэка. Тот не тронулся с места, но дружески вильнул хвостом.

Однако обе миски — одна с кормом, а другая с водой — оказались не тронуты. Может, псу трудно даже пошевелиться? Надо дать ему что-то очень вкусное, чтобы хоть немножко поел.

Вика поспешила в дом, зажгла свет и метнулась к холодильнику, но в это время зазвонил телефон.

— Папа, — горестно прошептала она в трубку в ответ на отцовское «дочура, как настроение?», — Блэк за весь день ни к чему не притронулся!

И ни слова о том, что Саньки до сих пор нет дома.

— То, что он не ест, это не страшно, — попробовал ее успокоить отец. — Собаки во время болезни ведут себя куда умнее нас. Ученые считают, что люди, которые, болея, мало едят, быстрее выздоравливают. Но ты не волнуйся, я позвоню одному знакомому ветеринару, он расскажет, что да как... А что говорит Александр?

— Он еще не знает.

— В каком смысле? — не понял Павел Данилович.

— В том, что его до сих пор дома нет.

— Может, его отправили куда-нибудь? — предположил отец.

— Тогда он позвонил бы мне, ведь у нас у обоих сотовые телефоны. Правда, он говорил утром, что поедет за город.

— Раньше времени не стоит делать какие-то выводы.

— А я и не делаю, — вяло отозвалась Вика.

— Может, ты придешь к нам? Лера пироги с капустой испекла. Тебе такие нравились.

— А Блэк?

— Ну да, Блэк... А что с ним сделается? Выздоровеет.

— Нет, папа, никуда я не поеду. Не волнуйся за меня. — Вика прибавила бодрости в голосе: — Да и Санька скоро приедет, я чувствую. Все будет хорошо!

— Ну, смотри, тебе виднее, — с расстановкой произнес отец, и они попрощались.

Вика быстро переделалась в домашние джинсы и майку, сделала два бутерброда с колбасой — один себе, а другой Блэку — и поспешила на крыльцо.

Блэк лежал в той же позе. Она присела рядышком, поближе, чтобы положить голову пса к себе на колени, и поднесла кусок колбасы к его носу. Блэк потянул в себя воздух.

— Колбаса тебе понравится, попробуй, — сказала ему Вика и протянула бутерброд на ладони.

Блэк высунул язык и медленно слизнул с него колбасу.

— Молодчина! — обрадовалась Вика. — Папе хорошо говорить, мол, не ест и не надо. Это ты корм не ешь, потому что он сухой, а когда внутренности болят, жевать трудно. Вот если глотать... Знаешь, мой хороший, я совсем забыла. У меня же суп есть из курицы. С домашней лапшой. Вкусный-ый!

Она опять метнулась в дом, быстренько разогрела в маленькой кастрюльке суп и вернулась к Блэку. Когда бабушка не хотела есть... в те свои последние дни... Вика кормила ее с ложечки. Вот и Блэка надо кормить так же. Не потому, что она сравнивает, а потому, что этот пес... он так близок ей, он никогда

не предаст и не уйдет от нее к кому-нибудь другому, как в рассказе Джека Лондона. Потому что его тоже бросили...

Мысли Вики смешались, и ей вдруг так жалко стало себя, что только присутствие больного Блэка удержало ее от слез.

Она еще ничего не знала, просто Санька задерживался, и было поздно, — он никогда так поздно не возвращался. Или возвращался? От Лизаветы. Но, начни она плакать, как вытирать слезы, если одной рукой Вика держала голову Блэка, а другой вливала ему в рот суп из ложки?

А потом она сидела возле Блэка, осторожно гладила его и рассказывала, как он выздоровеет, и они пойдут гулять в парк, и на этот раз Вика будет очень крепко держать его за поводок...

— Вот скажи мне, куда ты бежал?

Но Блэк только лизнул ее руку. Уходя, Вика на всякий случай укрыла пса своим детским одеяльцем — ночи пока довольно холодные.

А Санька так и не пришел. И утром тоже. Можно было бы позвонить ему на работу, но Вика не стала этого делать. Пусть она все бьет и ломает, однако не собирается наступать дважды на одни и те же грабли.

Допустим, она позвонит. И его начальник скажет, что Александр Петровский ушел с работы вместе со всеми в шесть часов вечера... То-то стыда натерпится.

Почему она рисует себе такие картины? Муж не пришел домой, потому что у него опять появилась другая женщина. Каких-нибудь полтора месяца назад такая мысль не появилась бы в его голове. Как говаривал Козьма Прутков: раз солгавши, кто тебе поверит! Или это из классики другого рода? Тот, кто предал один раз, предаст и второй.

Однако цитируй не цитируй, а в новом отношении Вики к мужу имелось некое преимущество: ожидая предательства и дождавшись его, она почти не почувствовала боли. Точнее, боль была совсем не такая, как в тот, первый раз, не столь острая и нестерпимая, а тупая и ноющая. Как зубная боль.

Права ее мама: Вике все равно придется принимать решение. Одно-единственное. Например, она махнет рукой и станет делать вид, что верит Саньке, и тогда сохранится семья, а он время от времени будет хорошеваться с очередной Лизой, не умея ей отказать, чтобы всегда возвращаться к Виктории. Ему будет с ней удобно.

И так всю жизнь они построят на лжи, но, кроме них двоих, об этом никто знать не будет. А будут считать, что у них такая дружная семья и, может, даже завидовать станут.

Потом родится ребенок, и Вика будет сидеть в декрете, а Санька и вовсе задерет нос. Какой он особенный, порядочный, содержит семью, и куда семья без него, и как ему все можно. И Вика вообще должна помалкивать, потому что иначе кормилец разозлится...

А можно взять и собрать его вещи. И выставить за порог. Если хочет, пусть подает на раздел имущества, но дом принадлежит Вике, его завещала ей бабушка.

И станет Виктория жить одна. Вернет себе девичью фамилию и будет ночами рыдать в подушку, жалея, что не простила Саньку...

Это называется вариант! Хорошего же она о себе мнения, что ей только и остается, что мочить слезами подушку!

Во-первых, она восстановится в институте — ведь пообещала папе. Потом подучится на курсах английского языка. Стэнли Гальтон — тот, постарше, кого она вчера переводила, — сказал, что у нее хорошее произношение, но Вика переводила далеко не так бойко, как хотелось бы, и пару раз споткнулась... Нет, учиться!

По утрам Вика будет бегать в парке вместе с Блэком — он непременно поправится, а по вечерам станет медленно гулять с ним по набережной, для чего надо проехать всего три остановки на троллейбусе, но она наденет псу намордник и возьмет на него билет, и кондуктор не станет ворчать, что она везет собаку...

Вика подумала, для чего она так подробно все себе рассказывает. Чтобы не думать о предстоящем объяснении с Санькой. С Александром Петровским.

И хорошо, что у них нет детей. Не станет она рожать от него сына, который потом тоже станет ведомым. Она подберет ему совсем другого отца. Такого, которого нет в Сониной классификации. По-настоящему любящего мужа и отца.

А чтобы начать новую жизнь, Вика сейчас выйдет во двор, наберет из-под крана ведро воды и выльет на себя. Она с полгода, наверное, все собиралась начать обливание, да то лень было, то пораньше вставать не хотелось.

Вика вышла на крыльцо, и Блэк навстречу ей глухо тявкнул, как застонал. Мол, прости, хозяйка. Она даже не сразу поняла, что он вынужден был опорожниться прямо на крыльце.

Глупый, стесняется, ему пришлось делать то, чего он не делал с младенческих лет.

— Да если хочешь знать, Блэк, — сказала она, — то я буду убирать за тобой столько, сколько нужно, лишь бы ты побыстрее поправился. А сегодня вечером принесу тебе кусок сырого мяса. Мне кажется, что от него ты куда быстрее поправишься, чем от какого-то сухого корма. Или даже от куриного супа.

Она сняла лифчик и осталась только в трусиках — что-то, а забор вокруг участка Санька сделал то, что надо, ни щелочки не оставил.

И, зажмурившись, она вылила на себя ведро холодной воды. Потом по-мужски вытянула вверх руку, как делали обычно в американских боевиках, и громко выдохнула:

— Ха!

И почти тут же снаружи кто-то постучал.

Она быстренько накинула халатик на мокрое тело и открыла калитку. Перед ней с пакетом в руках стоял Леонид.

— Доброе утро, Виктория! А я вот тут жду, когда мне откроют, и сочиняю речь-отмазку на случай, если выйдет ваш муж, а не вы.

— Значит, вы знаете, что я замужем, — строго сказала Вика. — Тогда зачем пришли?

— Вообще-то я пришел к Блэку, — серьезно пояснил он и отвел в сторону взгляд, наверное, чтобы она не заметила в нем смешинку.

— Я могла бы сказать, что у него сегодня неприятный день, но ладно уж, проходите... Что это у вас в пакете?

— Сырое мясо. Я сегодня пораньше смотался на базар и взял мясных косточек. Как говорится, в возмещение... А что это вы такая мокрая? Плавали в бассейне?

Вика засмеялась:

— Шутите! На наших четырех сотках не поместится бассейн.

— Еще как поместится. Если небольшой.

Он разговаривал с ней и потихоньку двигался к крыльцу, все же с некоторой опаской косясь на окна дома...

— Надеюсь, муж не станет ругать вас за мое посещение больного пса.

— Вами же травмированного, — подсказала Вика. — Не волнуйтесь, мужа нет дома.

Сказала и осеклась: еще подумает, что она с ним заигрывает. Уточнила:

— Он в командировке.

— Значит, мне повезло.

Леонид подошел к крыльцу и остановился, глядя на Блэка:

— А он не умер?

— Типун вам на язык! — отозвалась Вика. — Он просто понимает, что нужно полежать, чтобы скорее выздороветь.

— Вас послушать, так это он сам сказал вам... Как вы думаете, он станет есть мясо?

— Не знаю, но если бы не вы, я сама бы это мясо ему купила. У нас совпали намерения, но вы успели раньше. — Она взяла из рук гостя пакет. — Ну у вас и размах. Здесь же килограммов пять.

— Всего четыре, — поправил он и посмотрел на Вику.

От его взгляда она смутилась и пробормотала:

— Вы выбрали не слишком удачное время для посещения. Мне пора на работу.

Ну вот, опять! Когда она станет следить за своими словами? Он еще подумает, будто она предлагает ему прийти когда-нибудь еще...

Она пошла в дом и сказала ему от двери:

— Сейчас я вынесу нож. Вы же не дадите Блэку весь этот пакет.

— Я подвезу вас, — предложил Леонид, принимая из ее рук кухонный нож.

— Лучше не надо, а то я привыкну, что вы меня возите.

— Ничего страшного. Я согласен каждое утро заезжать за вами.

Опять она упустила из рук инициативу.

— Вы забыли, я замужем, — упрямо сказала Вика. — Ну и что же, у меня достаточно вместительная машина. В ней вполне поместится и ваш муж. Даже если он супертолстый.

— Он вовсе не толстый.

— Тем более.

— Хорошо, через пять минут я буду одета.

Зачем она согласилась? Что же это такое, как не флирт? Осуждает Саньку, а сама готова идти по его стопам! Сегодня — ладно, сегодня пусть он ее отвезет, а прощаясь, она непременно скажет, чтобы это было в последний раз!

Кстати, куда ее несет? На работу она торопится! Без пятнадцати восемь, до офиса езды минут десять, а рабочий день начинается в девять. И что делать, сидеть у входа на лавочке?

Одевалась Вика больше пяти минут, потому что ей не хотелось выглядеть кое-как. И это тоже было новым в ее поведении. Раньше, собираясь на свое прежнее реализаторское место, она довольствовалась джинсами и простенькой футболкой летом, а с наступлением холодов — джинсами со свитером и

курткой, вот и все разнообразие.

Сегодня она надела итальянский полотняный костюм и подвела глаза. Потом взглянула в зеркало и достала тушь. Раньше ею пользоваться Вике было просто лень.

Готово! Она взглянула на часы — без пяти восемь. Все равно рань несусветная.

Вика остановилась на пороге и посмотрела на Леонида, который держал на ладони косточку для Блэка — отчаянный, а если пес укусит? — и уговаривал того:

— Посмотри, какая косточка! Сам бы ел, да тебе пообещал!

Этот мужчина, похоже, совсем без комплексов. Пришел к ней, будто они сто лет знакомы и Вика всего лишь девушка, за которой он ухаживает... Что это она заладила: ухаживает! Леониду просто стыдно, что он изуродовал ее пса, вот он и заглаживает вину.

— Кстати, Леня, вы завтракали?

— Нет, как-то не успел. — Он посмотрел несколько растерянно.

— Вот и я не успела. Давайте вместе поедим.

— Вы приглашаете меня к себе домой?

— А что здесь странного? Я вообще всегда приглашаю гостей за стол.

— Так я... не столько гость, сколько преступник. Знаете, со вчерашнего дня места себе не нахожу. Еще ни разу в жизни я никого не сбивал, а тем более такого симпатичного пса.

— Не говорите глупости. В тюрьме кормят и преступников.

— А в какую тюрьму меня посадят? В тюрьму для животных? — пошутил он, по ее знаку проходя в ванную, чтобы вымыть руки.

— Конечно, и будут кормить сухим кормом. Пока же пользуйтесь моментом... Я, кстати, со вчерашнего дня тоже думаю: к кому Блэк через дорогу побежал? Гоню от себя мысли, что он собирался меня бросить... Кому понравится быть преданным? Вчера я даже вспоминала тот рассказ Джека Лондона, в котором пес вернулся все же к своему старому хозяину, несмотря на то что у новых он жил как в собачьем раю, а у старого хозяина работал как каторжный. На севере Аляски.

— Я тоже помню этот рассказ, — кивнул Леонид, — какие, однако, вкусные у вас сырники!.. Разве Блэк — не ваша собака?

— Его кто-то бросил или он потерялся...

— Такие собаки не теряются.

— В общем, он подошел ко мне на улице. Грязный, несчастный.

Вика не выдержала и заплакала. Все-таки мужества, которое она в себе начала воспитывать, у нее пока маловато.

Леонид молча протянул ей кухонное полотенце.

— Спасибо, — шмыгнула носом Виктория. — Извините.

В самом деле, чего это она все время ревет? Чуть что — и в слезы. Точно заболела. Нервы не в порядке. Сто лет не плакала, и на тебе. Каждый день слезами умывается!

— Ничего. Это бывает. У вас неприятности?

— Можно сказать и так. Неприятности. У меня сейчас все, что с частицей «не». Нежелательные неожиданности — так можно сказать? Нелады. Непогода в доме... — Она улыбнулась сквозь слезы. — Не знаю, чего это я перед вами

расклеилась, вон вы даже есть перестали.

— А вы и кусочка в рот не взяли, — укоризненно заметил Леонид. — Как же гость может есть, если хозяйка не ест?

— Действительно. Извините, я сейчас! — Она выскочила на крыльцо, вроде посмотреть, как там Блэк, но оказалось, было и вправду, на что посмотреть. Пес приподнялся на передних лапах и с чувством грыз принесенную Леонидом мясную кость.

Она вернулась и села за стол, враз успокоившись.

— Вот теперь я и буду есть, — сказала она, накладывая себе сметаны. — Посмотрела на Блэка, и у самой аппетит появился.

Она включила стоявший на кухне приемник, настроенный на волну «Русского радио». И при словах певицы «В будущей жизни, когда я буду кошкой» забавно подхватила: «Мяу-мяу-мяу».

Леонид рассмеялся:

— Странная вы женщина. То плачете, то поете.

— Этот стон у нас песней зовется, — сказала она, вспомнив Некрасова.

— Интересно, если бы у вас была кошка, как относился бы к ней ваш Блэк? — сказал так и замер, точно поперхнувшись.

Виктория проследила за его взглядом.

В дверях стоял ее муж, Александр, в какой-то новой, явно только что выглаженной рубашке и с презрением смотрел на нее и Леонида.

— Стоит мне хоть ненадолго задержаться, как в доме появляется посторонний мужик!

— Ненадолго, то есть на ночь? — уточнила Вика. — А что с рубашкой, в которой ты выходил из дома? Разорвали в порыве страсти?

— Так получилось, что я... что мы...

Он не смог выдержать ее *знающего*, не верящего его оправданиям взгляда и отвел глаза в сторону.

С удвоенной силой налегая на сырники, Вика обратилась к гостю:

— Ешьте, Леня, не обращайтесь внимания на этого человека.

— А он кто? — понизив голос, спросил Леонид, слегка перегнувшись через стол.

— Так, ерунда, бывший муж, — усмехнулась Вика.

Глава семнадцатая

— Я приду с работы в половине седьмого, — сказала Вика, обходя стоявшего в дверях, словно истукан, мужа, — постарайся к тому времени собрать свои вещи и уйти.

— Куда? — спросил тот глупо.

— Туда, откуда ты пришел.

— Ты не захотела даже выслушать меня! — выкрикнул он.

Леонид вышел из дома, но Вика не слышала шума отъезжающей машины. Неужели он ее ждет?

— А что нового ты бы мне сказал?

Она стояла внизу, а он на лестнице, но казалось, будто Вика смотрит на него сверху вниз. Александр молчал, она была так странно спокойна, что сама себе удивлялась. Как будто вовсе не ее жизнь рушилась... нет, не рушилась, *менялась* как раз в этот момент.

Он опять запутался, ее красивый, но слабый муж. И опять жалеет, что вляпался и в эту историю. Женщина, с которой он был, совсем ему не нужна. То есть если бы удалось оставить все в тайне от Вики, он бы продолжал к ней похаживать и смог бы гораздо удачнее, чем прежде с Лизаветой, уворачиваться от ее матримониальных намерений, потому что с каждой такой историей он приобретал новый опыт.

— Или у нее есть муж?

— Нет, — ответил он машинально.

Стоп! История повторяется. Это уже было в случае с Лизаветой. Он будто обалдевал от событий, которые сваливались ему на голову, и Вика смогла бы так же, как *те* женщины, управлять им, если бы захотела. Она уже вплотную подобралась к этому ключику. И даже взялась за него. Осталось только повернуть его, но... она не хотела. Повернуть ключ, значит, займеть возле себя некую механическую куклу. И тогда, у кого сложнее замок, тот и станет ею управлять. А еще можно наладить дела так, что тех, кто захочет прибрать к рукам красавца Петровского, бить по этим жадным рукам так, чтобы их в момент отдергивали...

Рецепт верности, усмехнулась Вика. Другой женщине он бы подошел, а ей — увы! Не из того теста она сделана. Да и не хочется из любящей женщины превращаться в жандарма, который постоянно водит на поводке изученного вдоль и поперек преступника.

— Вот видишь, значит, тебе есть куда возвращаться. Раз мужа у нее нет.

— Но это и мой дом тоже! — воскликнул он, впрочем, не очень уверенно.

— Подавай в суд, — жестко сказала Вика. — Может, и отсудишь какой угол.

Кстати, надо уточнить у юриста, причитается ли ему что-то с этого дома? Бабушкиного наследства. В крайнем случае он может оставить себе машину. Или что-то из мебели...

Стоп, скомандовала Вика самой себе. Всего-то и нажили они вдвоем машину, а деревянную кровать, стиральную машину да холодильник подарили им на свадьбу ее родители. Хорошо, что Вика не выбросила старенький бабушкин холодильник. Вполне работающий. В сарае стоит.

— Не прогоняй Блэка с крыльца, — крикнула Вика уже от калитки, — он болен! Ветеринар сказал, что ему надо полежать.

Оставалось лишь надеяться, что он со зла не станет отыгрываться на ни в чем не повинной собаке.

Но сама Вика вовсе не была так спокойна, как хотелось. Напротив, даже раздражена. А когда вышла со двора и увидела, что Леонид и в самом деле дожидается ее у ворот, то, увы, уже не смогла сдержаться.

— Почему вы не уехали? — зло спросила она, приоткрыв дверцу.

— Потому что я обещал отвезти вас на работу. — Леонид пожал плечами, глядя перед собой.

— Меня вполне может отвезти муж! — закричала она.

— Ах, значит, вы уже помирились? — тускло поинтересовался он, впрочем, и не подумав завести машину.

— Это не ваше дело!

— Не мое. Так вы будете садиться или стоя вам удобнее вымещать на мне раздражение?

Она захлопнула дверцу и почти бегом пошла к троллейбусной остановке.

Но он поехал следом, а потом остановился, приоткрыл дверцу и скороговоркой выпалил:

*Нет, не ошибка — акция
Свершилась надо мною, —
Чтоб начал пресмыкаться я
Вниз пузом, вверх спиною, —
Вот и лежу, расхристанный,
Разыгранный вничью,
Намеренно причисленный
К ползучему жучью.*

Вика от неожиданности остановилась, а потом забралась в машину.

— Это Высоцкий, — строго сказала она.

— Владимир Семенович, — кивнул Леонид.

— А откуда вы знаете...

— Его стихи?

— Нет, то, что они мне нравятся?

— Потому что они нравятся мне.

— Хотите сказать, у нас с вами общие вкусы?

— Это вы сказали.

— Простите меня.

— Ничего, пожалуйста.

— И не приезжайте больше.

— Не приеду. Блэк-то на поправку пошел.

— Хотите сказать, что вы пришли только из-за Блэка?

— А вы что подумали?

Вика смешалась. Она почему-то была уверена... С каких это пор она обрела в себе уверенность как в женщине? Леонид просто чувствовал себя виноватым, а она нафантазировала!

— Я подумала, что понравилась вам, — честно признала она. — Глупо, да?

— Вы правильно подумали, — улыбнулся он.

— Знаете что?!. Я замужняя женщина и не позволяю себе романы на стороне! Надеюсь, вы больше не приедете. Тем более что Блэку стало лучше!

— Последний вопрос. Почему вы были такая мокрая, если у вас нет бассей-

на?

— Обливалась! — выпалила Вика.

— Жаль, что у вас такой плотный, без единой щелочки забор.

— Нахал! — прошипела она.

Он, не спрашивая, остановил машину возле офиса.

— Прошу.

— Спасибо.

Вика пошла к дверям не оглядываясь, но спиной чувствовала, как он смотрит ей вслед.

На этот раз Соня, теперь в обеденный перерыв, разглагольствовала о женщинах. Наверное, кто-то из слушательниц задал соответствующий вопрос. Вика успела почти к началу ее лекции.

— Бабы тоже классифицируются на несколько типов. Мною. Первый я называю крестоносками. Эти — злейшие враги самим себе, потому что свою жизнь они приносят в жертву другим, даже если их об этом не просят. Кстати сказать, навязанные ими жертвы обременительны. Им так и хочется сказать: отстань ты со своей жертвенностью! Причем часто именно им жизнь предоставляет уйму возможностей освободиться, предлагает альтернативу, но они ею никогда не пользуются.

— Ты красиво сказала: крестоноски. Точнее, жертвы аборта, — выпалила секретарша директора. — И между прочим, я — одна из них!

— Прошу заметить, я не пользуюсь слишком уничижительными ярлыками, — назидательно проговорила Соня. — Но если вы сами такие умные, я могу и помолчать.

— Говори, больше тебе никто не будет мешать, — поддержала ее начальница Вики Елена Александровна. — А ты, Алла, не перебивай докладчика, твоя история всем известна.

Вике не была известна, но она с интересом прислушивалась к разглагольствованиям Сони: к какому типу принадлежит сама Виктория?

— Второй тип — бабы мужиковатые. Причем не всегда внешне. У них суть такая: тащить, везти, ломить, и без этой пахоты они себе места не находят. Если на такую сваливается богатство, она все равно лезет в дела обслуги и всюду сует свой нос, а если по какой-то причине делать этого не может, помирает от скуки, а то и запьет...

— Не жалеем мы свои уши, — шутливо вздохнула Елена Александровна. — Ладно, до конца перерыва еще пятнадцать минут, а потом чтобы все разошлись по рабочим местам. Нечего делать, так и скажите. Я найду вам занятие.

Она вышла из приемной, где молодые женщины собрались сегодня.

— А дальше? — заторопили Соню слушательницы.

— Третий тип — гордячка. Она назначает себе такую цену, которую никто заплатить не может. Причем цена эта вовсе не выражается в рублях или долларах, она ждет, что ее избранник не будет пить, курить, а будет всегда цветы дарить, и зарплату отдавать, и тещу мамой называть... и все как в песне. Она перебирает женихов как... как картошку и порой остается одна до конца жизни. А если выходит замуж, то считает, что муж ее недостоин и что она своим согласием выйти за него оказала несчастному царскую милость...

— Что-то женщины у тебя получились не слишком привлекательными. Помоему, ты чего-то не учла, — не выдержала Виктория.

— Возможно, что и не учла, — легко согласилась Соня. — Но я же не говорю, что это и все. Мир женщин очень разнообразен. Согласитесь, эти три типа существуют. А мой труд еще не закончен...

— Соня, ты словно не разумные существа описываешь, а микробы, которые рассматриваешь под микроскопом, — заметила все та же Алла.

— Не нравится — не слушайте, — обиделась докладчица.

Вика попыталась примерить на себя хоть один из этих типов. Она не считала, что своего мужа осчастливила. Не тащила на себе воз. Разве что когда заболела бабушка, ей пришлось покрутиться, но и то крупные вопросы все равно решал отец... А тащить на себе крест или приносить себя в жертву... Недавно она и вправду считала, что раз вышла замуж, то должна терпеть. И бороться, и страдать, потому что сама выбрала себе такого мужа, но оказалось, что страдать ей больше не хочется. И терпеть тоже.

Думала ли Вика о том, что не сможет больше выйти замуж? Нет, не думала. Она даже нахально считала, что еще может найти свое счастье. Знал бы о ее мыслях пока еще супруг Александр Петровский!

— Петровская! — позвала секретарша. — Павел Данилович зовет.

То есть отец. Зачем-то Вика ему понадобилась.

— Заходи. Садись.

Отец был с ней строг, будто Вика перед ним серьезно провинилась.

— Что это ты там придумала? Решила пойти по пути отечественных феминисток, которые ни во что не ставят брак? Ты же сама совсем недавно уверяла, что у вас с Александром все хорошо, что вы любите друг друга. А теперь твой муж звонит и говорит, что ты дала ему от ворот поворот. И даже вещи собрала.

— Нет, вещи я не собирала, — покачала головой Вика. — Я сказала ему, пусть собирает вещи и катится вон!

— Может, я что-то и перепутал, только твой муж прав. Нечего рубить сплеча.

— Значит, он тебе позвонил? — Вика поднялась из кресла и подошла к отцу поближе. — И сказал, что я просто дурью маюсь? А он не так уж сильно и провинился? Подумаешь, один раз дома не ночевал. У очередной бабы задержался. И ты предлагаешь мне его простить и все забыть, потому что принцам крови все прощается...

— Подожди, какой еще принц крови? — нахмурился отец. — Ничего такого я тебе не говорил. Да и непохоже, что в генах Александра течет королевская кровь.

— То есть мое происхождение ничем не хуже его?

— Да уж вряд ли хуже! — запальчиво произнес отец.

— Тогда назови мне причину, по которой я должна продолжать с ним жить, несмотря ни на что...

— У вас семья.

— Была. Один раз я его простила. Прошло совсем немного времени, и все повторилось. Больше я его не прощаю, понятно? Еще вопросы будут? Нет? Зато у меня есть ответ на твои незадаанные вопросы: мне не нравится у тебя работать. Слишком уж плотно ты занялся моим воспитанием теперь, когда я совершеннолетняя женщина. Решил, что недовоспитал? Тогда все равно уже поздно... Мне написать заявление или ты так меня уволишь?

— Погоди. — Отец досадливо качнул головой, будто невольно допустил промах, который не знает, как исправить. — Ну прости, дурака сваял. Александр позвонил, в голосе слезы: семья рушится, помогите.

— А ты и бросился на помощь? Понимаю, мужская солидарность...

Отец тяжело вздохнул:

— Витуська, мир? Кстати, мне звонил Герман Семенович, спрашивал, не думаешь ли ты от меня увольняться. Может, пойдешь к нему? Он оклад пятьсот баксов обещает.

— Пойду. В его фирме я не чувствую себя опекаемой, а уж тем более провинившейся. Он не станет в рабочее время прорабатывать меня за ошибки в личной жизни.

— Язва ты, Виктория, — опять вздохнул отец — сегодня ему ничего не осталось, как только вздыхать. — Иди к Елене Александровне. Я скажу, чтобы тебя уволили переводом... Кстати, как поживает Блэк?

— Сегодня пытался грызть кость.

— Ты давала больному псу кость?

— А что, не надо было? Это ему принес тот, кто его сбил.

— Нет, тут давать советы трудно, я же не ветеринар. Если ему больно кусать, он и не станет, а будет посасывать, как ребенок игрушку.

— Ну, папа, ты и скажешь! — засмеялась Вика, в момент прощая отца. Он же хотел как лучше, а в глубине души понимал, что не стоит с Викой говорить о ее отношениях с мужем, потому и повысил на нее голос. От раздражения на самого себя.

Даже если она и не так себе его наезд объясняет, то все равно это ее отец. Единственный и любимый, пусть он и ошибается и пытается по своему мужскому разумению ей помочь... Вот как, она уже снисходительно относится к собственному отцу!

— Когда Герман Семенович сказал на работу выходить?

— Да хоть завтра.

— Ты позвони ему, скажи, что завтра и выйду. Не обижайся, папа, но и вправду будет лучше, если я стану работать не в твоей фирме. А то перед девчонками неудобно.

— Меньше всего я думаю о каких-то там девчонках, — буркнул отец, подавая Вике конверт.

— Что это? — спросила она.

— Твое выходное пособие.

Вика заглянула в конверт.

— Что-то здесь многовато.

— Это процент от продажи, — ухмыльнулся Павел Данилович.

— А я что-то для тебя продавала?!

— Нет, это я продал тебя Герману. Он так тебя расхваливал. Мол, и англичане покорены. Он именно так и сказал — покорены. Просил, пришли ко мне Вику, а я тебе прогулочный катер продам по себестоимости. Поняла? То-то. Я уже на него и покупателя нашел.

— Эти бизнесмены даже на родной дочери готовы заработать, — язвительно сказала Вика, берясь за ручку двери. — Не говоря уже о партнерах.

Павел Данилович рассмеялся:

— Все-таки хорошо, что я тебя сплавил. Пусть теперь Герман помучается!

Да, раз у тебя еще куча времени, зашла бы в университет, а? Узнала бы, что нужно, чтобы восстановиться.

— На бюджет, наверное, не пробиться.

— Ничего, если и на коммерческое пойдешь, сама сможешь за учебу платить. С такими-то деньжищами. Я, в переводе на доллары, начинал с суммы, впятеро меньшей, чем твоя.

— У тебя же не было такого известного отца.

— Лиса Алиса, — проговорил ей вслед отец.

Несмотря ни на что, день для нее оказался удачным. В деканате в ее документах стоял какой-то значок, то есть, как объяснила секретарша, ей предстоит беседа с деканом. У его кабинета образовалась небольшая очередь, в которой зареванная девица судорожно всхлипывала и комкала в руке носовой платок. «Выгоняют ее, что ли?»

Прямо в секретариате Виктория мысленно продумала свои возможности. У нее отложено на всякий случай где-то около тысячи долларов. Если жить экономно, на год ей хватит, а там... Кое-что заработает за лето. С сентября она перейдет на третий курс дневного, а там можно будет брать переводы, работать по вечерам. Она решила стать настоящим профессионалом, что, по мнению бабушки, возможно только на дневном отделении.

А если на бюджетное отделение ее не примут? Придется-таки занять деньги у отца. Может, пускать квартирантов? Ладно, об этом потом. Как раз подошла ее очередь.

— А, явилась, — сказал декан, потирая руки. — Документы пришла забрать или доучиваться будешь?

— Доучиваться, — покраснела Вика.

— Балбесы, — беззлобно протянул декан, профессор, известный в среде языковедов человек, — их бесплатно учат, стипендию какую-никакую дают. Можно сказать, гордость курса, все бросила и ушла.

— Говорят, на бюджетном отделении мест нет, — тихо пробормотала Виктория.

— Нет! Есть! Все всё лучше меня знают... Что тут в твоём деле написано? Ага, при условии досдачи двух экзаменов можно принять на третий курс. И ведь хорошо училась — пятерки по всем предметам.

Викин отец, как видно, считал, что она перейдет на заочное отделение, но в деканате ей объяснили, что это будет с потерей целого года. Виктория и так потратила много времени, как теперь выясняется, совершенно напрасно.

— Хорошо, что вы все-таки одумались, Хмелькова, — сказал ей декан. — Два года прошло, а я помню, как Влада Игоревна вас нахваливала: уж такая способная девочка, такая способная. Повезло вам: у нас с третьего курса один студент ушел. Переехал с семьей в Лондон. Как раз место освободилось. Конечно, желающие нашлись бы, с коммерческого перейти или из другого вуза, но талантливую студентку грех не восстановить... Тогда мне говорили, вы за кем-то из родственников ухаживали?

— За бабушкой, — сказала Вика.

— И как она себя чувствует?

— Умерла. — Вика прикусила губу.

— Ох, прости меня, девочка, — засуетился декан, наливая Вике стакан воды. — Что поделаешь, все мы смертны... Не надо слез, пора делать дело. Неде-

лю тебе для сдачи экзаменов хватит?

— Хватит, — сказала Вика.

— Вот, а за лето отдохнешь, и с новыми силами начинай учиться.

Не удержавшись прямо из вестибюля университета Виктория позвонила отцу:

— Папа, скажи Герману Семеновичу, что работать у него я смогу всего три летних месяца. Причем начну только через неделю.

— А что случилось? — кажется, даже испугался Павел Данилович.

— Понимаешь, меня берут на дневное отделение, на третий курс. У меня немного денег отложено, а если Герман Семенович согласится, я еще кое-что заработаю. Начинаю новую жизнь! Ты как думаешь?

— Я — целиком за, — обрадовался отец. — Ничего, дочура, прорвемся! Это ты хорошо придумала. Одно меня беспокоит... — Он помолчал, будто собираясь с духом. — Как ты будешь жить одна в бабушкином доме? Все-таки место там не слишком оживленное, да еще забор такой высокий, соседям не видно, что у тебя делается.

Вика засмеялась.

— И не смейся! Порой лучше, чтобы соседи все знали, потому что в случае опасности они смогут позвонить куда надо... Потому я и хотел, чтобы ты с Александром помирилась.

— Муж в качестве охранника? Для этого у меня Блэк есть.

— Если кто-то захочет к тебе проникнуть, то и Блэк не остановит. Да и пес твой... неизвестно, выздоровеет или нет. Вон у моих знакомых собака попала под машину, да так и не оправилась. Позвоночник перебило. Ползала на передних лапах, а зад за собой волочила. Пришлось усыпить...

— Папа! Что ты мне рассказываешь? Да я и слушать не хочу! Ветеринар сказал, поднимется.

— А я что, разве против? О тебе же беспокоюсь.

— Тогда, может, мне пистолет купить?

— Еще чего придумала! Виктория, ты меня в могилу загонишь! То фейерверки, то пистолет... Поступала бы тогда в военное училище и стреляла, сколько душе угодно.

— Ты говоришь совсем как бабушка, — опять засмеялась Вика. — Тогда поставим на двери какой-нибудь суперзамок или поверх забора проволоку прищем, а по ней ток пустим.

— Какой ты еще ребенок, — сказал отец. — А у меня пожить не хочешь? Или у мамы...

— Не хочу. Я уже привыкла к самостоятельной жизни. Назад дороги нет!

— «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом», — продекларировал отец. — Ладно, еще поговорим. Ко мне пришли, целую! — Он отключился.

И только когда она вышла из университета на залитую солнцем улицу, Вика вдруг поняла, что за все время своих переговоров с деканом, за рассуждениями о своей будущей, новой жизни она ни разу не вспомнила о Саньке. Это с ней произошло в первый раз с тех пор, как они познакомились, а потом и поженились.

Глава восемнадцатая

Было всего четыре часа дня, и Виктория решила поехать к бабушке. На могилу.

Недавно она была там в родительскую субботу. Вместе с Санькой Вика привела все в порядок, покрасила оградку, посадила цветы.

Но это все было не то. Она не поговорила с бабушкой. Так, только шепнула украдкой: «Здравствуй, бабуленька!» И все. Если бы супруг услышал, как она обычно разговаривает с бабушкой, еще больше укрепился бы в мысли, что у его жены не все дома.

А что? Люди ходят в церковь, с иконами разговаривают, а она на кладбище, к бабушке. Старается попасть туда в будний день, чтобы народу поменьше и в стороне от людских глаз и ушей вдоволь наговориться и наплакаться. Что же делать, если Вике не перед кем больше выговориться, выплеснуть все, что у нее на душе. То есть у нее есть подруги — когда-то она их видела в последний раз! — и мама ее внимательно выслушает, но ближе бабушки у нее в жизни не было человека. Даже теперь.

А после посещения бабушкиной могилы у нее всегда становится легче на сердце. Словно бабушка ее слушает и сочувствует — все так же, как было при жизни.

Она пошла по прохладной тенистой аллее, привычно скосив глаз на необыкновенно красивый памятник из черного мрамора. Сегодня возле него сидел понурившись молодой человек и неслышно шевелил губами.

Вика поспешно отвернулась, словно ненароком подглядела непредназначенную для чужих глаз сцену.

Еще десяток шагов, и вот могила бабушки. Вика достала из пакета рассаду анютиных глазок, вынула маленькую тяпочку, которую купила как раз для такой цели, взрыхлила землю и стала сажать цветы. Бабушка любила эти цветы, пусть порадуется.

Она прополосала то, что было посажено раньше, принесла воду и как следует все полила. Потом присела на лавочку у памятника и стала говорить:

— Не вышло ничего хорошего из моей семейной жизни, бабушка! Вроде я и старалась, а все получалось шиворот-навыворот. Наверное, все дело во мне, в том, что я не слишком счастливая уродилась...

Ей показалось, что над ней будто пронесся холодок. Порыв ветра? Но деревья стояли не шелохнувшись.

— Тебе не нравится, бабушка, что я себя хаю? Ну как еще объяснить, что у меня все валится из рук и, по мнению Саньки, все не как у людей? И крылья мои так и не выросли. Может, Санька меня не любил? Он даже не хотел от меня детей, потому что считал, я не смогу ребенка вырастить... А если дело не во мне, тогда мы с Петровским просто друг другу не подходим, разве такого не может быть?.. Я ведь могу жить и одна, как ты когда-то... Ты тоже разошлась с дедушкой. Я даже не знаю, жив ли он. Так я и не узнала, почему вы расстались. Какая-то я нелюбопытная была, теперь вот жалею. И спросить не у кого... Зато я опять буду учиться. Ты рада? Папа наверняка станет мне помогать, но много ли нужно одной? У меня вполне хватит денег, отложенных на черный день... Нет, какой же он черный! Просто у меня начинается другая жизнь. Ты меня благословляешь на нее? Спасибо, бабушка!

Вика больше не думала о том, что со стороны выглядит странной и разговаривает сама с собой. Вроде и день удачный, а на душе все равно тяжело. Вика недаром старалась выговориться, потому что, когда она молчала, мысли приходили и вовсе черные.

Если она вот сейчас умрет, как бабушка, к ней на могилу никто не придет. То есть будут приходиться и папа, и мама, ухаживать за могилой, а нуждаться в ней, в Вике, не станут. У каждого есть другие дети, другие интересы. Она уйдет из жизни, никто и не заметит! Такая вот бесполезная она личность.

Удачный день, а мысли неудачные. У Вики есть знакомая, которая никогда себя не критикует, а наоборот, считает, что она хороша, все делает правильно и жизнь прекрасна. Наверное, это уже перекося в другую сторону, но она никогда не хмурится и не плачет, а хохочет, да и только...

Вика поднялась и пошла между могилами к аллее. Мужчина у черного памятника тоже собирался домой, но у него была машина, и он как раз теперь засовывал в багажник красную пластмассовую лейку. У Вики тоже дома есть такая, только черная, но возить ее теперь будет некому. Придется, как и сегодня, поливать цветы из пластмассовой фляжки, которая вполне умещается в полиэтиленовом пакете.

— Виктория!

Она обернулась. Тот мужчина у памятника... Леонид! Как же она сразу его не узнала! Как всегда, шла, погруженная в собственные переживания.

Вика приблизилась и теперь смогла разглядеть фотографию на памятнике. Красивый мужчина в морской форме и лихо заломленной фуражке с «краном». Вот почему на памятнике выбит позолоченный якорь. Он умер в одном году с Викиной бабушкой.

— Это ваш отец? — спросила Вика.

— Отчим. Но я его так любил... наверное, не каждый так любит родного отца. И почти сразу стал звать папой. Сегодня как раз годовщина его смерти, но, кажется, кроме меня, об этом никто не вспомнил!

Он говорил как-то глухо и без нужды перекладывал что-то в багажнике, стараясь не смотреть на нее. «Стыдится заплаканных глаз», — поняла Вика.

— Садитесь в машину, я подвезу вас, — буркнул Леонид, и она не стала отказываться. До трамвая еще идти прилично, да и зачем, если есть оказия.

— А я ходила к бабушке, — стала говорить Вика, не дожидаясь вопросов Леонида. Пусть успокоится, пока она вот так болтает. — Иной раз я рассказываю ей, что у меня происходит.

— У нее тоже сегодня годовщина?

— Нет, была два месяца назад, а сегодня я пришла, потому что... я всегда хожу к бабушке, когда мне предстоит принять серьезное решение. И разговариваю с ней... Что вы на меня так смотрите? Считаете, что я ненормальная?

— Вовсе нет! — даже расстроился от ее предположения Леонид. — Почему это я должен думать о вас плохо? Мне странно, что вы вот так спокойно о себе говорите и не боитесь выглядеть, мягко говоря, странной в глазах других...

— Ну да, не боюсь, — подтвердила Вика, — я просто бросаю вызов тем, кто может мои поступки не так истолковать. Когда сам о себе говоришь, то другому человеку уже ничего не остается делать.

— Вот вы какая! — Леонид улыбнулся. — Первый раз вижу девушку, которая не старается под других подстраиваться, а просто живет, как считает нуж-

ным... Я, кстати, и сам с отцом разговариваю. Знали бы вы, какой это был необыкновенный человек! Он работал на судне и при погрузке упал в трюме — на него свалился тяжелый ящик, повредил позвоночник. Врачи говорили, что он не будет ходить. А он не только встал на ноги, но и продолжал жить как стопроцентно здоровый мужчина.

— А что с ним случилось?

— Его убили бандиты.

Леонид тронул машину с места и некоторое время молчал, выруливая с кладбищенской аллеи на трассу.

— Их нашли? — спросила Вика.

— Нет. Не нашли даже свидетелей. Он пошел в баню — любил попариться с приятелями. А в тот день, как нарочно, никто из них не смог составить ему компанию, вот он и пошел один. И не вернулся.

— Вам его не хватает?

— Очень! Как будто я потерял что-то, без чего моя жизнь не может быть полной, понимаете? Вроде в жизни я добился всего, чего хотел, а все в душе чего-то не хватает... Точнее, появился один незаполненный уголок, в котором гуляет сквозняк... Простите, что-то меня сегодня на красивости потянуло. Как поживает Блэк?

— Потихоньку поднимается.

— Вика, вы не будете возражать, если мы по пути заедем в детский садик? За сыном.

— Конечно, как же я могу возражать, ведь я сижу в вашей машине.

— Нет, если вы торопитесь, я заеду за ним на обратном пути.

— Я не тороплюсь.

Вика вдруг испытала некоторое разочарование. Ей показалось, что она нравится Леониду, он даже приходил к ней домой, и она угощала его завтраком, думая, что его некому кормить. А он не только женат, но еще имеет ребенка, а за другими женщинами ухаживает так же, как и ее муж Александр. Для развлечения!

Теперь Леонид молчал, и она тоже ничего не говорила. Пусть думает, что она все еще под впечатлением от посещения кладбища.

Наконец он остановил машину в зеленой зоне города и в самом деле по пути к дому Виктории.

— Пожалуйста, подождите, мы мигом!

А Вике от собственных мрачных мыслей сделалось так плохо на душе, что она уже хотела выйти из машины и уйти, но машина была явно дорогая и оставлять ее незапертой не следовало. Сейчас каждый день столько машин угоняют! Она вчера слушала в сводке криминальных новостей. Однажды в отсутствие четы Петровских пытались открыть замок даже на их «девятке», не новой и не такой дорогой, как эта.

Вика посмотрела на кованую ограду, за которой прятался уютный, белого камня особнячок. Частный детский сад. Не каждый родитель может платить за пребывание здесь. А что же мама ребенка? Или она тоже продвинутая бизнес-леди, как и мама Виктории, не может сидеть дома, подобно другим женщинам, имеющим маленького ребенка?

Ее размышления прервал стук калитки, которую перед Леонидом и его сыном распахнул предупредительный охранник.

Мальчик — на вид лет трех — был одет в яркий клетчатый костюмчик и красную каскетку. Такой хорошенький, подвижный. Пока отец вел его за руку, он не шел, а приплясывал рядом.

Леонид усадил мальчика на заднее сиденье, сам сел за руль, но не тронул сразу машину, а сказал:

— Познакомься, это тетя Виктория.

— Наверное, проще говорить тетя Вика? — улыбнулась она.

— Может, какому другому ребенку и проще, а наш Андрюшенька все норovit уменьшительные женские имена увеличить по своему разумению. Не всем девушкам хватает чувства юмора, чтобы не обижаться. Например, вместо Галя Андрей произносит Галемонтия, а вместо Ира — Ирокенция.

Вика судорожно сглотнула, чтобы не расхохотаться.

— Ты сам мне говорил, что, когда человек знакомится, он должен говорить свое полное имя. Я говорю: Андрей.

— Это относится только к мужчинам! — возмутился Леонид и пожаловался Вике: — Не пойму, в кого он такой упрямый.

— В деда Мишу.

— Ты же его не знал.

— А бабушка говорила, что он был упрямый хохол.

— Вот и поспорь с ним! — Леонид нарочито тяжело вздохнул и незаметно подмигнул Виктории.

Умный мальчик. Интересно, кто с ним занимается? Если маме некогда...

— Тетя Виктория, а у тебя дети есть?

— Нет, Андрюша, пока нет.

— А тебе уже пора их завести.

— Андрей! — прикрикнул на него отец. — Ты посмотри, совсем распустился!

Мальчишка насупился.

— Я тебе никогда не мешаю, когда ты разговариваешь, — пробурчал он.

— Знаешь, я бы завела, — откровенно сказала ему Вика, — но мне еще надо университет закончить. Больше года назад я его бросила, а теперь придется упущенное наверстывать.

— А наверстывать трудно?

— Нелегко, особенно когда вконец разленишься. Так что о детях пока можно лишь мечтать.

Андрей задумался, а потом предложил:

— Если хочешь, можешь пока побыть моей мамой.

Виктория обомлела.

— А разве у тебя... нет своей мамы?

— Нет, — без всякой грусти в голосе сказал ребенок, — она улетела в теплые края.

Виктория скосила удивленный взгляд на Леонида, но тот сделал вид, что всецело увлечен дорогой.

— Тетя Виктория, ты что, не понимаешь, это шутка такая. На самом деле мама уехала... Папа, я забыл, как это называется.

— Германия, — бесстрастно подсказал Леонид.

— В Германию, вот! Она завела себе новых детей, а мы с папой решили завести себе новую маму. Только пока не получается. Папе некогда, у него рабо-

ТЫ МНОГО.

Вика повернулась к ребенку:

— Честно говоря, Андрей, твое предложение мне льстит. Но если бы ты знал меня получше, не предлагал бы мне быть твоей мамой.

— Почему?

— Потому что я невезучая. Неудачница. У меня все из рук падает, бьется...

Она не знала, почему говорит это при Леониде. Как будто наказывает себя за то, что хотела бы ему нравиться.

— Я тоже невезучий, — вздохнул мальчик, — если бы ты знала, сколько я на кухне всего перебил. А ты сделай, как мой папа. Купи посуду, которая не бьется. Знаешь, ее даже об стенку стукнешь, она не разбивается.

— А и правда, до сих пор такая мысль почему-то не приходила мне в голову.

— Андрей, — наконец подал голос родитель мальчика, — а почему ты тетю Викторию зовешь на ты? Разве я не говорил тебе, что к взрослым надо обращаться на вы?

— Ты говорил, к незнакомым взрослым, а мы с тетей Викторией познакомились.

Вот и возьми его голыми руками.

К тому же папа мальчика озаботился, оказывается, вовсе не этим.

— А приглашать тетю Викторию в мамы ты поторопился. У нее есть муж.

— А детей нет, — тихо сказал Андрей.

— Еще будут.

Что же это делается! Можно подумать, они давно знакомы! Что этот Леонид о себе возомнил? Разве Вика давала ему повод? И ребенку рассказывает всякие глупости. Никого не касается, есть у нее дети или нет... Ей захотелось расплакаться.

Хорошо, что машина подъехала к ее дому. Вика поспешно выскочила из нее, чтобы быстро войти во двор и закрыть за собой калитку.

Не тут-то было. Калитка оказалась закрытой с обратной стороны, да не просто на ключ, а на засов, как обычно закрывали ее на ночь. Конечно, когда все были дома.

Она позвонила. Постучала. Никакого результата. Вика с тоской посмотрела на высокий забор. Если бы она была хотя бы в джинсах, а не в узкой короткой юбочке!

— Вы не можете попасть домой? — раздался у нее над ухом голос Леонида.

Она удивленно обернулась:

— Вы не уехали?

— Я уже отъехал на десяток метров, как вдруг Андрей мне говорит: «А тетю Викторию домой не пускают!» Пришлось вернуться. Еле удержал его в машине. Вот он вам машет.

Виктория помахала мальчику в ответ.

— И что вы собираетесь делать?

— Понятия не имею. Калитка закрыта на засов.

— Там, у вас дома... ничего не случилось?

— Мой муж должен был собрать вещи...

— И вы здесь будете ждать...

— Когда на улице никого не будет, я постараюсь перелезть через забор...

— А меня об этом вы не хотите попросить? Свои собаки дерутся, чужая не встревай?

— Поговорочки у вас.

— Это не у меня, это народный фольклор. Так я полез?

— А вдруг там Блэк... пришел в себя? Набросится на вас.

— Авось не набросится. Я все-таки на руках его носил.

— Тогда лезьте. Другого выхода у меня все равно нет.

Леонид легко подтянулся на руках — вот это физподготовка! — и через секунду оказался по другую сторону забора.

Вика услышала глухое рычание Блэка и закричала:

— Фу, Блэк, фу! Не смей, это я!

И в ту же минуту калитка распахнулась, и Леонид жестом дворецкого пригласил ее войти.

Блэк сидел у крыльца и делал тщетные попытки подняться. И при этом скулил и рычал; в глазах его была тоска.

— Блэк, миленький, не переживай! — Вика кинулась к нему, обняла за шею, стала целовать в морду. — Зачем ты спустился, тебе еще рано. Ты хотел меня защищать, да?

Ну вот, как всегда, она увлеклась одним и совсем забыла о другом. Почему калитка оказалась закрытой, а дверь в дом распахнута настежь? Можно подумать, это вполне обычное явление. Или просто она бессознательно оттягивает неприятный момент?

Вика стала подниматься на крыльцо — не взбежала, нет, и не пошла. Потащила, передвигая ставшие вдруг тяжелыми ноги. Леонид поднимался следом за ней, и Вика не нашла в себе силы отослать его. Ей одной было страшно.

— Леня, — прошептала она.

— Я только взгляну и уйду, — вполголоса сказал он.

— Саша! — позвала Виктория. Она заглянула на кухню — никого и прошла в гостиную.

Александр Петровский сидел на диване с охотничьим ружьем в руках. С тем самым, отцовским. Это для чего он его достал?!

— Пришли, значит, любовнички! — криво усмехнулся Александр, и Вика поняла, что ее муж, прежде никогда не пивший, как говорится, до потери пульса, именно так был пьян сейчас. — Я знал, чувствовал, что жду недаром.

— И поэтому закрыл калитку на засов, — не выдержав, съехидничала Вика.

— Если бы ты пришла одна, — с трудом выговорил Александр, — я бы тебе открыл, а вдвоем... Тогда у меня было бы время подготовиться.

Он начал медленно поднимать ружье.

— Саша, ты все не так понял. Мы почти незнакомы, — стала быстро говорить Вика — он что, совсем обалдел и собирается выстрелить?!

— Незнакомы? — пьяно усмехнулся Александр. — И потому он во второй раз появляется в нашем доме?

— Парень, ты бы опустил ружье, — сказал Леонид, пытаясь затолкнуть Викторию к себе за спину. — А то еще выстрелит ненароком.

— Выстрелит, — согласился тот, — иначе для чего бы мне его заряжать?

Вика разозлилась. Понимала, что он пьян и все равно не расслаблен, а именно на пьяном взводе, но раздражение — все происходило, как в дешевой мелодраме — вытолкнуло из ее рта роковые слова:

— Зарядил! Он зарядил ружье. Сидел и ждал, чтобы убить якобы неверную жену! И при этом выпил для храбрости. Трус! Мямля! Подонок! Бабник!

И грянул выстрел.

В какие-то доли секунды Вика увидела палец на спусковом крючке, ружье, направленное не на нее, а на Леонида, и бросилась вперед, заслоняя собой человека, который вовсе не был виноват во всех ее бедах, а теперь должен был ни за что ни про что умереть, оставляя сиротой такого славного, умного малыша.

Глава девятнадцатая

Но, как всегда в ответственный момент, даже такое простое действие, как встать под выстрел, ей не удалось. Она метнулась перед Леонидом, оттолкнула его в сторону, а сама подвернула ногу на пустой бутылке, которую ее супруг Александр бросил у порога, и рухнула на пол, ударившись виском о журнальный столик.

Раздался выстрел, звон разбитого оконного стекла, но секундой раньше Виктория потеряла сознание.

Пришла она в себя на диване, с мокрым полотенцем на голове, а совсем рядом, на полу, ворочался и стонал Александр.

— Что это с ним? — спросила Вика у Леонида, который участливо склонился над ней.

— Пришлось вырубить, — смутился он. — Нокаут. Сейчас он очнется. Вообще-то я не бью тех, кто в разной со мной весовой категории, но он был слишком опасен. Надо же, едва не убил собственную жену!

— Леня, Андрюша один в машине. Ничего не случится?

— Ничего, я его запер на всякий случай. А главное, разрешил есть чипсы. Опять Оксана Васильевна будет ругаться, что я перебил ребенку аппетит. Это наша домработница, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Виктории. — Как вы себя чувствуете?

— Вроде ничего не болит.

— Вы себе не представляете, как я напугался. Думал, он в вас попал. А с другой стороны, если бы вы не упали, кто знает?.. Может, он стрелял бы еще.

— Значит, сегодня моя невезучесть сослужила мне хорошую службу?

— Ну с чего вы взяли, что невезучая? Мне кажется, эти мелкие неприятности — всего лишь плата за какое-то очень большое везение в вашей жизни. Не считаете же вы серьезным невезением какую-то разбитую тарелку.

— Странно, почти то же самое говорила мне бабушка.

— Ну как, идти вы сможете?

— Куда идти?

— Думаю, вам нужно сегодня переночевать у какой-нибудь подружки. Или у родственников. У вас есть родители?

— Конечно, есть, но я... никуда не пойду. — Она заметила беспокойство в его взгляде и упрямо проговорила: — Я останусь. Чего это я буду уходить из собственного дома?

Он по-прежнему стоял рядом и не двигался, и Вика осторожно поднялась. Ничего, случилось и хуже. Голова кружится самую малость. Она, наверное, жалко улыбнулась Леониду.

— Ничего со мной не случится. Думаете, я напрасно храбрюсь?

— Вы скажете, что это не мое дело, но я не могу оставить вас наедине... с ним. А вдруг он захочет еще как-нибудь обидеть вас? Опять схватится за ружье.

— Ничего, сейчас я его спрячу.

— Или попробует вас ударить.

Она медленно покачала головой:

— Александр... он вообще не склонен к насилию.

Леонид нарочито медленно взглянул в разбитое окно.

— Это он от бессилия. Протрезвеет, сам ужаснется тому, что наделал.

— Что ж, вам виднее. — Леонид с видимой неохотой пошел к двери, но какая-то мысль все же не давала ему покоя. — Тогда вот что. Я оставлю вам свою визитку. На всякий случай. Если что, вы мне немедленно звоните. В крайнем случае я пришлю к вам кого-нибудь из охраны. — И, заметив ее недоуменный взгляд, пояснил: — Мне положена охрана, но я отбояриваюсь от нее под всевозможными предлогами. Считаю, что в случае серьезной опасности она не сможет защитить... Мои сотрудники пугают, что это когда-нибудь мне выйдет боком. Раз вы считаете, что вам и в самом деле ничего не угрожает, я пошел.

Вика слышала, как он спустился с крыльца и сказал лежащему Блэку:

— Ты выздоравливай побыстрее, псина! Твоей хозяйке не помешает хорошая защита.

Она, морщась, потрогала наливавшийся болью синяк.

Александр на полу открыл глаза и посмотрел на нее осмысленным, почти трезвым взглядом.

— Твой любовник все еще с тобой на вы? Джентльмен!

— Мы с ним едва знакомы, — устало проговорила Вика. — Я же объясняла тебе, его машина сбила Блэка. Прими полифепан, он нейтрализует действие алкоголя.

— Может, мне принять какой-нибудь цианид? — хмуро поинтересовался Александр.

Вика взяла ружье и вышла из дома.

Муж что-то промычал в ответ: то ли алкоголь опять давал себя знать, то ли спросил ее о чем-то. Она зашла за дом и спрятала ружье в куче старых досок. Конечно, если Александр станет его искать, то все равно найдет, но почему-то Виктория была уверена, что выстрелить он уж точно больше не захочет.

Блэк тихонько гавкнул, и Вика склонилась над ним, чтобы погладить.

— Такие у нас кипят страсти, — сказала она ему, — слышал выстрел? Кажется, твоя хозяйка сегодня была не так уж далека от гибели... Но что странно, я почти не испугалась. Может, не успела?

А что, если Леонид прав и Вике в самом деле надо бояться своего спятившего мужа? Она прислушалась к себе — нет, не страшно. Спал ее инстинкт сохранения мертвым сном, и рядом с ним мирно почивала интуиция. Зато отчетливо ощущалась горечь. Ее Санька, муж и возлюбленный, тот, с которым они были так счастливы полгода... Целых шесть месяцев! Он поднял на нее руку. А если точнее, ружье...

А и в самом деле, о каком невезении может идти речь? Ей повезло. Ей просто сказочно везет! Подумаешь, упала и ударилась! Легкое сотрясение. Небольшой синяк. Взамен прощания с жизнью... Только вот почему никакой радости не ощущается?

Она опять вошла в дом. Глянула мельком, как ее муж сидит на диване, обхватив голову руками, и покачивается в такт какому-то неизвестному ритму. Может, ужасается тому деянию, которое он едва не совершил?

Виктория поплелась на кухню. Что-то она совсем запустила свое хозяйство. Грязная посуда, грязные кастрюли. Разруха и запустение в некогда процветающем доме.

— Блэк сегодня сам сполз с крыльца, я его не трогал, — сказал Александр, присаживаясь у кухонного стола, словно Вика его в чем-то обвиняла.

А она мыла посуду и мысленно анализировала случившееся: опять поторопилась принять решение, оттого едва не случилось самое страшное. Муж не пришел ночевать, жена выставила его вещи. Интересно, так кто-нибудь из женщин делал или это выдумки писателей? Зная Саньку, разве могла она поверить в то, что он просто соберется и уйдет!

То есть если бы она его удерживала или там, в новой связи, он слишком увяз, так, что не было выхода, он и сам бы ушел. А так он всего лишь споткнулся на том же месте. Потому небось и не сомневался, что Вика опять его простит. И заживут они, словно ничего не случилось... До следующего раза.

Нет, нужно сесть за стол переговоров и в спокойной обстановке расставить все точки над «і». Однако как болит голова!

— Что же мы будем делать? — спросил Санька; теперь он смотрел на нее глазами побитой собаки.

— Мы? — Она сделала ударение на этом местоимении. — Я домою посуду, а ты иди за стеклом и приведи в порядок окно. Снайпер хренов!

— А потом?

— Суп с котом! — зло сказала Вика.

Чего он от нее ждет? Конфетку? Или, как провинившийся ребенок, собирается отстоять свое в углу, чтобы любимая мамочка опять простила и пожалела его?

На мгновение мелькнула мысль, что, может, махнуть рукой на его походы налево, простить, забыть, не думать, но тут же поняла, что ничего у нее не выйдет, и задавила эту мысль в зародыше.

Санька принес из сарая стекло, инструменты — у него все было, запасливый хозяин — и начал замерять, резать, вставлять стекло, а Вика привела в порядок кухню и опять вышла во двор к Блэку.

— Ну что ты улегся? — Она осторожно провела рукой по его спине: а что, если ветеринар пропустил какой-нибудь сломанный позвонок? — Боишься подняться? Больно? А ваш доктор сказал, что позвоночник у тебя не пострадал. Давай я помогу тебе встать. Хочешь?

Чего приставать к бедному псу! Наверное, это от бессилия. От неумения найти выход. То есть выход она нашла: развод, но, кажется, Александр Петровский этого вовсе не хочет.

Совсем недавно она соглашалась его простить. Но не *прощать* все время только потому, что по Сониной терминологии ее муж ведомый.

Тогда что — ходить к нему на работу и лично разбираться с претендентками?

Да и хочет ли она этого? Виктория заглянула к себе в душу — не хочет. И мириться с Александром не хочет. А он уходить не хочет. Никто ничего не хочет. Вот и найди пресловутый консенсус.

— Я думала, мы сегодня с тобой погуляем, — сказала она Блэку, присаживаясь на ступеньку. — В парке. Мне нравилось с тобой гулять, а тебе? Ты бы шел рядом, а я думала. Мне есть о чем подумать.

Она прислонилась спиной к столбику, поддерживающему навес над крыльцом, и прикрыла глаза. И кажется, задремала. Разбудил ее какой-то шорох.

Нет, Санька все еще устанавливал стекло, и под этот стук она уснула. Шуршало рядом. Блэк поднялся! И теперь стоял у крыльца, слегка покачиваясь, и смотрел на нее: мол, что же ты сидишь? Не видишь, я поднялся. Гулять хоте-

ла? Так пошли!

— Мой хороший! — закричала она, так что ее муж в доме перестал постукивать, вставляя стекло в проем. — Ты поднялся!

Она бросилась к Блэку, но в последний момент убрала руки. Голова у нее опять закружилась. Еще не хватало упасть на бедную собаку.

Блэк переступил на месте и оглянулся, словно проверяя, оторвался ли от земли его зад?

Вика невольно засмеялась.

— Что тут смешного происходит? — На крыльце появился Александр; отчего вдруг Виктория перестала называть его Санькой?

— Блэк встал, — пояснила она без особого удовольствия. Словно в момент расхотела, чтобы Петровский участвовал в том, что она считает для себя праздником.

— А-а-а, — протянул он и выжидающе посмотрел на Викторию. Проверял, злится ли она или уже перестала?

— Не перестала! — ответила она на его невысказанный вопрос и пошла в дом. Надо же наконец чего-нибудь перекусить после того, как ее едва не убили!

Она сделала себе яичницу из двух яиц, не обращая внимания, что ее пока еще муж топчется в дверях кухни. Ожидает, что Виктория его позовет?

Не дождался. И сразу обозлился. Вика могла это определять, не глядя на него, по одному лишь сопению. Александр стукнул дверцей холодильника и стал делать себе бутерброд с колбасой. Яичницу он не любил.

— Если ты думаешь, что я уйду из дома, то ошибаешься!

Он тронул себя за подбородок. В течение месяца ему достается уже второй раз. Теперь от неизвестно откуда взявшегося поклонника жены.

— Или ты пригласишь своего мордоворота, чтобы он пользовался мной как боксерской грушей?

— Никакой он не мордоворот. Просто он, видимо, занимался спортом в отличие от тебя.

— Видимо! — передразнил ее супруг. — Что же ты о своем любовнике так мало знаешь?

— Повторяю тебе еще раз: мы не любовники, — отдельно произнесла Вика и вдруг поняла, что Александр и сам в этом не сомневается. Но ему нравится унижать ее, потому что унижаться самому не хочется. А при таком вот раскладе он как бы и не чувствует себя виноватым.

— Пока не знаю, как мне выкурить тебя из своего дома, — сказала ему Вика, — надо посоветоваться с юристом, но и сталкиваться с тобой на кухне мне вовсе не хочется. Только аппетит портить. Какую ты себе комнату выбираешь?

— В каком смысле?

— Где ты собираешься временно проживать? Где будут лежать твои вещи?

— А где будешь жить ты?

— Там, где не будет тебя!

Она опять выскочила из дома и присела на ступеньку крыльца. Блэк теперь лежал посреди двора и обсасывал все ту же самую косточку, которую принес Леонид. Вика посмотрела в миску — сухого корма стало в ней меньше. Пес явно пошел на поправку. Хоть одна хорошая новость.

Понемногу стемнело. Она зажгла свет над крыльцом, но не будешь же сидеть во дворе всю ночь!

Александр демонстративно вытащил из шифоньера, который стоял у них в спальне, свои вещи и разложил их в гостиной. Теперь он делал вид, что увлечен какой-то телевизионной передачей.

Думает, что Вика сядет рядом, а там слово за слово, и они вполне могут помириться. Но он не знает, что Вике надо готовиться к экзаменам, а поскольку она всегда была отличницей и не любила учиться спустя рукава, то и телевизор ей вовсе не нужен.

Она достала с полки учебники — для этого пришлось-таки зайти в комнату, где сидел он, потому что именно в гостиной стоял книжный шкаф.

Александр проводил ее удивленным взглядом. И даже нарочито громко хмыкнул. Он опять все не так истолковал. Решил, что Виктория нарочно взяла учебник. Небось про себя подумал: с умным видом!

Что это, ей все еще безразличен муж или это так, остатки прежней роскоши?

— Где мое ружье?

— Леонид унес.

Она солгала нарочно — в таком случае он не станет его искать.

— Какое он имел право? Я позвоню в милицию и скажу, что он его у меня украл!

— Не делай этого, — посоветовала Вика, — а то мне придется объяснять, почему это произошло и что ты не убил меня по чистой случайности.

— О чем, кстати, очень жалею.

— Ты думаешь, что тогда стал бы собственником этого дома?

— Вот именно!

— После того как отсидел бы лет десять. Да и то, я читала у Агаты Кристи, убийцы не имеют права на наследство своих жертв.

Что она делает? Зачем вступает с ним в пререкания? Ведь так начинались многие их ссоры, чтобы потом закончиться миром. Вон у Петровского в глазах интерес появился.

— Не надейся! — сказала она зло, обрывая появившуюся между ними ниточку.

— На что? — Он очень натурально удивился.

— Вот на это!

Сначала ей в голову ничего не лезло. Глаза скользили по строчкам, а в голове не укладывались. К тому же Александр нарочно увеличил громкость телевизора. Как будто неумный, злой ребенок. Но потом Вика заставила себя сосредоточиться и не заметила, как занятие поглотило ее.

Первым предметом она решила сдать философию, поскольку отыскала даже свои конспекты лекций. К счастью, не выбросила их, когда делала с Санькой ремонт. «Мы с Санькой» — какой музыкой звучали для нее эти слова совсем недавно!

Так, не отвлекаться, не расслабляться, нас ждет философия!

Она слышала, как муж опять выходил на кухню, как разогревал забытые ею в морозилке котлеты. Значит, с голоду не помрет.

Около двенадцати ночи она пошла в ванную и, проходя мимо гостиной, заглянула в нее. Александр сидел в кресле перед работающим телевизором и

спал.

Можно было бы телевизор выключить, но Вика подумала, что муженек вполне может симулировать крепкий сон, а едва она войдет... Все-таки, несмотря на кажущуюся хрупкость, Александр довольно сильный. По крайней мере сильнее Виктории. И, думается, ему в голову приходят варианты примирения с женой, и он станет пытаться не мытьем, так катаньем...

В общем, она не стала рисковать. Приняла душ, почистила зубы, а когда, закрыв дверь спальни на щеколду, стала укладываться спать, услышала, как Александр щелкнул пультом и выключил телевизор. Надо же, и в этом она оказалась права!

На другое утро, когда муж ушел на работу, а Вика опять собиралась сесть за учебники, она все же решила вначале прогуляться по парку с Блэком, который встретил ее уже стоя, хотя ходил пока осторожно, будто прислушиваясь к себе.

Она надела спортивный костюм, перевязала волосы лентой и отправилась гулять. На этот раз она пропустила все машины на той же улочке вовсе не с оживленным движением. Интересно, куда с утра пораньше в тот день мчался Леонид? Он так и не объяснил ей. Да Вика и не спрашивала, вся в горе от травмы Блэка.

Потом, в машине, тоже не спросила. Да и почему бы он стал ей рассказывать, кто Вика ему?

Опять она не заметила, как дошла с Блэком до парка. Пес теперь шагал все увереннее, так что Вика опять нырнула в свои тревожные думы, впрочем, ненадолго. Резкий рывок поводка заставил ее прийти в себя.

Блэк остановился, хотя обычно спокойно шел рядом. На этот раз он не побежал, а просто стоял и смотрел на красивую женщину лет сорока пяти, которая сидела на лавочке с маленькой — чуть больше ладони — собачкой на руках.

— А, это ты, Годфри, — сказала женщина. — Нашел себе новую хозяйку?

Она сказала это так равнодушно, между прочим, словно была тяжело больна.

— Так это вы хозяйка Блэка... Годфри?

Женщина приподняла веки — она именно это медленно сделала — и посмотрела на Вику, словно только что ее заметила.

— Была. Но успокойтесь, моя дорогая, я вовсе не претендую на этого пса. В свое время у меня не поднялась рука его застрелить, а теперь чего уж...

— Застрелить?! — ужаснулась Вика. — Но за что?

— Он сломал мне жизнь, — тускло пробормотала женщина и склонилась к своей крохотной собачке: — Мушка, моя маленькая девочка!

Пес сломал ей жизнь — что за чушь! Вика растерянно оглянулась на Блэка, а тот опустил голову.

— Вы должны мне рассказать... — начала она.

— Я ничего вам не должна! — зло сказала женщина. — Довольствуйтесь тем, что у вас есть собака, какой больше нет в городе. Я купила его за полторы тысячи долларов!

Она к тому же и грубиянка. А с виду такая интеллигентная, воспитанная...

— Пойдем, Блэк! — сказала Вика. — Не расстраивайся. Что бы ты ни сделал, я уверена, что это были не подлость и не предательство.

Она пошла по аллее, и Блэк, больше не оглядываясь на бывшую хозяйку,

последовал за ней.

— Подождите, девушка, подождите, прошу вас!

Женщина с собачкой быстрым шагом спешила за ними. Опомнилась!

— Простите меня! Сама не знаю, чего это я на вас набросилась. Вы правы, преданнее этого пса никого не найдете. А тогда... Он защищал меня. Вернее, думал, что мне нужна защита... Один человек... мой бывший муж, мы жили в гражданском браке. Так вот, он бил меня. Но прежде это происходило в спальне, за закрытой дверью... ему никто не мог помешать, а потом он попытался ударить меня при Годфри... Пес прокусил ему руку. Правую. Она до сих пор у него нормально не функционирует... Этот случай был последней каплей, Юрий ушел из дома. Он всегда боялся Годфри и даже говорил: «Или я, или он!» Я все не решалась отдать пса кому-нибудь или усыпить...

— Какой кошмар! — прошептала Вика, невольно пододвигая к себе Блэка. Усыпить такого чудесного пса!

— А что мне оставалось делать? В тот день я выгнала Годфри. Сказала: уходи и чтобы я тебя никогда больше не видела! Ударила. Его никто прежде не бил, это очень чувствительная собака.

— Я раньше думала, что собаки так и остаются возле дома, где выросли.

— Годфри и оставался. Наверное, долго, но он лежал перед дверью квартиры, и дети пугались. К тому же никого не было дома. Юра лежал в больнице, я тоже...

Вика удивленно взглянула на женщину.

— Нервный срыв, — пояснила та. — В общем, дворник и консьержка каким-то образом его выгнали.

Между ними возникла пауза, когда каждая из собеседниц не знала, что сказать.

— Так мы пойдем? — спросила Вика.

— Знаете, мой сын Рома тоже звал его Блэком.

— А где сейчас ваш сын?

— На учебе в Англии. А я приобрела себе Муху, чтобы не скучать одной. Такая ласковая малышка!.. Ну, Мушка, нам пора, мамочку ждет дядя стоматолог... Скажи всем до свидания!

И она пошла к выходу, оставив Вику обдумывать историю, которую она только что услышала.

— Так это к ней ты бежал, Блэк, тогда через дорогу? — сказала Вика.

И поняла, что к ней. Неужели его бывшая хозяйка не слышала визга тормозов? И не подошла посмотреть, что за собака попала под колеса? Или ей просто ни до чего нет дела?

Чего гадать? Может, она и правда пережила нервный срыв, после чего в ее жизни Блэку не стало места?

Она остановилась в той части парка, где по утрам никого не было и где Вика отпускала Блэка с поводка, чтобы он мог побегать.

На этот раз пес лишь вяло обследовал парочку кустов, пробежался трусцой по лужайке и вернулся к Виктории, чтобы она надела на него поводок.

Нервный срыв у нее! А о собаке она подумала?! Бедного пса выгнали из дома лишь за то, что он выполнил свое предназначение — защитил человека.

Да если уж на то пошло, то это у Блэка нервный срыв! У него же, наверное, есть свои принципы... Это она уже загнула. То есть у собаки на генном уровне

заложены определенные правила поведения, а теперь... он растерян, не знает, как в дальнейшем себя вести...

Вика подумала, что не спросила женщину даже о том, сколько Блэку лет и что делать, когда у него... когда ему, например, понадобится самка... Отчего-то у Виктории не поднимался язык сказать «сука». Ничего, она пойдет в клуб собаководства, где ей посоветуют, что делать. Наверняка... Годфри стоит у них на учете. И возможно, кто-то из любителей собак привезет самку такой же породы, и у Блэка появится подружка. Тогда он не будет смотреть на мир такими тоскливыми, ничего не понимающими глазами.

Глава двадцатая

— **П**ять! У меня пятерка!
Вика на радостях станцевала лезгинку. К сожалению, только мысленно. Потому, к сожалению, что радость из нее просто выплескивалась, и ей немедленно требовался выход.

Пятерка по философии. Всего одна оценка за экзамен, и Виктория опять почувствовала себя беззаботной студенткой. Теперь еще сдать информатику — вот над чем придется попотеть, — и с сентября она будет опять учиться в университете. У нее мозги гуманитария в чистом виде. Все, что касается технических наук, приходится осваивать, что называется, кровью. Точнее, неким местом, благодаря которому появилось слово «усидчивость».

— Вика! Хмелькова! — окликнули ее. — Ну ты глухарь! Кричу, кричу...

Она недоуменно оглянулась. Но чему удивляться? Пришла не куда-нибудь, в альма-матер, где проучилась целых два года.

— Здравствуй, Оля, — поздоровалась Виктория с бывшей однокурсницей. — Извини, задумалась.

— Извини... Ты, как всегда, в своем амплу: ничего не видишь, ничего не слышишь. А я тут, в универе, практику прохожу. Прикинь, хотели послать меня в какую-то Тулу. Еле отбилась.

— Что значит в какую-то? Насколько я помню из географии, Тула — областной центр.

— Все равно! От Краснодара — два лаптя по карте. А я, между прочим, замужняя женщина. На два месяца оставлять мужа одного! Что я, дура, что ли?.. Знаешь, как теперь моя фамилия? — Она выдержала эффектную паузу. — Стрельникова!

— Правда? — вежливо удивилась Вика.

— Ты, чё, не догоняешь? Гоша Стрельников — мой муж, поняла?

— А-а-а.

— Не, ну ты тормоз! Мы с Гошей на твоём восемнадцатилетии познакомились. В кафе. У тебя тогда бабушка болела, и ты к себе домой звать не стала.

— Помню.

Тогда на день совершеннолетия отец подкинул Вике, кроме дорогого подарка, двести долларов:

— Своди подруг в кафе, посидите. Ты к себе-то пригласить не можешь.

— Бабушка сказала, что мы ей не помешаем, но я же понимаю, как ей нелегко будет этот тарарам выдержать.

Оказалось, что среди приглашенных одни девчонки, и тогда по предложению... как раз это предлагала Оля, Вика пригласила и друга детства Гошу Стрельникова, и еще двоих его друзей. Они хорошо провели время, и оказывается, вон какой отзвук у их сборища. Новая семья.

Гоше досталась хорошая жена, только уж очень поговорить любит! Надо Ольге либо язычок подрезать, либо Гоше не обращать на ее стрекотню внимания.

— Слушай, Витка, давай с тобой посидим в открытой кафешке, мороженого поедим. Я угощаю. Сто лет тебя не видела. Гошке расскажу, он будет спрашивать, что да как, а я ничего о тебе не знаю. Он тебя всегда любил, ну, как другу детства. Я не ревную. Вспоминает тебя: классная девчонка. И я соглаша-

юсь, классная! Ты в универ за документами приходила?

— Нет, — замялась Вика, — дело в том, что я решила восстановиться.

— Вот и молодец! — Ольга просто фонтанировала эмоциями. — Если не ты будешь образование получать, то кто? Отличница, красавица!

— Перестань, Олька! Ну что ты меня расхваливаешь, будто просватанную. Замуж я и так вышла.

— Гоша говорил. Мол, у Вики муж — красавчик, но так нос дерет, будто он английский лорд.

Подумать только, и Оля о том же.

— Гоша его накануне нашей свадьбы встретил, приглашал. А он так холодно: «Хорошо, я передам Вике!» Ой, извини, я, как всегда, болтаю, что на ум взбредет! Не обращай внимания. Мужчины всегда с недоверием относятся к своим красивым собратьям. И мой муж не исключение. Всех мужчин, кто хоть чуточку красивее обезьяны, готов считать своими соперниками. Он думает, что мне, кроме него, кто-нибудь нужен! Глупенький! Да я его ни на какого красавца не променяю...

Надо же, Гоша, оказывается, Петровских на свадьбу приглашал, а Санька и словом не обмолвился о том, что его встретил! Как-то он говорил, что не любит свадеб. Что это пережиток прошлого, а на самом деле все объясняется просто: родители новобрачных друг перед другом выпендриваются. Но это его личное мнение. Как и желание, ходить на свадьбы или не ходить, но почему он все решил за нее?

Не пойти на свадьбу к Гоше! Стоит ли теперь удивляться, что все подружки и друзья будто враз о ней забыли. Оказывается, ее муженек одного за другим от Вики отсекал. Хотел, чтобы она принадлежала только ему? Или чтобы в случае чего — например, как теперь — ей не к кому было бы обратиться, никто бы ей не посочувствовал. Когда человек остается один, он так уязвим, растерян... На такой волне она рано или поздно Петровского все равно простила бы.

— ...У нас столько новостей, всех и не перескажешь. Ты помнишь нашу первую красавицу Марину Зайцеву? Она еще на первом курсе замуж вышла за перспективного парня? Ему было двадцать пять лет, а он уже работал заместителем директора банка. Замуж она с приличным животом выходила, так что свадьба была немногочисленной. Как говорят, скромный семейный ужин.

— Ну и как, она счастлива?

— Думаю, к Марине такой вопрос не подходит. Зайцева меряет свою жизнь тем, насколько она совпадает с ее желаниями, а вовсе не каким-то там счастьем. Банкиру она сына родила, да из страны и уехала.

— Что — то я не понимаю?

— А чего тут понимать? Бросила мужа и ребенка и уехала в Германию. Говорят, ее новый муж — просто жуткий богач. И этому немецкому мужу она тоже родила — на этот раз близнецов. Вот ведь плодовитая, гадина!

— Чего это ты на нее так?

— А как надо, Витка, как? Бросить родного ребенка! Ради богатого мужика!

— Ты же говорила, что банкир тоже был не из бедных.

— Чем больше имеем, тем больше хочется! Тот-то, Ленька Одинцов, ей и дом построил, и машину купил, и денег куры не клюют, я сама видела. Она как-то при мне кошелек открывала. Он был просто набит крупными купюрами. Но ей все было мало. Когда женщина не любит мужчину, она ненасытна,

как пиранья!.. У тебя, кстати, дети есть?

— Нет. Александр, мой муж, считает, что можно еще годик-другой пожить для себя.

Вика ничего не хотела говорить Ольге о своих проблемах. И хорошо, что подруга тарыхтит не переставая, так что ей почти не приходится рассказывать о себе.

— Вот в этом я его одобряю. Не то что Гошка! Пристает как с ножом к горлу: роди да роди!.. Знаешь, я уже думала над этим феноменом: самые тихие девчонки — за исключением Маринки, конечно, — оказались и самыми практичными. Самыми приспособленными к жизни. И замуж вышли за нормальных мужиков...

— Вот уж не думала, что я в группе самая тихая.

— Нет, может, я не так выразилась... Уточняю: ты вперед не лезла, лозунги не выкрикивала. Мужчин не обвиняла, женщин не выгораживала...

— Угомонись, Оля! — остановила ее Виктория. — Я казалась тебе тихой во все не потому, что всегда была такой. Просто у меня умирала бабушка, я знала об этом и ничего не могла сделать. Самый близкий мне человек! Тут не до веселья.

Неожиданно в голосе у Вики зазвенели слезы, и Ольга пронизательно взглянула на нее:

— У тебя что-то случилось?

— Случилось.

Только что Вика представлялась самой себе выдержанной и скрытной, той, которая не нуждается в откровенности и со своими проблемами может справиться сама, и вдруг выложила своей даже не близкой подруге, а так, приятельнице, все, что было у нее на душе.

— Ну, ты даешь, Виктория! Разводиться. Осади, это ты всегда успеешь. Лучше скажи, ты видела его новую пассию?

— Зачем мне это нужно?

— Не скажи. Прежде чем на такой серьезный шаг, как развод, решаться, надо все точно знать.

Виктория вовсе не нуждалась в том, чтобы лучше знать, но она слушала рассуждения Ольги и согласно кивала. Словом, плыла по течению и при этом чувствовала себя так, словно подруга рассказывала ей о ком-то постороннем, о другой молодой женщине, у которой не сложилась семейная жизнь.

— ...Витка, меня с этой дурацкой практики сегодня отпустили пораньше, Гошка придет в половине седьмого, а сейчас третий час. У нас с тобой бездна времени.

— Для чего?

— Давай поиграем в частных сыщиков.

— Не хочу!

— Вот еще, не капризничай. Говоришь, твой муженек не хочет уходить из дома и вы живете каждый в своей комнате? Наше расследование может все решить. Или вы помиритесь — ты поймешь, какую ошибку можешь совершить, или соберешь против него достаточно компромата, чтобы разобратся раз и навсегда. Он потому и не уходит, что его вина не доказана. Подумаешь, что-то ты прочла в его глазах! А он отворачивался, потому что соринка в глаз попала! Не ночевал дома? Машина сломалась. Вот и пришлось ему на объекте

заночевать. Видишь, он и отцу твоему поэтому позвонил. Мол, подозревает его Виктория ни за что ни про что! И доказательств у нее никаких нет.

— Да пойми, он же сразу узнает, что я за ним слежу...

Виктория сопротивлялась напору приятельницы, потому что считала ее предложение глупым и даже наивным. Какие сыщики, какой сбор сведений, все и так ясно как божий день!

Но остановить Ольгу было не так-то просто. Вика не удивилась бы, узнав, что та женила Гошку на себе. Стрельников, человек добродушный, мягкий, перед таким напором не смог устоять...

— Так, хватит. Не продолжай. Сначала посмотришь, что я из тебя сделаю, потом будешь спорить. Пойдем к нам домой.

— А где вы живете?

— Не сыпь мне соль на раны! У моих родителей. Квартиру снять пока не можем, потому что один Гошка работает, а я нагло сижу на его шее. Ну ничего, еще пара лет, и мы снимем сначала квартиру, а потом купим свою.

— Наполеоновские планы, да?

— А то! Идем, идем, сейчас дома никого нет, все работают.

Вике и вправду идти не очень хотелось, потому что она давно перестала играть в детские игры, а в Ольке, по ее мнению, бурлила дурная энергия, замешанная на инфантильности. Не наигралась она!

Но Вика дала себя увлечь, потому что идти домой ей хотелось еще меньше. Как же получилось так, что в один момент ей стало неуютно в доме, который совсем недавно она представляла себе чуть ли не райским уголком! Потому, наверное, что прежде в этом уголке жил рядом с ней близкий и родной человек, а теперь она делит свой дом с наглым притворщиком, ставшим чужим и неприятным.

— Мне еще информатику учить, — попробовала все же отбиться она.

— И тут тебе повезло, — торжественно объявила Ольга. — У меня есть такой классный учебник. Там так все коротенько и ясно изложено, ребенок разберется. Я, между прочим, пятерку на экзамене получила, а раньше в информатике была дуб дубом!

Хорошо, решила Вика, она пойдет к Ольге за учебником, а там посмотрит, что к чему.

Жили Ольгины родители недалеко от центра в доме сталинской постройки, так называемом старом фонде, который, хоть и построенный раньше хрущевков, ценился на рынке недвижимости гораздо выше.

— Сначала преобразим тебя, а потом меня, — распорядилась Ольга, усаживая Вику перед туалетным столиком с большим зеркалом.

— Что ты собираешься делать?

— Увидишь!

Так, опять она дает себя увлечь безоглядно, поэтому Вика решила проявить твердость.

— Учебник! — напомнила она.

— На тебе твой учебник. Видишь, я его перед зеркалом ставлю. Будешь на него смотреть время от времени.

— Зачем?

— Чтобы не думала, будто я тебя для какой-то ерунды к себе домой заманила!

— Олька, тебе делать нечего!

— Нечего, — охотно согласилась та. — Практика — можно сказать, всего лишь отбывание трудовой повинности. Путаюсь под ногами у настоящих лаборантов девочкой на побегушках... Между тем как мне хочется настоящей интересной работы... Прошу внимания!

Ольга вытащила из ящика здоровенную коробку с театральным гримом.

— Откуда это у тебя?

— Сестра у меня в филармонии работает гримером. Мне так нравится. Я у нее в гримерке где-нибудь в уголке сяду и смотрю во все глаза...

— Что же ты не стала на гримера учиться?

— Нет, гример — это несерьезно. По сути дела, они как художники трудятся, а получают копейки. Вот получу диплом и в американо-российскую фирму переводчиком устроюсь. Зарплату там в долларах платят. Гримерка у меня хобби. Давай решим, какой возраст будем изображать: подростков, женщин средних лет или старух?

— Нет, старух давай в другой раз. Сейчас изображаем подростков. Тем более что у меня уже есть опыт.

— Это когда ты с соперницей разбираться ходила? Нет, там ты просто макияж использовала, а я тебя заново вылеплю. Или нарисую — как тебе больше нравится?

— Самое смешное, если мне этот образ не понадобится.

— Не дрейфь, понадобится! Я просто чувствую, что сегодня мы с тобой такое узнаем!

— А зачем? Я же все равно решила...

— Разводиться, я знаю. А теперь помолчи. Будем делать из тебя девушку Востока.

— Ваксой меня мазать собираешься?

— Глупенькая. Сделаю тебе другой разрез глаз, другой нос...

— С горбинкой!

— Нет, ноздри слегка приподнимем и скулы соответственно выразим. Волосы завяжем в два хвостика, и перед нами девчонка лет шестнадцати. Что подчеркнем румянами на скулах... Ах, какой у меня сегодня удачный день! Вот увидишь, тебя не то что преступный муж, родная мама не узнает!

Вика чувствовала, что тоже заражается Олькиным возбуждением. Жаждет приключения. Ха-ха! Кому сказать, сыщицы отправляются уличать в неверности мужа.

— Наверное, кроме меня, никто у тебя гримироваться не соглашался.

— И не говори! Ни под каким предлогом. А с тобой мы сразу убьем двух зайцев. И сведения получим, и я между делом руку набью. Так что расслабься, раз уж ты согласилась. Отступать поздно.

— Какие страдания приходится претерпевать ради учебника.

— Не ради учебника, а ради правды. И прикинь: совершенно бесплатно. Знаешь, сколько другие женщины настоящим сыщикам платят, чтобы эту самую правду узнать? Бешеные бабки!

Что там родная мать — Виктория сама себя не узнавала. Чужое лицо, и все! И у Ольги тоже. Две девчонки, которые стремятся выглядеть как взрослые. Она, конечно, не очень хорошо разбиралась в искусстве грима, но, по ее мнению, это был высший пилотаж.

— Гошка возмущается, когда видит меня в этом прикиде, — рассказывала Оля, обряжая Викторину во что-то типа мини-шортов, или удлинённых трусиков. — Твою одежду на всякий случай с собой возьмем, вдруг тебе не удастся ко мне вернуться? Классный рюкзачок? Так я его и не поносила. Из моды вышел. Но для прикинутых герлашек сойдет! Гошка увидит — убьет! Ничего, скажу, на дело ходили. Ежели что, придется на тебя ссылаться. Поддержишь?

— Спрашиваешь!

Крутясь перед зеркалом на манер юной пацанки, Вика думала: «Странная символичность есть в этих моих перевоплощениях. Как и в первом случае, во втором я иду навстречу неизвестному как бы в чужом обличье. Потому что мне это вовсе не свойственно: ни разборки, ни слежка. Все это не мое. Как и жизнь с Петровским, наверное... Мурашки по коже от таких слов... Я села не в свои сани, и теперь мне так некомфортно. А оттого все валится из рук, все не ладится».

Раньше склонности к таким вот развлечениям Виктория в себе не чувствовала. Надо же, в двадцать один год у нее переходный возраст! Поиграть в сыщиков захотелось.

— Ты знаешь, где офис твоего супруга?

— Знаю. — Вика назвала адрес.

— Возьмем маршрутку.

Оля уже стала закрывать ключом входную дверь и вдруг, что-то вспомнив, хлопнула себя по лбу:

— Мать моя, а фотоаппарат?

— Да на фиг он нам нужен?!

— Не скажи, фотоаппарат в нашем деле первейшая вещь. — Ольга вынесла из квартиры миниатюрный «кодак». — Вот, теперь мы экипированы на все сто!

И, издав победный клич, подружки выскочили из подъезда.

— Ты жевательную резинку любишь? — спросила Оля.

— Терпеть не могу.

— Ничего не поделаешь, надо. — Это подруга уже инструктировала ее в маршрутке, не обращая внимания на удивление пассажиров. — Возьми в рот, скорчи презрительную мину, как будто жевать ты не хочешь, но приходится, потому что тебе на всех смотреть противно...

— погоди, ты смешала в кучу и мух, и котлеты!

— Ничего я не смешала. Я лишь пытаюсь объяснить эмоции, которые выражает на своих лицах разочарованная молодежь. А ты как раз относишься к ним!

— Можно подумать, я старая.

— Но и не очень молодая. Молчи и слушай старших.

— Старшая! У тебя когда день рождения?

— В апреле.

— Тогда, конечно. А у меня в августе.

— Теперь понятно, почему я вышла за Гошу замуж, а не ты? Потому что я старше на четыре месяца и умнее. А ты не подумала в свое время его захомутать. А таких парней, между прочим, на свете всего ничего.

— Ну, у тебя и выраженьица.

— Нормальные. Захомутать — значит впрячь в хомут семейной колесницы... Что-то я развеселилась не к добру. Можно подумать, ты такая глупая, сво-

его мужика не устерегла, а я, умная, держу своего на коротком поводке. В таких делах никто ни от чего не застрахован.

Для начала подруги обошли здание офиса вокруг.

— Разведка местности, — пояснила Ольга. — Теперь ты садись во-он на ту лавочку, будто с понтом кого-то ждешь. Жуй «орбит» и всех презирай! А я пойду, пошарюсь внутри... Да, забыла спросить, как зовут твоего благоверного?

— Александр Петровский.

— Ладно, а я понарошку буду его племянница. Двоюродная. У него есть двоюродные братья? Вспомни какое-нибудь из их детей.

— Ну, есть Светлана, — давась от смеха, сказала Вика.

— Значит, я буду Светлана... не важно, не стану же я родственнику по фамилии представляться! А ты возьми фотоаппарат, небрежно прикрой его курточкой, чтобы объектив наружу выглядывал — видишь, со стороны ничего не заметно, — и щелкай кнопкой, если появится что-то интересное. Компромат у нас должен быть качественный, чтобы преступник не отвертелся.

Глава двадцать первая

Сидеть просто так было не интересно. Вика купила в ближайшем киоске «Спид-инфо» и потихоньку так увлеклась чтением, что чуть не пропустила самого главного события. Хорошо, что Ольга держала руку на пульсе. Она выскочила из офиса и помчалась к ней прямо через клумбы, размахивая руками и вопя, как индеец. Предусмотрительно было с их стороны надеть обувь на низком каблуке.

— Быстрее! Сейчас они выйдут! Я такси взяла. Да торопись, а то мужик сдернет, я ему аванс дала.

— Какой мужик? — не поняла Виктория.

— Таксист, какой же еще!

Ольга откровенно упивалась ролью руководителя предприятия, и у Вики мелькнула мысль, что в жизни таки все относительно: для нее самой — ничего приятного не ожидается, а для подруги развлечение. От нетерпения прямо копытом бьет.

— Кстати, Олька, чего это ты на свои плечи взяла финансовые тяготы? На вот тебе пятисотку и не возражай!

Ольга, подумав, деньги взяла.

— А я бы и внимания не обратила, чьи деньги трачу. Главное, что дело крутится. Когда у меня случаются такие захватывающие события, я — вся в них, а остальное мне безразлично...

Они с разбегу ввалились в стоявший у обочины зеленый «мерседес». Наверняка старый-престарый, но марка говорила сама за себя. Машина была внушительная, с вместительным кожаным салоном. Если бы столько лет было «Волге», от нее бы уже остались ножки да рожки. Это Вике шепотом поведала Ольга.

— А ты откуда знаешь?

— Гоша просвещает. Разве я тебе не говорила? У нас есть машина. «Хонда». Правда, почти такая же старая, как этот «мерседес».

— За кем следим? — весело осведомился водитель.

— Пять минут ждем. Выйдет мужик с бабой, поедем за ними следом.

— Девочки, у вас деньги-то есть? — строго спросил он.

— Мальчик, а у тебя сдача найдется? — Ольга покрутила перед его лицом купюрой.

Водитель переменял снисходительную мину на уважительную. Но вопрос в глазах оставил.

— Вот за этой вишневой «девяткой», — скомандовала Ольга, которую исподтишка все рассматривал водитель.

Он никак не мог совместить голос и манеры взрослой женщины с видом юной девчушки. Ольга выглядела еще моложе Виктории, потому что светлые волосы завязала какими-то цветными бантиками и, будучи к тому же очень худой, вообще выглядела лет на четырнадцать.

Вика взглянула в окно. Опять она чуть не упустила момент. Петровский усаживал в свою машину — их общую машину! — какую-то шикарно одетую женщину в широкополой ажурной шляпке.

— Снимай! — яростно прошипела подруга, и Вика пару раз успела щелкнуть затвором фотоаппарата.

— Порядок, — с облегчением откинулась на сиденье Ольга. — Я так волнуясь, будто это не твой муж, а мой... Ух, я бы ему показала!

— Что-то его все на старых баб тянет, — буркнула Вика.

Эта дамочка была еще старше Лизаветы.

— Старая! Много вы понимаете! — не сдержался водитель. — Бабец в самом соку!

— Дядя, — холодно заметила Оля, — мы тебе за езду платим, а не за комментарии.

Тот метнул сердитый взгляд на нахальную девчонку, но ничего не сказал, а медленно двинулся следом за нужной машиной.

Санька рулил куда-то в центр города — понятно, такая фифа на окраине жить не станет.

Он остановил «Жигули» у дома, где квартиры были с высокими потолками, на последних двух этажах двухуровневые, — словом, у дома, в котором жила чиновная элита.

Теперь уже Вика, пристроив на локте куртку, снимала все, что попадало в объектив. Вот Санька подает женщине руку. Вот та вылезает из машины и прижимается к нему грудью. Вот тянет его за собой, но... Петровский почему-то упирается. Что-то он пытается ей объяснить, даже едва не отталкивает от себя. А вот и наша мадам разозлилась. Вот это да: она залепила Сашеньке пощечину. Неизвестно, как другие снимки, но этот, с пощечиной, должен получиться на пять.

Вика думала, что он обидится, сядет в машину и уедет, но он лишь покорно закрыл ее на ключ и поплелся за женщиной.

— Крепко она его держит, — протянула Ольга, — хотелось бы знать чем?

— А мне совсем не хотелось бы!

Зачем Вика в это ввязалась! Разве приятно смотреть на этот цирк! Пусть она и решила разводиться, но чтобы какая-то посторонняя женщина так обращалась с ее мужем! Мужем не мужем, от ярости, ревности и еще чего-то Виктория кипела и едва не выскочила из машины, чем бы испортила «сюрприз», который с помощью Ольги готовила Александру.

— Будем ждать? — кротко поинтересовался водитель.

— Давай выйдем, — с трудом слотнула Вика — ей не хватало воздуха.

Она первой и вышла из машины. За ней, рассчитавшись, выскочила Оля.

— Тебе плохо?

— Мне хорошо, — усмехнулась Вика. — Вот поэтому я и не хотела за ним следить.

— Ничего. — Подруга обняла ее за плечи. — Это боль во спасение. Ты ведь не думаешь, что больше никого не встретишь и так и помрешь в одиночестве?

— Не думаю.

— Тогда давай по коктейлю и разбегаемся.

— Ты имеешь в виду алкогольный коктейль?

— Ну не молочный же!

— А нам не дадут. Скажут, маленькие еще.

— А мы попросим какого-нибудь дяденьку.

— Вот еще!

— Тогда такое предложение: заходим в дамскую комнату, снимаем с тебя

грим, переодеваемся, и ты берешь коктейль.

Так они и сделали.

Конечно, Петровского дома не было, да Вика его и не ждала. Все было и так яснее ясного.

Она разогрела ужин, поела и села за учебники. Ни слез, ни мрачных мыслей у нее не было, опять тупая звенящая пустота. Чем она собиралась ее заполнить, непонятно.

Учебник по информатике и в самом деле был составлен очень толково, так что Виктория с его помощью, как прожектором, осветила все темные углы загадочной для нее прежде дисциплины.

Она очутилась словно в безвременье: учила и учила, кое-что конспектировала, не надеясь на память, пока наконец не пришла в себя от звуков голоса Александра. Взглянула на часы — одиннадцать ночи. Он разговаривал с Блэком. Потом стукнула калитка. Гулять, что ли, с собакой пошел? И точно.

Виктория с псом погуляла, но ничего, это ему не помешает. Надо понимать, Петровский решил выветрить запах другой суки... Стыдитесь, Виктория, стоит ли так опускаться!

Тем лучше. Вика быстренько приняла душ, закрыла свою дверь и нырнула в прохладную постель. Сегодня она не хотела видеться с мужем и выяснять какие-то там отношения. Завтра! Завтра Ольга получит фотографии, и тогда можно будет предметно поговорить.

Александр вернулся с прогулки. Нарочно гремел посудой. Грел чайник — ничего более существенного ему не хочется, дама в шляпе его сытно покормила. Но Виктория из своей комнаты не вышла.

Она потушила свет и лежала в темноте, вернее, полумраке, рассеиваемом уличным фонарем, и ничего умного ей в голову не приходило. Кроме одного: почему ее муж, такой прежде исключительный в ее глазах, вдруг поменял все свои плюсы на минусы? Любовь слепа? И почему куда-то ушла сердечная боль, уступив место странному безразличию? Ей хотелось плыть по течению, и пусть что будет, то и будет.

Но оказалось, что все не так просто. С первыми солнечными лучами прошла вчерашняя заторможенность. Вика опять дождалась, пока Александр уйдет, чтобы наскоро позавтракать и приняться за учебник.

Она просто-таки держала себя за горло. Стоило ей заметить, что уже не воспринимает прочитанного, как она вставала, совала голову под холодную воду, перечитывала сначала строчку за строчкой, пока не победила саму себя.

А в двенадцать позвонила Ольга:

— Вика, это класс! Я имею в виду фотографии. Все так хорошо видно, что человека смело можно сажать на электрический стул даже без суда.

Викой овладело нездоровое возбуждение.

— Куда мне подъехать?

— В университет. На нашу кафедру. Надеюсь, фамилию мою теперешнюю ты помнишь? — Ольга хохотнула и повесила трубку.

На самом деле Вике вовсе не хотелось видеть эти проклятые фотографии. Лишний стресс и все. Но она хотела ткнуть в них носом Саньку. Выбить почву из-под его ног. Чтобы не смел он больше ни ее отцу звонить, ни ей что-то доказывать. Из серии: не верь глазам своим.

Она действовала как человек, ступивший на некий путь, на котором ничего хорошего его не ждет, но сойти с него теперь не может, потому что... потому что нельзя. Поздно.

А еще внутри ее что-то заболело, словно в эту минуту она просталась с хорошим и близким человеком, который только что был здоров, а потом взял и умер. И уже ни с кем ей не будет так легко и радостно...

Но все равно в университет нужно поехать, уточнить время сдачи второго экзамена... Она почувствовала озноб. Чего вдруг ее испугали какие-то фотографии? Разве она не видела то, что сама снимала? Или тогда глазам своим можно было не верить, а фотографии — это что-то неумолимое, как приговор?

Экзамен Виктории предстоял послезавтра, а фотографии ей Ольга вручила в эту самую минуту. Но, посмотрев на замкнувшееся лицо подруги, сочла неуместным что-то комментировать. Она тоже почувствовала себя неуютно и поспешила проститься с Викой:

— Ну, я побегу. Сегодня завкафедрой злой как черт. Все лаборантки навзтяжку стоят.

Вика не села в троллейбус, который мог ее привезти прямо к дому, а пошла пешком по залитой солнцем зеленой улице. Конец весны, и этот праздник жизни не для нее.

Странно, раньше она ничего не делала без ведома Саньки, а послезавтра она собирается сдать уже второй экзамен, а он ни о чем не знает.

Экзамен! Что ему какой-то экзамен какой-то Виктории из какой-то прошлой жизни!

Вот так ее постоянно бросало то в жар, то в холод, и не было слов, чтобы определить это состояние. И было обидно до слез. Раньше говорят, женщины были во весь голос, рвали на себе волосы. Интересно, почему сейчас этого делать нельзя? По крайней мере Вика понимала, что не может выплеснуть наружу яд, скопившийся у нее внутри, а продолжает самоотравляться. Неумолимо гасить свой внутренний свет.

Она будет жить впредь с выжженной душой, без радости, без смысла жизни... И все же Вика нашла силы себя одернуть и прекратить это саморазрушение.

Ехать полчаса в троллейбусе было невмозготу, поэтому Вика взяла такси и через десять минут была дома. Она могла бы, как и Санька, закрыть калитку на засов, но не стала. Глупо это делать — только соседей веселить, Санька все равно перелезет через забор и станет ломиться в дом... До той поры, пока уверен, что Вика ничего толком не знает. Пока он может утверждать, будто ее подозрения ни на чем существенном не основаны.

Наверное, просто сидеть и ждать вечера, а вместе с ним прихода Александра было бы тяжело. Но Вика села за стол, чтобы заняться информатикой.

Однако вместо строчек учебника перед глазами вставали картины прошлого. Счастливого прошлого. И ничем их было не прогнать.

Ее желание каждый день обливаться во дворе холодной водой ушло. От душевного непокоя заниматься собой не было никакой охоты. И совать голову под холодную воду больше не хотелось.

На этот раз Александр Петровский пришел домой минута в минуту. То есть израсходовал пятнадцать минут на езду от офиса фирмы до дома, что-то высыпал в миску Блэка. Вика в открытую дверь слышала, как он разговаривает с

собакой:

— Попробуй, Блэк, какой корм. Продавец сказал: сам бы ел, да денег надо!

Он нарочно говорил громко, для Вики, всеми силами старался показать, какое у него хорошее настроение и как все у них дома хорошо. Вот только Виктория неизвестно почему кочевряжится, пытается развалить их такой удачный, счастливый брак!

Сегодня Вика сварила зеленый борщ, пожарила курицу с молодой картошкой на гарнир. И когда Александр возник в дверях кухни, сказала ему спокойно:

— Мой руки и садись за стол.

Он на мгновение сбросил маску уверенного в себе человека. В глазах его метнулось недоумение: жена собирается с ним помириться или... или это какой-то подвох?

Теперь Вика все читала по лицу мужа. Он тут же решил отбросить второй вариант. Вспомнил, видимо, как западают на его красу другие бабы, и решил, что собственная жена тем более не захочет упустить такого единственного и неповторимого.

— Ужин примирения? — несколько развязно поинтересовался он.

— Ужин выяснения отношений.

— Разве мы не выясняли их почти семь месяцев назад, когда скрепили свои отношения узами брака?

Он продолжал делать вид, что ничего страшного между ними не произошло. Пошел, напевая, в ванную, вымыл руки и сел за стол, который Вика между тем накрыла.

Попробовал ложку борща, другую и промычал:

— Божественно! Не выпить ли нам по такому случаю чего-нибудь легкого?

— Есть бутылка вина. «Коварство и любовь».

— Неси! — благодушно разрешил он.

Виктория почувствовала, что упускает из рук инициативу. Обычный ужин обычных супругов? Она едва не застонала, но опять ее взгляд упал на конверт с фотографиями, которые предусмотрительно положила на разделочный столик. Чтобы были под рукой.

Александр открывал штопором бутылку, Вика поставила рюмки. Опять идиллия. На этот раз обманчивая.

Он поднял рюмку:

— За мир в нашем доме.

Виктория в какой-то момент даже растерялась. У нее нет никакого опыта выяснения этих самых отношений. Еще немного, и Санька все ее усилия сведет на нет! И будет тянуться их существование во лжи и равнодушии. И Вика совсем перестанет себя уважать. Ведь так проще: не предпринимать никаких усилий. Сделать вид, что все хорошо...

— Нет! — Усилием воли она стряхнула с себя этот дурман.

— Что — нет? — высокомерно удивился ее муж.

— Нет в нашем доме никакого мира. И никогда не будет!

Он с показной досадой отставил рюмку.

— Опять ты начинаешь. Тростинка, разве мы с тобой плохо жили?

А вот это уже спекуляция. Намекает на то, как они любили друг друга. Как им было хорошо в постели... Взывает к чувствам, которые сам же предал!

— Хорошо, — спокойно согласилась Вика, хотя внутри у нее все клокотало. — Но это уже в прошлом.

— Продолжаешь разыгрывать оскорбленную добродетель? Подумаешь, муж один раз не ночевал дома! И из-за этого рушить семью, отказываться от всего хорошего, что было...

— От хорошего я не отказываюсь. Оно останется со мной. В воспоминаниях. Хочу лишь узнать: когда ты уйдешь?

— С какого перепугу я должен уходить из своего дома? Только из-за того, что моя жена — истеричка?

Вика усмехнулась. Как, оказывается, просто прогнозировать действия человека, когда событие с его участием хорошо изучено. Это уже было. Он перекладывает на ее плечи все, что случилось между ними. Теперь она истеричка, вдобавок к невезучести и косорукости.

— То есть ты считаешь, что нет серьезного повода, чтобы нам с тобой расходиться? — Опять пришлось начать сначала; когда увязаешь в мелочах, до главного можно так и не добраться.

— Считаю! — Петровский разве что не подбоченился.

— Тогда что ты скажешь насчет этого? — Она бросила перед ним конверт с фотографиями.

Все получалось вовсе не так, как Вика задумывала. Она хотела, как делала всегда, сначала накормить мужа. Он же пришел с работы! Но все пошло наперекосяк, и Александр даже отставил в сторону бокал, который до того с таким энтузиазмом поднял.

Теперь он некоторое время сидел, тупо глядя на конверт, а потом приоткрыл его и вытащил фотографии.

Посмотрел одну фотографию, вторую, третью.

Вика не успела понять, которая из них разозлила его больше остальных. Может, та, с пощечиной?

Он вскочил и швырнул снимки на стол. Они разлетелись, и одна из фотографий спланировала прямо в тарелку с борщом.

— Дря-янь! Ты такая же дрянь, как эти похотливые суки! Почему никто из вас не может оставить меня в покое! Хоть бы вы все провалились!

Вот это да! Куда в момент подевалось его благодущие? Его уверенность мужа и главы семьи, у которого одна-единственная женщина — его жена? Теперь уже она не одна. Она со всеми. С ними. То есть со всеми остальными женщинами страны и мира.

— ...С самого детства мне не продохнуть от бабской назойливости. Я никогда не был свободен. «Женщины — слабый пол»! Какой дурак это придумал. Рыбы-прилипалы! Акулы!

«Определился бы, что ли, — акулы или прилипалы? К какому виду он относит меня?»

Странно, Петровский кричит, чуть ли не слюной брызгает, а у Виктории какая-то необычно ясная голова. Почему она с самого начала не чувствовала себя такой спокойной и рассудительной? И даже снисходительной к расходившемуся мужу?

А всего-то она уличила его в обмане. Не поймешь, когда она ему верит — плохо, когда не верит — еще хуже.

— И главное вдолбили в голову: женщин нужно уважать. Почему я всегда

должен был их уважать? Почему желание женщины для мужчины закон?! Почему я никогда не мог женщину оттолкнуть? Назвать ее тем именем, которое она заслуживает?

Он яростно потер лоб, словно его мысли ворочались внутри черепа, как живые, и этим причиняли ему боль.

— В какой-то миг мне показалось, что ты — единственная, которая ничего не станет от меня требовать. Лезть в глаза со своей любовью!.. Тебе показалось мало, что я женился на тебе! Ты хотела еще владеть мной единолично. Как своей вещью, своим рабом!..

И ведь не устает. Как там говорил Райкин? Привязать бы к его ноге динамо-машину, пусть дает ток в слаборазвитые районы. «И кричит она, кричит, а голос слабенький!» Нет, голос у ее мужа не слабенький, но визгливые нотки в нем присутствуют. Александр Петровский исполняет соло на нервах.

— ...А я не твоя собственность! И вообще ничья! Решила меня шантажировать? Вот этими погаными фотографиями? Была бы ты умной, поняла бы, что эта баба — самовлюбленная дура, но она крутит всеми мужиками в той фирме, где я работаю, и мне надо либо увольняться оттуда, либо принимать как должное ее дурацкую любовь!

Он упал на табуретку и глухо зарыдал.

Виктория испугалась. Она ожидала какой угодно реакции, но такой... Как, оказывается, трудно жить на свете красивым мужчинам. А она-то думала, что им все легко дается.

— Саня! — Вика подняла руку, чтобы его погладить, но он ее оттолкнул.

— Теперь я понимаю, почему в последнее время у нас развелось столько ге-ев. Женщина может достать любого мужика до печенок! Потому они и бегут в объятия друг к другу.

Договорился!

Глава двадцать вторая

Они уснули, обнявшись, на паласе в гостиной.

Если между ними и произошла разборка, то это была самая странная разборка из всех, которые случаются между супругами.

Санька раздраженно обошел ее, от растерянности столбом стоявшую, и скрылся в своей комнате. Вика ощущала себя потерянной оттого, что все получилось не так, как она хотела. Самое смешное, что она чувствовала себя виноватой. Как будто ударила ногой лежащего.

Оставить все как есть? Разве не этого она добивалась? Уйти к себе в комнату и привычно закрыться, и пусть он делает, что хочет. Но поступить так тоже не получалось.

Она зашла в гостиную и увидела, что Санька сидит на паласе, обхватив колени, и смотрит в одну точку.

Вика осторожно присела рядом. Господи, как трудно говорить неприятные вещи человеку, которого совсем недавно вообще берегла от всяческих нервных потрясений.

— Саш, — сказала Вика, — я думала, что у меня получится. Ну, не обращать внимания. Делать вид, будто ничего не происходит. Понимаешь? Многие так живут и ничего. Но у меня не получается. Наверное, я слишком тебя любила...

— Любила, — повторил он. — Уже в прошедшем времени.

— Может, и теперь еще люблю, — вздохнула она. — Но смириться не могу. Наверное, я просто эгоистка. Ты ведь не моя собственность, и глупо требовать, чтобы ты принадлежал только мне.

— А я хотел бы принадлежать только тебе, но у меня тоже ничего не получается. Происходит какой-то дурной гипноз. Умом понимаю, что нельзя этого делать, а веду себя как кролик перед удавом. Тот, что пищит, но лезет!

Он обнял ее за плечи, но без каких-то там намерений, а просто по-дружески, как обнимают близкого человека.

— Между прочим, я тебя понимаю. Я и сам... Когда позавчера ты где-то задержалась, я чего только не передумал, и когда представил, что ты в это время с кем-то другим, чувствовал, что зверею... И напрасно твердил: посмотри на себя, какое ты имеешь право девочку подозревать... Но и вправду ощущал какое-то первобытное чувство собственника.

— На самом деле мы встретились на кладбище, как ни странно это звучит. Я ходила на могилу к бабушке, а он... Леонид сидел возле могилы отчима, у которого в тот день была годовщина смерти. И когда он предложил меня подвезти, я не отказалась. По дороге мы заехали в садик за его сыном, а потом он помог мне открыть калитку. Я ведь и звонила, и стучала, а ты не открывал.

— А я так нажрался. Сидел с ружьем и думал, это у меня в голове звенит.

— Я ни в чем перед тобой не виновата.

— Я знаю.

— Может, давай поедим?

— Давай, — согласился он. — Ты заметила, что после того как позлишься, аппетит прямо-таки зверский?

— Заметила.

Они поели и выпили. С какой-то особой грустью неизбежности расставания. Даже в этом они были похожи, в своей реакции. Как глупо, что ничего

нельзя поделаться! То есть можно было бы на этой волне потребовать у Саньки слово, что он никогда больше себе такого не позволит. И он слово даст. И его нарушит. И в конце концов возненавидит Вику за то, что она заставляет его постоянно чувствовать себя клятвопреступником.

Ничего нельзя поделаться.

Наверное, какой-нибудь психолог сказал бы: можно и нужно! И предложил бы кучу рецептов, а они оба вдруг в одночасье решили, что должны расстаться, и тут же смирились с этим.

Дураки! Какие дураки!

Но для начала супруги пошли на кухню, поели борща и курицу, а потом, прихватив бутылку вина и вазочку с шоколадными конфетами, устроились на паласе. Санька поставил диск со своим любимым Джо Дассеном, а Вика сняла диванные подушки, чтобы удобнее было полулежать и мирно беседовать под негромкую музыку.

— Ты решила восстановиться в университете? — спросил Вику муж.

— Решила. А ты откуда знаешь?

— Догадался, не маленький. Я думаю, давно пора... Как все совпало: ты будешь учиться, я — заниматься карьерой.

— В чем тебе поможет *та* женщина?

Он пожал плечами:

— Она так влюбилась в меня, даже жалко. После той пощечины она стояла передо мной на коленях, прощения просила... Я не люблю ее, но и бросить сейчас... прости, но не смогу... Уже со следующей недели я стану заместителем генерального директора фирмы. Как тебе такой расклад?

— «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу», — продекламировала Вика.

— Насколько я знаю, это не Высоцкий, — заметил Александр.

— Ты прав, это Левитанский. Я и не заметила, как перестала цитировать Владимира Семеновича.

— Взрослеешь. У тебя отпадает необходимость пользоваться высказываниями других людей. Своим мыслям тесно? Не обижайся, я шучу.

— А я и не обижаюсь. Что-то у меня голова кружится. — Вика положила голову на подушку.

— Может, это у тебя переоценка ценностей так бурно проходит... Черт, все пытаюсь представить себе, что мы станем друг для друга чужими людьми, и никак не получается.

Александр прилег рядом и сказал ей в самое ухо:

— Может, давай... в последний раз?

— Не надо, — качнула головой Вика, — тогда наше решение будет и вовсе трудно выполнить... Слушай, а как же твоя... пассия соглашалась на мое существование?

— Она соглашалась на все, только чтобы иметь возможность хоть редко со мной встречаться. Завтра я скажу, что перехожу к ней жить, она умрет от счастья.

— Думаешь, она согласится на твои другие связи?

В голосе Александра прозвучали хвастливые нотки.

— Согласится, куда она денется!

С одной стороны, Вику задело то, что Александр в конце концов так легко

решил с ней расстаться, а с другой — обрадовало, что произошло это неприятное событие без шума и кровопролития.

Ночью пошел дождь, и на полу стало прохладно, но Александр принес из спальни теплый плед, и они опять заснули и спали не просыпаясь до самого утра.

А утром они, пока еще супруги, завтракали на кухне. Александр попросил:

— Помоги мне собраться, ладно?

— Как будто ты всего на пару дней уезжаешь, — с горечью заметила Вика.

Зачем тогда нужно было упираться, хвататься за ружье?

— Боязно мне было, — ответил он на ее молчаливый вопрос, — жить с кем-то без любви, по расчету. Если бы не наше расставание, сам бы я на такое не решился, а так... Словно судьба меня в этом направлении подталкивает. У нас все еще не принято торговать своей внешностью. То есть это, конечно, делается в сфере шоу-бизнеса, но в сфере производства... — Он невесело посмеялся. — Ладно, будем считать, что я — фотомоделка. Бывают же мужчины-фотомодели? Фотомоделка, которая пошла — или пошел? — работать на производство. Одна надежда, что и в голове у меня кое-что есть для того, чтобы делать успехи не только с помощью одного места.

Слышал бы кто, о чем говорит Виктория, расставаясь с мужем! На позицию девушка провожала бойца. Невидимого фронта. Отдавала в чужие руки своего первого и единственного мужчину.

Вещей получилось две большие дорожные сумки плюс пакет с дубленкой.

— Вика, — сказал Санька, оттащив вещи в машину, — а ты не будешь возражать, если машина пока останется у меня?

— Я не буду возражать, если машина вообще останется у тебя. А вот как быть с холодильником, телевизором...

— Остальные вещи пусть будут твоими. У Инессы дом под завязку забит всякой импортной техникой... Но насколько мне в нашем доме легче дышалось... — Он смутился от собственной откровенности и расцеловался с Викой. — Прощай, Тростинка, не поминай лихом своего непутевого мужа.

Он ушел, и Виктория осталась одна. С Блэком.

Информатику Виктория сдала. И получила новый студенческий билет.

— К первому сентября будьте готовы! — сказали ей в секретариате университета.

— Всегда готова! — отозвалась она.

И вышла на работу к Герману Семеновичу.

Примерно через месяц он вызвал Вику к себе и заговорил о ее намерении уйти с работы.

— Виктория, ты будешь учиться на дневном отделении, я знаю, но, может, ты сумеешь совмещать работу с учебой? Отец говорит, что ты всегда училась на пятерки. Да и я вижу, что голова у тебя светлая. Пусть твоя трудовая книжка у меня лежит, и стану я тебе платить за человеко-часы, как в старые добрые времена. Конечно, получится гораздо меньше, чем за полный рабочий день, но для простого студента деньги более чем достаточные. Согласна?

— Согласна, — кивнула Виктория. Она уже выходила из кабинета, но в дверях немного помедлила. — Скажите, Герман Степанович, а почему вы предлагаете мне такие хорошие условия? Из-за папы или...

— Или, — улыбнулся тот, — уж не знаю, что в тебе за магнетизм присутствует, но при тебе мы с англичанами три сделки обговаривали и все три прошли как по маслу. Получается, ты у нас как талисман. Легкая рука у тебя, девочка. Такое не купишь.

Она удивилась. Разве может быть так, чтобы человек по природе невезучий был для кого-то талисманом?

Вика вдруг вспомнила слова Леонида, что ее мелкие неприятности лишь плата за большое везение. За везение для других? Потому что сама для себя она ничего хорошего не ждала. Один раз ей повезло: вышла замуж за любимого человека, но и это оказалось пустым номером. Муж от нее ушел и живет сейчас с другой женщиной, которая заранее простила ему все, чего не захотела прощать Виктория.

За исключением этого разговора со своим новым начальником в жизни Виктории не происходило ничего хорошего. Или проще сказать, вообще ничего не происходило.

Она удивилась той легкости, с какой отпустила от себя Саньку, но оказалось, что ее удивление напрасно. Легкости не было, а с каждым днем становилось все хуже и хуже. На нее наваливалась не просто тоска — черная меланхолия.

Почувствовав, что с их отпрыском творится неладное, к Виктории зачастили и отец, и мать. Они притаскивали Вике сладости, дорожные билеты на какие-то концерты, гастроли известных артистов — она исправно ходила на эти концерты. Сидела в зале и внешне реагировала на выступления звезд так же, как и остальные зрители, но в душе ее было пусто и холодно.

Чтобы отбиваться от опеки близких родственников, она цепляла на лицо дежурную улыбку, а в случае необходимости и бурную радость, но стоило им покинуть ее дом, как Виктория погружалась в привычное состояние отрешенности от мира и нежелания наслаждаться его радостями.

Как ни странно, самое благотворное влияние на нее оказывали вовсе не выходы в свет, а тихие прогулки с Блэком по пустому утреннему парку — наверное, у обоих было похожее состояние. По крайней мере Вика объясняла себе нежелание собаки бегать по парку подобно другим собакам, а вот так, не спеша прогуливаться по ее аллеям, время от времени касаясь руки хозяйки и ожидая от нее легкой ласки.

Она отвечала на его беспокойство:

— Я никогда не выгоню тебя, Блэк, слышишь, никогда!

А по вечерам они вдвоем сидели на крыльце — вернее, Блэк лежал у ее ног — и молча прислушивались: Виктория — к себе, пес — к звукам за калиткой. Она — тщето ожидая всплеска, отзвука, пробуждения, он — неприятностей, которые может доставить этот непонятный коварный мир, который может ворваться в их жизнь снаружи.

В один из дней ее посетили супруги Стрельниковы, и с их приходом в Викиной жизни будто наметился просвет.

Ольга, как всегда, тарыхтела — впрочем, особенно Вике не навязываясь. А Гоша больше помалкивал, но иногда Вика ловила на себе его внимательный взгляд.

— Чем ты занимаешься в свободное время? — спросила Ольга.

— Телевизор смотрю, — пожалала плечами Вика.

— Вот еще, телевизор! От тоски он вылечить не может.

— Да с чего ты взяла про тоску-то? Я прекрасно себя чувствую.

— Оно и видно! Вот что, подружка! Тебе нужно придумать себе какое-нибудь хобби! Например, шить или вязать. В универе ты же как-то шаржи на наших преподав рисовала. И на Леопольда, помнишь? Весь курс покатывался. Правда, Гош, ты бы видел! У Витуськи куча всяких способностей, которые ей почему-то некогда реализовывать.

— Да знаю я, — смеясь, отмахнулся Гоша от непоседы жены, — ты что, забыла — мы с Викой в одном классе учились. Она всегда что-то для учителей рисовала, но в художественное училище пойти не захотела.

— Просто я понимала, что моих скромных способностей маловато для того, чтобы стать настоящим художником.

— Но достаточно для того, чтобы стать настоящим полиглотом? Оля сказала, ты все же решила университет окончить?

— Пока более-менее освоила только английский язык. Второй у меня — немецкий, — тут я в свое время дела подзапустила, придется наверстывать.

— Гошик, я скажу Вике? — Сунулась к нему под руку Ольга; она не могла терпеть, чтобы старые друзья говорили о чем-то без ее активного вмешательства.

— Ну, скажи, — согласился он.

— Так вот, Виктория, признаюсь тебе первой — Гоша не считается. У меня будет ребенок!

— Правда, Олька? Ой, как я рада! — Виктория стала ее целовать и вдруг рыдалась.

Подруга испугалась и принялась ее утешать:

— Ты что, Витуська, тоже хочешь ребеночка? Подумаешь, не найдешь, от кого родить? Глупышка! Если хочешь знать, я и не очень хотела. И когда узнала, что залетела, сначала даже расстроилась. Как бы не пришлось бросать университет, но Гоша сказал, что он лучше еще одну работу себе возьмет, но нас с малышом обеспечит. И мама с папой тоже обещали подключиться.

Потом Вика развеселилась и до самого конца вечера охотно смеялась шуткам и анекдотам Гоши, так что окончательно усыпила их беспокойство. Но когда они ушли, почувствовала облегчение. Створки раковины, в которую она влезла, опять захлопнулись.

Глава двадцать третья

Поскольку будущее Виктории в части материальной внезапно оказалось вполне обеспеченным, она купила себе на кухню маленький телевизор и теперь занималась своими делами, поглядывая в него.

Из тоски она все же стала выбираться, потому что по натуре вовсе не была ни нытиком, ни меланхоликом, к тому же поняла: кроме нее самой, никто ее из омота тоски не вытащит.

Отыскалось для этого и хобби: она стала делать... кукол! Небольших художественных способностей, которые у нее имелись, вполне для этого хватило. Труд лечит, это она испытала на себе. Особенно труд творческий.

Вот и этим вечером Виктория наскоро поужинала и теперь заканчивала мастерить смешного человечка во фраке с прищуренным левым глазом и в заливчатски надвинутом на лоб цилиндре. Она назвала его Бобби.

— «...Кровавая драма произошла сегодня на обычной тихой улочке нашего города, Затонной, номер дома восемнадцать».

Вика подняла голову и стала смотреть. Улица Затонная располагалась всего в двух кварталах от ее дома.

— В особняк известного бизнесмена города Леонида Одинцова в отсутствие хозяина ворвались бандиты. Они убили домработницу, которая, по-видимому, пыталась оказать им сопротивление, и похитили трехлетнего сына Одинцова.

Камера съемочной группы телевидения показала высокий забор с камерами слежения у высоких ворот и огромный особняк, больше похожий на феодальный замок Средневековья.

Виктория, всякий раз проходя мимо замка, удивлялась про себя — кому понадобилось такое огромное, нелепое здание? Наверное, в нем легко бы разместился не один десяток семей, а для того, чтобы его убрать, небось требуется целый штат прислуги.

Леонид Одинцов... Что-то знакомая фамилия... Вспомнила! Это же он четыре года назад женился на ее однокурснице Марине. Самодовольной красавице, которая предпочла еще более богатого иностранца и мужу, и маленькому сыну...

«Леонид!» — вспомнила Вика своего нового знакомого. Кажется, совсем недавно он давал ей свою визитку, которую она куда-то сунула, даже не взглянув на нее. О, в тот момент голова ее была занята куда более серьезными личными проблемами, чем фамилия малоизвестного ей человека.

Так и есть. В состоянии едва ли не шока от выходки мужа со стрельбой и его последующими откровениями она машинально положила визитку Леонида в свою сумочку.

Вика достала кусочек белого с золотом картона. Леонид Одинцов! Это он, оказывается, живет в том самом доме. И это его бросила ветренная Марина. Но тогда... тогда украли этого хорошенького смышленного мальчишку, который предлагал ей побыть его мамой, пока у нее не появятся собственные дети!

Еще не понимая, что делает, Виктория стала лихорадочно одеваться. Во что именно, не раздумывала. Схватила первое, что попало под руку: белую юбку, футболку и босоножки на невысоком каблуке.

Вика еще не знала, что будет делать. Пройдется до одинцовского дома и посмотрит, что к чему. Отчего-то она убедила себя, будто, случись с ней что-ни-

будь такое, о чем на весь свет стало бы кричать телевидение, он тоже попытался бы ей помочь.

«Растащило меня! — тщетно убеждала себя Вика. — Помощница нашлась! Что я смогу сделать? Только путаться под ногами. Небось у него полный дом профессионалов, которые разработали операцию по спасению маленького Андрея. И ведут переговоры с киднепперами или прослушивают все телефонные звонки, — в боевиках это все подробно показывали. В таких делах не место простым зевакам!»

Говорила себе это и продолжала одеваться. Подумала было взять с собой Блэка — он полностью выздоровел и вопросительно смотрел, как хозяйка закрывает дом.

— Стереги нашу недвижимость, — сказала ему Вика. — Скорее всего я туда и обратно, только взгляну.

Она представляла себе улицу, заставленную машинами с мигалками, киношников с камерами и кучу зевак. Но никаких мигалок не было, ворота дома были наглухо закрыты. Лишь метрах в десяти от забора стояли микроавтобус с надписью «Телевидение» и рядом с ним две легковые иномарки.

Ждут событий, поняла Вика, а они в ближайшее время могут и не произойти.

Но раз уж она здесь... Вика подошла к домофону у калитки и нажала кнопку. И тут же почувствовала за спиной какое-то движение. В раскрытое окно одной из машин выглянул объектив кинокамеры. Киношники снимали ее на всякий случай.

— Чего надо? — откликнулся чей-то равнодушный голос.

— Леня! — закричала она, словно около динамика сидели совсем уж глухие. — Откройте, это я, Виктория!

Хлопнули дверцы сразу в двух машинах. Корреспонденты решили, что она — не случайная посетительница. Вика вовсе не хотела отвечать ни на чьи вопросы, тем более что и отвечать ей было нечего.

Но, к счастью, щелкнул замок, калитка автоматически открылась, и Вика поспешно шмыгнула в нее, захлопывая за собой.

Теперь Вика ждала, что во дворе будет уйма народу. По крайней мере хоть пара охранников в камуфляже, но и двор был пуст.

Она беспомощно огляделась: и вправду никого. Но кто-то же открыл ей калитку! Надо идти, раз пришла.

Вика поднялась по широким мраморным ступеням, толкнула от себя дверь и вошла в огромный холл. Опять никого. Прямо заколдованный дворец какой-то. Холодный, официальный, нигде ни одной пылинки, брошенного платка, раскрытой книги... Да живет ли здесь кто-нибудь!

— Ау, люди! — жалобно пискнула она.

— Заходите, Виктория!

Она подняла голову: наверху тоже мраморной лестницы, но гораздо более узкой, ведущей на второй этаж, стоял Леонид.

— Здравствуйте, — медленно проговорила Вика, взглядываясь в него.

Вот что интересно, когда он сбил Блэка, а потом таскал его на руках и когда лез через забор, чтобы открыть Вике калитку, он вовсе не походил на того человека, который стоял перед ней сейчас. Почерневший, осунувшийся, с какими-то погасшими глазами. Но тем не менее он пытался ей улыбнуться.

Виктория украдкой облегченно вздохнула: хуже нет в такие минуты быть для человека обузой. Ведь недаром же ни во дворе, ни в доме никого нет. Леонид нарочно захотел остаться один.

— А я, наверное, не поздоровался? Здравствуйте, Виктория. Вы уже слышали?..

— Только что, по телевизору сказали. Я подумала, что, может, вам нужна моя помощь... Глупо, да? Но когда я вблизи посмотрела на ваш замок, когда вошла в него, я поняла, что человеку, который это построил, вряд ли может понадобиться помощь от такой женщины, как я.

— А какая вы женщина?

Он наконец спустился и поцеловал ей руку. Как можно жить в таком... в такой каменной гробнице! Он же не фараон. Как здесь неприветливо и одиноко...

— Наверное, не слишком умелая и знающая.

— И тем не менее однажды вы уже спасли мне жизнь.

— Которую вы чуть не отдали за меня, — добавила Вика.

Они посмотрели друг на друга, и в глазах Леонида Вика увидела надежду. Как будто ее приход и вправду мог ему помочь.

— Они уже звонили? — спросила она.

Он не стал переспрашивать и уточнять, кто такие «они». Сказал просто:

— Звонили. Стали угрожать, что я поплачусь за то, что вызвал милицию. Вы не поверите, я, как испуганный школьник, стал лепетать, что звонил не я, а кухарка, которая пришла с базара и увидела мертвую Оксану Васильевну. Бедная женщина! Она так любила Андрюшу. Наверное, бросилась на его защиту.

— И чего они хотят?

— Сто тысяч долларов.

У Вики даже дыхание перехватило. Когда с такими деньгами не сталкиваешься, забываешь, что у кого-то они могут быть. Это сколько же в рублях? Почти три миллиона. Вика все же не удержалась, спросила:

— А у вас они есть?

— Пытаюсь собрать у знакомых. Сейчас кинул клич: не купит ли кто из моих коллег этот дом? Он стоит раз в пять больше этой суммы, но я бы отдал его за сто тысяч.

Мама дорогая! Этот дом стоит полмиллиона долларов?! Что здесь делает Виктория, для которой и полторы тысячи баксов — огромная сумма, на которую она вполне может прожить целый год! Человек, который ворочает такими суммами, может спокойно нанять армию, ОМОН, ФСБ и кого там еще? И уж тем более не нуждается в поддержке бедной студентки.

— Значит, у вас работа идет полным ходом, — промямлила она. — Тогда я пошла?

— Подождите. — Он взял ее за руку. — Я ждал вас.

— Вы — меня? Но почему?

— Потому что в праздники к человеку приходят те, кто хочет с ним повеселиться, а в горе — только женщина с таким обнадеживающим именем, как ваше. Вы пришли и не побоялись, что рядом со мной окажется любящая и горящая жена?

— Я училась с Мариной в одной группе.

— Но я вас не помню. Вы не были ни на свадьбе, ни на одном из семейных праздников.

— Конечно, мы ведь с Мариной не дружили. Мы с ней слишком разные. Впрочем, это сейчас не важно. И вообще, я только двадцать минут назад, когда прочла вашу визитку, поняла, что вы — это вы.

Где-то поблизости зазвонил телефон. Леонид взял трубку и включил громкую связь.

Он давал понять, что не имеет от нее никаких тайн.

— Леня, ты и вправду решил продать свой замок? — услышала Виктория чей-то мощный густой бас. — Ребята говорят, за стольник. Ну, это смешно. Я не могу наживаться на чужой беде... так явно... Прости, братан, тебе сейчас не до шуток. Могу дать тебе двести. Сто — сейчас, а еще сто — через месяц.

— Я согласен.

— Вот и ладушки. Тогда встречный вопрос: когда можно будет въехать?

— Завтра. Сегодня я должен побыть здесь.

— Понимаю. Неужели все так серьезно?

— Серьезнее некуда.

— Деньги я приготовлю. Через час можешь забрать. Удачи тебе! Моя кобра обрадуется! Она твоему домику прямо-таки обзавидовалась. Ну, бывай!

— Бывай.

Вика онемела от возмущения:

— Как он может! У вас горе, а он... «Когда въехать»! — Она передразнила говорившего.

— Он меня выручает. До сего момента я обзвонил уже пятерых — никто не смог ничего пообещать, а Виталик вон через час деньги отдаст.

— Где же вы с сыном жить будете?

— Я молю Бога только об одном: чтобы с ним ничего не случилось! А жить... Пока поживем в гостинице.

— Вы сегодня ели что-нибудь?

— Не знаю. Кажется, не ел.

— Давайте я вам чего-нибудь приготовлю.

— Спасибо, не надо. Мне в горло сейчас ничего не полезет. Знаете, его будто сковало. Даже дышать трудно...

Они помолчали. Странно, что Одинцов ничуть не удивился приходу Виктории. И она сама неизвестно почему к нему примчалась. Жил же он до нее много лет, справлялся со своими проблемами, а теперь Виктория вдруг вообразила себя спасительницей человечества...

Телефон зазвонил снова. Леонид торопливо схватил трубку, не выключая громкую связь, и Вика услышала другой голос. Какой-то булькающий. Наверное, нарочно его исказали.

— Мы проверили, ты и вправду в милицию не звонил, — сказал кто-то. — Тот, кто убил твою домработницу и привлек внимание ментов, уже получил свое. Деньги собрал?

— Через час они будут у меня. Что с моим сыном?

— Жив-здоров, не волнуйся.

— Я хочу его слышать!

— Можешь. Пацан, скажи что-нибудь папе.

— Папа! Папочка!

— Хватит с тебя, а то малец раскричится, придется ему лишний укол делать.

— Вы его чем-то колете? — ужаснулся Леонид.

— Не бойся, за пару раз наркоманом не станет.

Послышались частые гудки. Леонид еще некоторое время подержал трубку, а потом медленно положил ее на рычаг. Сказал, будто ни к кому не обращаясь:

— Если с Андреем что-нибудь случится, я найду их и убью!

Он сказал это спокойно, без пафоса, и Вика поняла, что так и будет. Пожалуй, он все отдаст, но похитителей найдет.

— Скажите, Леня, а милиция? Они что же, ничего не предпринимают?

— Не знаю, — буркнул он, — я сказал им, чтобы не лезли не в свое дело, но послушались меня или нет, вот вопрос.

— Может, они прослушивают ваш телефон и засекут, откуда звонят.

— Не засекут. Киднепперам достаточно иметь пару-тройку мобильных, записанных на чужое имя. Просто украденных, например, из женских сумочек. Скупить их по дешевке у карманников. А потом после каждого звонка спокойно выбрасывать.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Разве я не делаю?.. Странно, от усталости как-то притупляется боль. Сутки на ногах, и уже передвигаешься и соображаешь как зомби.

— Давайте я принесу вам кофе. Где у вас кухня?

— Пойдемте туда вместе. Там тоже есть телефон... Хотя что это я! Можно просто взять трубку... Сегодня я туго соображаю. Странно, что я оказался совершенно не готов к испытаниям. Вместо того чтобы собраться, я лью слезы и бьюсь в истерику.

Вика удивленно покосилась на него.

— Иносказательно?

— Нет. Просто вам не видно... Такое впечатление, что я стою на краю пропасти и меня с жизнью связывает лишь тоненькая ниточка — мой бедный сын. Если она оборвется, я рухну вниз.

— Вы не должны так думать, — поспешно сказала Вика. — Наоборот, надо твердить себе, что все хорошо кончится.

— Вы так думаете?

— Я знаю... Это правда, что вы банкир?

— Правда.

— А разве вам не могли бы дать кредит? Как это называется, под залог недвижимости?

Что она вмешивается не в свое дело? Наверное, ему виднее, брать или не брать кредит, и сколько, и как или продать этот дом... Вот уж где бы Виктория жить не хотела. Скорее всего она просто не создана для богатой жизни.

А он словно не на ее вопрос отвечал, а сам с собой беседовал.

— Я всегда терпеть не мог этот несуразный домино! И Андрюха тоже. Он даже спросил как-то: «Папа, а у нас с тобой будет когда-нибудь такой дом, как у всех людей?»

— Зачем же тогда вы его строили?

— Все дело в том, что я строил его как дом для своей семьи, а получился памятник... моей глупости. Не все то золото, что блестит. Я говорю загадками?

— Отчего же, мне все понятно.

Кухня была огромная и идеально чистая. С барной стойкой. Как в кино.

Вика нашла и кофе, и джезву и разобралась, как включается супернавороченная плита. Сегодня ей все удавалось. И кофе не сбежал.

Но, занимаясь делом, Вика посматривала на Леонида. Он совсем потерялся. Сидел и смотрел на телефон, как будто его связывало с ним живой артерией.

Виктория на его месте и вправду бы рыдала и билась в истерике: представить только, такая кроха, твоя кровиночка в руках бездушных негодяев, вольных сделать с ребенком все, что им заблагорассудится.

— Выпейте! — Она поставила перед Леонидом чашку. — Вам надо держаться. Ведь от вас все зависит!

— А... да, вы правы.

Он протянул к чашке руку, но тотчас ее опустил, потому что опять зазвонил телефон.

— Твой мобильник — при тебе?

— При мне.

— Сейчас тебе перезвонят.

И тут же запиликал его сотовый телефон. О чем ему говорили, Виктории на этот раз не было слышно, а Леонид в ответ согласно кивал, не думая о том, что его кивок никому не виден.

Наконец он выговорил:

— Хорошо! — И уже Виктории: — Вы поедете со мной?

— Поеду.

Он почти побежал к парадной двери.

— Пойдите!

Леонид неохотно остановился.

— Вам, наверное, сказали, чтобы вы приехали один?

Он наморщил лоб, сосредоточиваясь:

— Конечно. А что? Вы не хотите ехать?

— Дело не во мне. Вряд ли они стали бы против моего присутствия возражать. Дело в том, что у ворот вас караулят тележурналисты. И они не упустят случая отправиться за вами вдогонку.

— Об этом я не подумал.

— У вас есть черный ход или какая-то другая калитка?

— Есть! Через соседский участок. Но тогда я не смогу взять машину, а без машины — никак.

— Ясно. Вы ведь сейчас поедете к своему приятелю Виталию?

— К нему. Он же деньги приготовил.

— До его дома возьмем такси, а потом попросите у него какую-нибудь машину. Он даст?

— Еще бы не дать!

— Тогда чего вы стоите?

Он благодарно взглянул на Викторию, схватил ее за руку и опять потянул ее в дом. Они пробежали через холл, потом через длинный коридор, сбежали по узкой лесенке и оказались на задворках дома, откуда по тропинке вышли на соседний участок через неприметную калитку в высоком заборе.

— Здравствуйте, Галина Михайловна! — крикнул он женщине, которая читала, сидя в плетеном кресле на веранде небольшого — в несколько раз мень-

шего, чем одинцовский — дома.

— Здравствуйте, Леня, — ласково откликнулась она. — Вы от кого-то бежите?

— Телевизионщики замучили, — признался он, почти не кривя душой.

Соседка скорее всего телевизор не смотрела и не знала, какие события разворачиваются на соседнем участке.

Этот двор выходил на оживленную улицу, так что Леонид сразу поймал такси, усаживаясь с Викой на заднее сиденье.

Она уже перестала удивляться тому, что события втянули ее в свой водоворот. И тому, что согласилась ехать с Леонидом на встречу с бандитами, похитившими его ребенка. И не думала о том, что это может быть опасно.

А если и опасно, так неужели она бросит человека одного? Хотя, с другой стороны, кто он ей? Всего лишь тот, кто сбил на своей машине ее собаку.

Его приятель Виталий жил на центральной улице города. В доме, где квартиры стоили дороже всего и где прежде жила партийная элита, а потом стали селиться и те, кто мог и хотел купить здесь квартиру.

Жить в таком доме было престижно, но теперь, надо понимать, Виталий вырос из этих стен и приобретет у Одинцова дом в стиле феодального замка. По мнению Вики, довольно безвкусное сооружение.

Теперь ее с Леонидом провели в квартиру, и Виталий спросил Вику:

— Вы как, сериалами не увлекаетесь? У меня жена с сыном только в этот ящик и пялились. А теперь они в отъезде, я продолжаю их дело... Прошу прощения, мне надо пошептаться с Леонидом. Скучный мужской разговор, вы не обидитесь?

— Не обижусь.

Вряд ли их встреча продлится дольше пяти минут. Хозяин не знает, что Леонид торопится.

Вика села на краешек какого-то шикарного кресла, но вникать в происходящее на экране не стала. Не до того.

И правильно сделала, потому что Леонид вышел к ней почти тут же с ключами в руках и потертым кожаным портфелем.

Виталий пошел впереди, Вика с Леонидом за ним, и при этом хозяин квартиры говорил не переставая, наверное, оттого, что чувствовал себя не в своей тарелке. Леонид не отвечал на его посылы, смотрел будто сквозь него, весь в своих мыслях, и тогда Виталий стал обращаться к ней, к Вике:

— Верите ли, в доме нет ни одного дипломата. Я уже и забыл, когда в последний раз держал его в руках. Разыскал в кладовке только этот портфель. Но все равно ведь с ним по городу не ходить. А те, кому Леонид будет отдавать деньги, обойдутся. Не специально же для них дипломат покупать!

Оказалось, они спустились в подземный гараж, где у Виталия стояли аж три машины. И не старые, как «Жигули» у Петровских, а новые, такое впечатление, еще в заводской смазке.

— Ты какую возьмешь? — Хозяин радушным жестом предложил свой автопарк.

— Давай «БМВ». Не жалко?

— Не жалко. Да, доверенность! Погоди, у меня где-то здесь фирменные бланки были. Иной раз приходится охранников посылать за машиной. Так они сами заполняют. Уже с моей подписью и данными паспорта.

— И мы так сделаем. — Леонид нетерпеливо выхватил бланк из его рук. — Извини, тороплюсь. Осталось до условленного часа двадцать минут, а мне еще до девятого километра ехать.

— Успеешь? Возьми пульт, мало ли, придется машину на сигнализацию ставить. — Он стрельнул глазами в сторону Виктории и спросил вполголоса, но так, чтобы ей было слышно: — А это кто с тобой?

— Мой ангел-хранитель, — без улыбки ответил Леонид.

Глава двадцать четвертая

Все дальнейшее происходило как будто не с ней, таким все казалось мутным и зыбким. Они остановились и съехали на обочину у щита, напоминавшего водителям, что эта дорога ведет не куда-нибудь, а в Ростов.

— Еще пять минут, — сказал Леонид в ответ на ее вопрошающий взгляд.

Вика тщетно оглядывалась назад и всматривалась в идущие мимо машины, когда неприметный, заляпанный грязью — японский, почему-то решила она, — автомобильчик выполз с неприметной проселочной дороги.

Леонид схватил портфель и выскочил из-за руля ему навстречу.

Из автомобильчика вышли двое: один с ребенком на руках, второй с оружием за поясом, которое он ненавязчиво Леониду продемонстрировал.

Виктория на всякий случай приоткрыла дверцу машины со своей стороны — собиралась бежать на выручку? — и услышала, как тот, что как раз передал Леониду ребенка, заорал:

— Да жив он, жив, через два часа проснется!

А второй, махнув портфелем, поинтересовался:

— Пересчитывать не нужно?

Но потом они что-то увидели на дороге, потому что тот, с пистолетом, даже направил его в сторону идущего Леонида, но второй схватил его за руку, и они понеслись к своей машине.

Видимо, мотор оставили работающим, потому что машина тут же рванулась с места и помчалась вперед с неожиданной для ее габаритов скоростью.

А в это время из-за «БМВ», где сидела Вика, выдвинулся силуэт какой-то черной тупорылой машины, которая буквально просвистела мимо них и помчалась вдогонку за той, маленькой.

Но это Вика отметила какой-то частью сознания, потому что теперь ее внимание было занято подошедшим Леонидом и его сыном.

Лицо мальчика, бледное, с синими кругами под глазами, казалось неживым, и у Вики больно екнуло сердце — Андрюша был не похож на того веселого жизнерадостного мальчика, каким она его прежде видела.

— Его надо отвезти в больницу, — сказала она, разрываясь от жалости при виде страдающего лица Леонида.

Вдвоем они уложили малыша на заднее сиденье.

— Вика, — сказал Леонид, — а не могли бы вы сесть рядом с Андрюшей? Мне придется ехать быстро. Чтобы он не упал...

— Конечно, конечно, — заторопилась Вика, устраиваясь так, чтобы положить голову мальчика к себе на колени.

И они помчались по вечерним улицам. Виктория посматривала за окно, тщетно пытаясь угадать, по каким именно. Почему-то она в такие минуты воспринимала все с запаздыванием. По крайней мере в части осмысления. Она делала все машинально, как робот, и вроде правильно, чтобы потом, наедине с собой, уже как следует все осмыслить.

Леонид оставил ее с сыном в машине и бросился к дверям детской больницы. Через пару минут он выбежал с врачом и двумя санитарями с носилками, и те отобрали у нее мальчика и почти бегом понесли в здание.

Она осталась сидеть в машине, потому что никто ей не сказал, что делать — сидеть или идти следом.

Оказалось, ключ до сих пор торчит в замке зажигания, поэтому Виктория машину все-таки закрыла и вошла в здание больницы, чтобы узнать, как дела.

Леонид сидел в приемном отделении больницы и смотрел в пол, очевидно, забыв обо всем.

— Леня, — окликнула его Виктория, — что сказали врачи?

Он как-то по-воробьиному встрепенулся.

— Сказали, что Андрею укололи какое-то снотворное и он спит, но, поскольку доза оказалась слишком большой для такого маленького ребенка, ему придется поставить капельницу, чтобы очистить кровь... — Он говорил монотонно, как будто передавал сводку новостей, не имевшую к нему лично никакого отношения. — ...И еще, чтобы я утром приходил, а ночью возле Андрюши посидит медсестра, потому что родителям быть в реанимации не положено... Я всегда считал, что реанимация — это когда человек при смерти...

— Вы не доверяете врачам. Считаете, что они не сделают все так, как надо? — спросила Вика.

Он поднял на нее глаза, медленно обдумывая ее слова.

— Я заплатил медсестре... И врачу. Он сказал, что за такие деньги он и сам на ночь останется... Он пошутил? Как вы думаете?

— Я думаю, что с такими делами не шутят. И все равно вы ничего больше не сможете сделать. Вам и в самом деле нужно поехать домой, а утром пораньше сюда вернуться.

— Домой? — усмехнулся он. — В этот огромный склеп?!

— Но зачем тогда вы его таким построили? — вырвалось у Вики.

— Его строила моя бывшая жена... моими руками. Замки строят в честь женщин, как раньше пирамиды строили в честь фараонов... Они простоят века...

Что это, заговаривается он, что ли?

— Пойдемте, Леня. — Виктория подставила ему плечо, думая, что от перенесенного стресса мужчина не может сам подняться. — Вы здесь больше ничего не высидите.

— Что вы, — он встал и выпрямился, — это была минутная слабость. Вы правы, утром я приеду. А то Андрюша проснется и еще больше испугается. Он боится врачей.

Вика вручила ему ключи от машины:

— Возьмите.

Он посмотрел на нее измученными, воспаленными глазами:

— Виктория! Могу я попросить вас... поехать ко мне домой? Не думайте, я ничего плохого не имею в виду. Просто как представлю...

— А вам обязательно надо быть там, в этом доме?

— Не обязательно. Но вы же сами сказали, что здесь сидеть не стоит.

— Не стоит. Я предлагаю поехать ко мне. Во-первых, у меня дома гораздо уютнее, не обижайтесь, а во-вторых, я обещала Блэку погулять с ним. Правда, сейчас уже поздно, но если вы пойдете с нами, то мы не будем бояться.

Она, конечно, пошутила насчет бояться. Чего можно бояться с Блэком?

— Пойду, — оживился Леонид, проводя по лицу рукой. — Черт! Я весь будто в какой-то липкой дурманной паутине. Никак не могу прийти в себя. Считаете, Андрей вне опасности?

— Конечно, вряд ли врачи стали бы вас обманывать.

Вдвоем они сошли вниз с широких ступеней, и Леонид открыл перед Викой дверцу машины.

Они проехали по освещенным фонарями улицам города, и Леонид вдруг остановил машину у круглосуточно работающего магазина.

— Подождите меня, я постараюсь недолго.

«Супермаркет», — прочла Виктория. Однако какой заботливый! Подозревает, что у нее может быть пуст холодильник? Это тебе не Майор! А впрочем, она опять делает скоропалительные выводы.

Но предчувствия ее не обманули. Леонид вернулся спустя двадцать минут буквально обвешанный пакетами.

— Вы скупили полмагазина, — попеняла ему Вика. — Для чего? Неужели я не накормлю вас ужином? У меня, если хотите знать, на непредвиденный случай есть отбивные в морозилке.

— И часто они у вас бывают, непредвиденные случаи? — вроде равнодушно поинтересовался он.

— Вы — первый, — спокойно сказала Вика; еще не хватало поддаваться на провокацию. — Мои родители тоже обычно притаскивают все с собой. Если бы я это съедала, меня пришлось бы возить в тележке грузоподъемностью килограммов двести.

— Я купил, кроме продуктов, спортивный костюм, кроссовки, зубную щетку, лезвия, крем для бритья... — Это Леонид произнес скороговоркой, словно старался сгладить впечатление от своего не слишком тактичного вопроса.

— Спортивный костюм — это, конечно, круто, — только и смогла выговорить Виктория.

— А в чем же мне идти гулять с вами и Блэком! — сказал он.

Когда они подъехали к ее дому, Вика открыла калитку и на всякий случай загнала в вольер Блэка. Мало ли, что Леонид носил его на руках. Теперь пес вполне здоров и интуитивно чувствует, что он у Виктории — единственная защита. Ей кажется, в нем появилась свирепость, которой она раньше не замечала.

Она взглянула на Леонида — какой у него, однако, измученный вид!

— Может, вы подождете в доме, пока мы с Блэком погуляем? — предложила она. — Мы далеко не пойдём. Я хочу побыстрее с этим закончить, закрою калитку на засов и выпущу Блэка. Пусть гуляет во дворе.

— Нет, что вы, я с удовольствием погуляю. Отчего-то мне кажется, что я все равно не мог бы заснуть. Я быстро переоденусь.

— Не спешите, мне тоже придется переодеться, — улыбнулась Вика.

И тоже надела спортивный костюм.

В парке в этот час уже никого не было, и Вика спросила у Блэка:

— Хочешь побегать?

Он взглянул на нее и подставил шею, мол, снимай побыстрее этот дурацкий поводок. А едва она сняла, прыгнул в кусты и пропал. Он побежал! Вика оглянулась на Леонида, который спокойно смотрел вслед собаке. Ну да, конечно, он же не знает, что Блэк за два месяца жизни у нее побежал сегодня в первый раз!

Вика присела на лавочку, и Леонид сел рядом.

— Все будет хорошо, вот увидите, — сказала она, — у меня хорошее пред-

чувствие.

— Вы сегодня во второй раз спасли меня. — Он посмотрел на нее успокоившимися глазами — они лишь поблескивали в темноте и уже не выглядели запавшими.

— Вот еще, — смутилась Вика, — я ничего такого не сделала.

— Вы были рядом.

— Наверное, мне это нужно было и самой, — пробормотала она, — я забыла о своих неприятностях, потому что вам было гораздо хуже, чем мне.

— Неприятности? — всполошился он. — У вас тоже что-то случилось?

— Случилось. Умерла моя первая любовь.

— Она у многих умирает.

— Успокоили! — фыркнула Вика. — Но вместе с ней, казалось, умерла я сама.

— А на самом деле?

— На самом деле я сижу и радуюсь, что Блэк сегодня впервые согласился побегать. Наверное, он боялся, что я брошу его и уйду. А может, тоже переживал свой собачий стресс.

— Вы поэтому обрадовались?

— Поэтому. Но вам не кажется, что он слишком долго бегают? — И, поднявшись с лавки, она крикнула: — Блэк!

Через несколько секунд зашелестели кусты и огромный зверь семейства собачьих подбежал и ткнулся ей в руку.

— Пора домой.

Пес покорно сел рядом, пока она прикрепляла к ошейнику поводок.

Вика закрыла калитку на засов. Привычно поставила две миски, с кормом и водой, и вернулась в дом.

Леонид уже разворачивал пакеты, которые перед тем они просто свалили на кухонном столе.

— Знаете, я взял бутылку неплохого молдавского вина. Выпьете со мной?

— Выпью, — согласилась Вика, разогревая свои знаменитые котлеты из морозилки.

В четыре руки они быстро накрыли отличный стол. Чокнулись и выпили за здоровье Андрюши. Леонид отрезал кусочек отбивной, сунул в рот, прожевал и зажмурился:

— Благодать! Только сейчас я наконец расслабился. Как будто из меня выпала пробка, которая удерживала просто-таки сконцентрированное напряжение, и оно давило на меня изнутри, так что до сих пор болит грудь. А теперь, видите, я могу даже есть и дышать.

— Все будет хорошо, — повторила Вика.

— Теперь я хочу выпить за вас. За тебя и попросить разрешения впредь называть вас на ты. Это не слишком большая наглость?

— Не слишком, — улыбнулась Вика.

Она постелила ему на диване, а когда спустя полчаса осторожно заглянула в комнату, увидела, что он спит.

Сейчас это для него было самым главным.

Утром Вика услышала, как он пошел в ванную, и подскочила сама. Семь часов! Вчера она долго не могла заснуть, а сегодня долго не может проснуться. Хозяйка, называется!

Впрочем, когда он вошел на кухню, на столе уже стоял кофе, лежали и булочки, и горячие бутерброды — Вика умела делать все быстро. При этом иной раз, как сегодня, ей удавалось ничего не разбить и не пролить.

В половине восьмого они оба собрались, и Леонид подождал, пока Вика загонит Блэка в вольер.

— Можно я поеду с вами в больницу? — спросила она.

— Разве вчера мы не перешли на ты? — напомнил он.

— Перешли. Так ты возьмешь меня с собой?

— Возьму. Думаю, Андрей будет тебе рад.

— Он, наверное, давно меня забыл.

— Ошибаешься. Он несколько раз просил меня зайти к тебе в гости.

— Серьезно?

— Вполне.

— А ты?

— Я объяснял, что это невозможно... — Он помедлил и признался: — Ты так отчаянно горевала. Тебе было бы не до нас.

— Горевала? Но откуда ты зна... ты следил за мной?!

— Следил, — признался он, открывая ей дверцу машины, и она машинально села, а потом, когда он тоже сел за руль, возмутилась:

— Кто тебе позволил?

— Интересно, — он подвигал плечами, — а надо было заявление написать? Прощу разрешения, Виктория Павловна, последить за вами месяц-другой?

Она закусила губу, не зная, продолжать ей возмущаться или уже махнуть на это рукой.

— Ну и что ты навывслеживал? — поинтересовалась она. — Что именно ты хотел узнать в результате своей слежки?

— Ну как что... — Леонид подбирал слова. — Надо же мне было узнать, кого Андрей выбрал своей мамой.

Что он такое говорит? Они только вчера перешли на ты. И даже ни разу не поцеловались.

— Тебя интересовало только это? — сварливо поинтересовалась она.

— Не только... А вдруг ты не согласишься! — выпалил он.

— Конечно, не соглашусь. — Она посмотрела на его сникшее лицо и добавила: — Если не буду знать, на что именно.

— Но ты же догадалась?

— Нет, — отрезала Вика. — Разве что... тебе нужна домработница.

В это время зазвонил его сотовый телефон. Он послушал, пару раз сказал «нет», «да» и «хорошо», после чего повернул к ней несколько растерянное лицо.

— Представляешь, звонили из милиции. Они там кого-то арестовали и просят меня заехать, получить обратно свой портфель с деньгами.

— Да здравствует российская милиция! — сказала Вика.

— Как ты думаешь, нам этих денег хватит на свадебное путешествие? — спросил Леонид.

Это называется предложение руки и сердца?! Хорошо же, как аукнется, так и откликнется!

— С первого сентября у меня начинается учебный год, — сварливо сказала она. — У тебя осталось меньше месяца.

— Я управляюсь, — пообещал он, останавливая машину у обочины.
И поцеловал Вику так, что у нее чуть не остановилось дыхание.
Кто сказал, что у человека в жизни может быть только одна любовь?

Тихая, скромная Виктория внезапно оказывается в центре бурных страстей...

Узнав, что ее «идеальный муж» Саша в действительности — гуляка и бабник, она решается на разрыв. Однако вычеркнуть изменника из своей жизни окончательно героиня не в силах — Саша ее первая и единственная любовь.

Но, как известно, лучшее лекарство от несчастной любви — новая любовь. В жизни Виктории появляется Леонид — он и хорош собой, и богат, но тем не менее ей очень нелегко сделать выбор.

Однако все решает сама СУДЬБА...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.